Фото Виктории ИВЛЕВОЙ

70 коп.
Индекс 70798

Фотоочерк о проблемах Аральского моря — в следующем номере.

РОДИНА

ISSN 0235—7089

1/90

ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ОБНОВЛЕНИЮ

ОБ ЭТОМ — МАТЕРИАЛЫ

ПОД РУБРИКОЙ «ТОЧКА ЗРЕНИЯ»

Фото [illegible]

Жилищный вопрос?

Кто-то сказал, что если б Лев Толстой жил в «коммуналке», он стал бы Салтыковым-Щедриным...

Только в Российской Федерации в коммунальных квартирах живут более шести миллионов наших сограждан. Живут в надежде до 2000 года получить собственное жилье.

РОДИНА 1/90

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР

Выходит с января 1989 г.

На первой обложке фото Андрея Соловьева

Коллектив журнала «Родина» приносит свои извинения читателям за задержку с выходом номера, которая произошла не по вине редакции.

Москва.
Издательство
«Советская
Россия»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Рубрика, в которой традиционно читатели высказывают мнение, которое редакция может не разделять. Тема сегодняшнего разговора — «КПСС в современном обществе».

10
Инга КИЧАНОВА,
ученый секретарь Объединенного проблемного совета по этике АОН при ЦК КПСС.
«...СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ВОЛГО-ДОНСКОГО КАНАЛА СУЩЕСТВОВАЛА ПОДПОЛЬНАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ...»

31
Байба ПЕТЕРСОН,
философ.
«ПАРТИЯ — ВСЕГО ЛИШЬ ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ ОПРЕДЕЛЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ЛЮДЕЙ».

62
Виктор ТРУШКОВ,
руководитель кафедры Московской Высшей партийной школы.
«ПОЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ — НЕ СТОЛЬКО ПАРЛАМЕНТ, СКОЛЬКО ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ».

74
Юрий ВЛАСОВ,
народный депутат СССР.
«КОНСТИТУЦИЯ СТРАНЫ ДОЛЖНА ДОПУСТИТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДРУГИХ ПАРТИЙ».

86
Андрей ЗИНЬКОВ,
рабочий Хабаровского завода металлоконструкций.
«...Я СЧИТАЮ, ЧТО НЕ МЕНЬШИЙ УРОН АВТОРИТЕТУ КПСС НАНЕСЛИ МЫ САМИ, РЯДОВЫЕ КОММУНИСТЫ...»

СТАРОЕ

14
В СТАТЬЕ
«Тайна октябрьской ночи» доктор исторических наук Виталий Старцев делает попытку развенчать один из исторических мифов, созданных в период сталинщины.

23
ИМЯ АДМИРАЛА
А. Колчака в нашей истории однозначно причисляется к лагерю контрреволюции. Действительно, он был одним из вождей «белого движения», и тем не менее эта трагическая фигура прошлого требует внимательного изучения.

32
ВОСПОМИНАНИЕ
народного артиста РСФСР Михаила Козакова «Несыгранная пьеса для театра «Современник» рассказывает о попытке поставить на московской сцене пьесу А. Солженицына «Олень и шалашовка».

38
РАКУРС.
Сегодня мы знакомим любителей старинной фотографии с открытками, которые выпускались в Киеве в конце прошлого и в начале нашего века.

НОВОЕ

44
В РУБРИКЕ «ОНИ О НАС»
публикуются материалы из зарубежной прессы.

48
КАК ЖИВЕТ СЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИК? —
об этом рассказывают наши корреспонденты Владимир Белых и Владимир Лагранж в очерке «Одинокая стежка».

63
«ИМЯ В ПОЛИТИКЕ» —
так названа новая рубрика. В прошлом номере под этой рубрикой редакция познакомила читателей с народным депутатом А. А. Собчаком. Сегодня мы даем политический портрет Б. Н. Ельцина.

71
«ПОГОНЫ ДЛЯ СЛЕСАРЯ?» —
так несколько неожиданно названа статья Гелия Рябова о проблемах правоохранительных органов страны.

75
ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
Галина Литвинова анализирует бюджет РСФСР, который, как она считает, маловат и тесен для самой большой республики Союза.

ВЕЧНОЕ

8
«СВОБОДНЫЙ НАРОД» —
статья замечательного русского философа Николая Бердяева, чье творчество стало доступно нам лишь недавно и оказалось удивительно современным.

11
ЛЮДИ И ВРЕМЯ:
документ без комментариев. В нашей постоянной рубрике публикуется отрывок из показаний народовольца Степунина на следствии 25 июля 1884 года.

18
ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Ивана Забелина огромно. За шестьдесят лет научной деятельности им было издано более двухсот работ по истории, археологии, искусствоведению, литературной критике. Мы публикуем в рубрике «Историки об историках» подборку материалов, посвященных этому замечательному историку.

91
МНЕНИЕ
великого русского ученого Владимира Вернадского по многим современным и злободневным вопросам национальной политики вы узнаете из его статьи «Украинский вопрос и русское общество», написанной в... 1915 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай БЕРДЯЕВ

СВОБОДНЫЙ НАРОД

I

Русский народ вышел из подневольного состояния, из долгого исторического рабства и переходит к жизни вольной, к народовластию и народоправству. Велико было долготерпение русского народа, и оно внушало иностранцам мысль, что русский народ — раб в душе. И вот теперь русский народ должен показать всему миру, что он поистине свободный народ. После происшедшего великого переворота русский человек должен сам собой управлять. Источник власти, поддерживающий государственный порядок и побеждающий всякую анархию, уже в нем самом, а не вне его, не над ним. Свободный человек тем и отличается от раба, что он умеет собой управлять, в то время как раб умеет лишь покоряться или бунтовать. Бунт есть лишь обратная сторона рабства. Свободный может сделать революцию, но не может бунтовать, ибо свободный только на себя возлагает ответственность за судьбу своего государства и своего отечества. И только те, которые остаются рабами в душе, могут относиться к своему государству и своему отечеству, как к чужому, навязанному им, враждебному. Народ достоин гражданской зрелости, когда он научается управлять собой. Свобода и есть прежде всего способность к самоуправлению. Управлять другими, управлять целой страной могут лишь те, которые научились управлять собой, своими мыслями и чувствами, своей собственной стихией. Лишь те могут установить порядок в стране, которые установили порядок внутри себя, привели в порядок собственную волю и направили ее к высшей цели. Но целью, во имя которой русский человек должен научиться управлять собой и управлять другими, не может быть корыстный интерес отдельных людей или классов. Такой целью может быть лишь благо целого, благо России, благо всего народа, подъем народа до более высокой жизни в правде и истине. Свобода не означает произвола, не означает, что каждый может делать, что ему в голову взбредет,— свобода предполагает уважение ко всякой человеческой личности, признание ее неотъемлемых прав, бережное отношение к собственной и чужой человеческой душе. Те, у кого анархия внутри, анархия в мыслях, воле и чувствах, ничего, кроме анархии, не могут создать в стране, в государстве, в жизни всего народа. Тогда часть восстает на целое, каждое стремится к своим частным, личным или групповым интересам, не считаясь с интересами России, с благом всего русского народа. Свобода невозможна без дисциплины, без самообуздания и самоограничения, без подчинения себя той истине, которая и делает человека свободным. В Евангелии сказано: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». И целый народ делается свободен лишь тогда, когда он познает истину и служит ей.

Потеря всякой дисциплины в народе, всякой способности к самоуправлению и самоограничению, к подчинению себя высшим целям превращает народ в стадо диких зверей и возвращает его к рабству первобытных времен. Неумение управлять собой, ограничивать свои интересы и подчинять их целому есть знак рабского состояния и ведет к разделению России, к превращению ее в бесформенную кучу рассыпающегося песка. Каждый тащит себе то, что ему нужно, и от этого расхищения перестает существовать русский народ как великое целое. Свободный никого не насилует, ни у кого ничего не похищает, он всем дарует свободу, всем обеспечивает их права. Кто совершает насилия, тот еще раб. Народ может осуществлять свои цели, реализовать все свои силы лишь в государстве; не защищенный собственным государством, он попадает в рабство к другим народам. Но государство не может быть сыпучим песком, оно должно быть кристаллом, имеющим строгие очертания и границы. Создание, охранение и развитие государства требует от народа закала характера, твердости народной воли. Бесхарактерность народа подвергает опасности существование его государства и грозит народу рабством. Русский народ вступает в новый период своего исторического существования, он переходит к форме государственности, именуемой демократией. Демократия же основана на самоуправлении народа, на высоких качествах народного характера. Народ, в котором обнаружится рабский дух, который не захочет управлять собой и будет склонен к насилиям, такой народ не способен к демократии, не созрел до нее. Еще Монтескье учил, что демократия основана на **доблести,** на любви к общему делу. Если этой доблести нет в душе народа, если нет любви к общему

делу, то демократия вырождается в деспотию. И русский народ ныне держит экзамен на демократию, история испытывает его «доблесть», его гражданскую зрелость.

II

Что такое русский народ, что такое народ? Народ не есть какой-нибудь класс, какая-нибудь социальная группа, не есть крестьянство или рабочий класс. В народ входят все русские люди, все классы и все группы. Народ есть великое целое, существующее тысячелетие в истории, в нем соединяется далекое историческое прошлое с далеким историческим будущим. Нельзя произвольно называть народом то, что мне захочется в сегодняшний день истории, и поставить определение народа в зависимость от классовой борьбы этого сегодняшнего дня, от того соотношения социальных классов, которое существует в настоящем. Народ глубже того, что происходит сегодня, глубже всех преходящих классов с их противоположными интересами. И для того, чтобы узнать лицо русского народа и судьбу этого народа в истории, нужно присмотреться не к крестьянину и помещику, не к рабочему и промышленнику, не к купцу и интеллигенту, а к скрытому в них русскому человеку, к душе его, которая глубже всех этих внешних социальных оболочек. Эта душа русского человека, душа целого народа нашла себе выражение в великой русской литературе, у Пушкина и Гоголя, у Толстого и Достоевского. И ни один русский человек, к какому бы классу он ни принадлежал, не может быть исключен из русского народа. Дворянин, буржуа и интеллигент так же принадлежит к русскому народу, составляет такую же неотъемлемую его часть, как и крестьянин, и рабочий. Существует русский народ, существует Россия, а не только класс рабочих или промышленников, крестьян или помещиков. Существуют интересы всей России, всего русского государства, интересы великого целого, а не только интересы отдельных классов и отдельных людей. И еще нужно помнить, что само существование и благополучие каждого русского человека и каждого класса зависит от существования и благополучия всей России, от ее силы и величия. Россия — мать, питающая своих сынов. Русские рабочие и крестьяне могут вести лишь национальное существование, в материнском лоне. Если бы было уничтожено русское государство и ослаблена русская промышленность, то уничтожены и ослаблены были бы все русские, все классы, все крестьяне и рабочие. Ни один русский гражданин не может поставить своего существования вне России,— он может существовать лишь в ней и через нее. Только раб способен легко отречься от своей родины и предать ее.

Русский народ — единый великий народ, а не механическая смесь разрозненных частей, преследующих лишь свои интересы. Русский народ имеет свое лицо в мире, не похожее ни на один народ, свою историю, свое великое прошлое и великое будущее, имеет задачи, выпавшие на его долю. И русский народ должен отстаивать себя как целое, защищать свое место в мире, свое дело а мире. У всякого здорового, жизнеспособного, свободного человека это чувство сильнее, чем классовый интерес, чем классовая рознь. Это великое чувство национального единства и национального призвания есть у французов, у англичан, у немцев. Если бы оно совсем исчезло у русских, то Россия перестала бы существовать и русский народ рассыпался бы, как пыль. Сейчас происходит в России болезненный и мучительный переход к новому национальному сознанию и новому свободному патриотизму. Старое умерло, новое же еще не родилось. Революцию совершил весь русский народ, как великое целое, а не тот или иной класс, совершил из чувства самосохранения и из порыва к новой, свободной жизни. И переход к демократии есть переход к самоуправлению целого народа, независимо от принадлежности к тому или иному классу. Демократия есть гражданская и политическая зрелость целого народа. Демократию нельзя противопоставлять буржуазии, как это у нас теперь делают по невежеству. Демократия означает верховную власть всего народа, и в нее входит каждый русский гражданин, права которого должны быть обеспечены в равной степени с правом всех остальных граждан. Демократию нельзя понимать как господство рабочего класса или крестьянства. Диктатура пролетариата была бы насилием меньшинства над большинством, и она по существу враждебна демократии, антидемократична, она посягает на суверенитет народа, устраивает против него заговор. Свободный народ не может потерпеть диктатуры какого-нибудь класса.

III

Переход целого народа, так долго жившего в рабстве, к демократической форме государственности прежде всего ставит задачу воспитания народа, роста сознания, просвещения и культуры в массе народной, духовного возрождения тех человеческих душ, из которых состоит народ. Если народ в массе своей состоит из рабьих душ, полных рабьих склонностей к насилию, неуважению к человеческому достоинству, к свободе и правам личности, то он еще неподготовлен и неспособен к демократии и ему грозит неизбежное восстановление деспотизма, возвращение к какой-нибудь форме цезаризма. Насилия, совершаемые незрелой революционной демократией, всегда готовят тиранию. Насилующий будет изнасилован, это — закон природы. Вот почему задача воспитания и просвещения массы русского народа есть основная задача, поставленная превращением России в демократическое государство. Демократия может быть лишь особого рода культурой человеческого духа, или она будет худшим из рабств, худшей из деспотий. Лишь свободные, управляющие собой души способны создать свободное демократическое государство.

Народ тогда только достоин наименования свободного народа и граждански зрелого народа, когда он сознает свое национальное единство и целость как внутри своего собственного государства, так и во вне, перед другими народами и государствами. Когда народ распадается на части внутри и не хочет защищать своей целости и своего достоинства во вне, он возвращается к рабскому состоянию, он не готов для свободы. Вот почему отношение к единству государственной власти в России и к войне есть испытание зрелости русского народа для новой, свободной жизни. Русский народ в нынешний грозный и ответственный час своей истории должен сознать свое нравственное, государственное и культурное единство, свою нерушимую целость перед теми дробными частями, классами, областями и народностями, из которых состоит русское государство, и перед теми народами и государствами, из которых состоит человечество. Этому сознанию целости и единства должна быть подчинена социальная борьба классов. Народ должен поскорее определить свое свободно-гражданское отношение к единству своего государства и к войне. Время не терпит. Каждый день стихийного нарастания анархии и разложения влечет Россию в бездну и готовит ей рабство, рабство чужеземное и рабство у собственных темных сил, которые одинаково есть и с крайней правой, и с крайней левой стороны.

Постыдно думать, что русский народ лишь до тех пор составлял единое и великое государство, пока он жил в рабстве и принуждении, и перешел к анархии и распадению, когда стал свободным. И еще постыднее думать, что русский народ лишь до тех пор составлял доблестную армию и исполнял свой долг перед родиной, пока его принуждали к этому, как раба. Если бы оказалось, что для русского народа возможны или рабская покорность и принуждение из кнута, или рабский бунт и анархия, то народ этот был бы обречен на гибель. Тогда народ распадется и превратится в беспорядочные орды, которым вновь придется призывать варяг. Произойдет возвращение к истокам русской истории, и вновь нужно будет собирать великую Россию. Слишком многие сейчас проповедуют это возвращение назад и с легкостью отрицают весь труд русской истории, все жертвы, принесенные народом для создания единой, великой и сильной России. Но я верю, что русский народ, переживший уже смутную эпоху, переживет и теперь соблазны и падения и перейдет к высшей, свободной жизни. Но нужно открыто говорить и кричать о том, что те, которые сейчас толкают народ на путь анархии и распадения, толкают его на путь рабства и унижения и убивают душу народа. Всякий народ живет в истории и совершает великие дела силой и цельностью своего духа. Когда дух народа растлевается и угашается, народ сходит с исторической сцены, отодвигается на второй план и отцветает. Но русскому народу предстоит еще великая роль в истории, он только теперь вступает в мировую жизнь, и, верю, он не погибнет.

«Народоправство» № 1 от 30 июня 1917 года.
Текст подготовил Мвксим КРОТОВ.

Журнал перепечатывает статью с сокращением.

ДУША НА... ПАРТУЧЕТЕ

Инга КИЧАНОВА,
ученый секретарь Объединенного проблемного совета по этике АОН при ЦК КПСС

«Горы свернет» — всем известна эта похвала, и в пояснениях она не нуждается. Ясно: воля, сила движут человеком. Применительно же к партийному работнику подчеркивается обычно как непременное качество, идейная убежденность. В наборе движущих зтих сил затерялась одна, с аиду неприметная, глубоко личностная.

«Душа» — так в просторечии зовется глубинный. личностный движитель: совесть, теплота сердца, способность понять другого, откликнуться на чужую беду. И то, что стесняемся назвать мы старым речением: любовь к ближнему.

«Если имею... всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто». Так страстно, не боясь парадокса (и всю веру!), настаивал на приоритете общечеловеческих ценностей апостол Павел в евангельском послании.

То, что максимы нравственности были удержаны в религии и выражались ее языком, сегодня не отрицается. Парадокс же высветил извечные противоречия: власть и мораль, политика и нравственность масштабные усилия масс, социальных институтов — и благо отдельного челоаека как подлинный смысл и адрес таких усилий: противоречия эти не могут обойти ни одно социальное движение.

Вопросы партийной зтики стали предметом жарких споров в бурные 20-е годы, когда нужда в железных людях не оставляла, кажется, места для теплоты человеческого сердца Не потому ли ленинская оценка Сталина, нетерпимости его и грубости, была от партии фактичвски скрыта, что сами критерии человечности меркли перед задачей «двигать горы»? И те, кто пренебрег общечеловеческими нравственными началами, сами оказались затем жертвами бесчеловечности, которая со сталинских времен внедрялась во все звенья общественного организма. Иные из апологетов бездушия, как, например, Вышинский, блистали трибунной латынью. Другие фортельянными пассажами сопровождали духовное костоломстао. Третьи в застоиные уже времена растлевали души, практикуя тип управления вне и помимо морали. антиморальными методами создавали режим наибольшвго благоприятствования злу.

Теперь нам открылись страшные, трагические страницы истории. И понятно пристальное внимание прессы к невинным жертвам. Но когда-нибудь мы узнаем и обо всех тех, кто в лютую годину сумел сохранить тепло сердца, веру в человечность. Многие ли знают, например, что среди заключенных Волго-Донского канала существовала подпольно партийная организация, партбилетами коммунистам служили самодельные книжечки с восстановпенными по памяти номерами...

Начав глубокие процессы обновления в обществе, партия поставила себя в центр критики С помощью партийцев происходит ныне говоря словами Маркса, «пробуждение моральных инстинктов основной части народа»

В сегодняшней острой борьбе за обновление нашей жизни коммунист оказывается перед нелегким нравственным выбором. Сын своего времени, отнюдь не ангел и не супермен, в гуще жизни, как никогда ранее заряженной разнонаправленными моральными потенциапами, а то и деструктивными стихийными страстями, он должен совершить моральный выбор, избрать теердый курс. Противостоять и въевшемуся стереотипу винтика, и всппескам морального произвола

За победу человеческого в челоаеке подвижнически боролись и победили братья Стародубцевы Победил начальник строительного поезда Владимир Новик — личность, в которой замечательно соединились благородство натуры и смелость поступка. Оказавшись из-за разгула стихии оторванным от внешнего мира на глухом участке БАМа, Ноаик безо всякого приказа сверху, то есть, по мнению начальства, беззаконно, «закрепился», построил никем не запланированный поселок, теплицы, завел живность Не дал людям разбежаться, не позволил опуститься. Услышал а каждом добрую струну, душевные силы товарищей обратил в созидательную энергию И за такую вот «незаконность» действий был отдан под суд На время мытарств Звезду Героя и партбилет закопал в тайге...

Преодоление бездушия — важная сторона в жизни партии сегодня. На I Съезде народных депутатов СССР 1989 года мы услышали весомый аргумент в пользу выдвижения председателя Мандатной комиссии: основное качество кандидата — порядочность и честность. Секретарь горкома вкладывает силы в разрешенив трудового конфликта в Кузбассе, без «служебных дистанций» работая в забастовочном комитете. На виду подобные деяния или проявляются в обыденных отношениях — оцениваются они как аозрождение ленинских партийных норм Как реализация общечеловеческих начал в жизнедеятельности партийца, партии

Борьба со всякими формами бесчеловечности — одна из практических задач политической работы. Можно ли организационно способствовать выяалению такого глубоко личностного, неформального по своей природе духовного движителя, как совесть? На зтот вопрос есть отнюдь не абстрактный ответ Можно и нужно добиваться того, чтобы человек не оказался в ситуации жестокого конфликта совести и долга. Это и означает — «совести условия создать», если использоаать удачное выражение советского писателя Здесь могут быть полезны и ныне существующие структуры и механизмы партиного влияния. В деятельность контрольно-ревизионных комиссий (а они созданы в более чем 80 партиных комитетах страны) при рассмотрении тех или иных коллизии могли бы, как зто было при Ленине, быть включены и нраственные аспекты, а не только административно организационные В определенных случаях, когда возникают очаги напряженности и надобна защита личного достоинства коммуниста или авторитета того или иного начинания, не последнюю роль могла бы сыграть срочная нравственная экспертиза. Думается, в зтом последнем случае конкретную помощь может оказать и Объединенный проблемный совет по этике, созданный недавно в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Убеждена: необходимо внести уточнение в Устав партии, пункт «д» раздела I. Предложила бы включить в текст, где говорится о качествах партиица, твкую фразу: «В поступках, стиле и образе жизни на деле осуществлять гуманистические принципы, быть гарантом утверждения общечеловеческих нравственных начал жизни общества»

Ни с чем не сравнимы задачи способствовать тому, чтобы «пробуждение моральных инстинктов основной части народа» стало стойким нравственным ориентиром действенной любви к ближнему. Многое в жизни партии и общества зависит от участия коммуниста в этом процессе. Путем возвращения к личной морали и нравственности. Востребования души.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ НАРОДОВОЛЬЦА СТЕПУРИНА НА СЛЕДСТВИИ 25 ИЮЛЯ 1884 ГОДА

Побудило меня стать на нелегальный путь деятельности наболевшее путем горького ответа и продолжительной внутренней борьбы — убеждение в полной невозможности законными средствами содействовать выходу России из того тягостного и поистине критического положения, в котором она в настоящее время находится и которое признает существующим и само правительство...

То государство, в котором критика и гласность не пользуются правами гражданства — неизбежно обречено на смерть и разложение.

Нет критики — нет и самосовершенствования, а вне самосовершенствования, вне прогресса — застой, упадок, смерть...

Коль скоро общество стеснено в выражении своих наболевших потребностей легальным путем, оно неизбежно заявит о них незаконными средствами (конечно, если общество сколько-нибудь жизненно), борясь за самосохранение.

Обращаясь к русской действительности, мы видим, что гласность и критика у нас не только не пользуются правами гражданства, но, проявленные помимо «подлежащих инстанций», признаются преступлениями.

Но может ли в слове заключаться преступление?..

Я признаю, что право человека свободно высказываться есть такое же неотъемлемое его право, как право на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, а потому всякое стеснение его в этом праве должно быть признаваемо насилием, преграждающим ему путь к интеллектуальному развитию. Как, насилуя физическую природу человека, мы приводим его организм к физическому упадку,— так, лишая его права слова, мы доводим его до нравственного упадка, нравственной смерти.

Нечего опасаться, что при свободе слова может восторжествовать какое-либо несправедливое мнение. Напротив того, несправедливое мнение может иметь силу лишь во тьме, а при свободе мнений торжествует только мнение наиболее справедливое при наличных условиях.

Непризнание у нас за гражданами права критики современных условий общественного быта, при крайне стеснительных условиях свободы слова и просвещения, и привели, по моему мнению, мою Родину к тому плачевному положению, в котором она в настоящее время находится.

В материальном отношении она представляет из себя банкрота на 38%... В моральном отношении... Сама верховная власть признала существование в учреждениях неправды и хищения. Это же подтверждается и путем других форм общественных проявлений: путем суда, литературы (которая, между прочим, сама пала до крайних пределов безнравственности), путем личных наблюдений.

В международном отношении... России ныне предписывают мирные условия иностранные правительства (Берлинский конгресс). Она же обязана переносить оскорбления от таких правительств, которые ею же самой созданы (антирусские проявления принципа Баттенбергского). Ей же, чуть ли не формально, иностранные правительства делают запросы по поводу ее внутренних дел. Она же не в состоянии ныне локализировать небольшого иностранного займа.

Это ли не признаки упадка, это ли не симптомы разложения?..

А при всем том:

Земельный вопрос — этот главный вопрос в государстве — находится в крайне неудовлетворительном состоянии. В то же время как громадные пространства земли лежат мертвым капиталом,— крестьянин, этот главный труженик земли и кормилец государства,— крайне нуждается в ней.

Кулачество — это паразитное проявление общественной жизни — встречает самые благоприятные условия для своего процветания.

Бюрократия — овладела всем и вся,— и телом и духом общества — и своим мертвым формализмом и присущей ему традиционной неправдой — омертвляет всякое живое проявление общественных сил. Она стоит фатальной стеной между правительством и обществом (которых истинные интересы, в сущности, не могут не быть солидарны) и мешает им соединиться для общего животворящего дела, способного возродить Россию от объявшего ее кошмара.

Государственные повинности распределены крайне непропорционально состоянию плательщиков.

Всевозможные монополии давят на общество страшным бременем.

И прочие, и прочие...

Какие же условия представляет современная действительность для выхода из того критического положения, которое грозит разложением государства?..

Я нахожу, что никаких условий для такого выхода современная действительность не представляет.

Единственные пути к этому — гласность, свобода критики и просвещения — у нас, как выше я сказал, правами гражданства не пользуются. А вне этих условий, по моему глубокому убеждению,— возрождение немыслимо. Уж конечно, не бюрократия же возродит Россию?..

Так как она-то ее и сгубила. Да и не в ее интересах ее возрождать: в мутной воде лучше рыба ловится, говорит русская пословица. Как же быть честному русскому гражданину при сознании всего этого? Оставаясь верным закону, он будет преступником против общества; оставаясь же на стороне интересов общества, он, чтобы заявить обществу о его критическом положении, должен нарушить закон...

ПРИМЕЧАНИЕ

Этот документ обнаружен в материалах народовольческого «Процесса 21-го» (Г. А. Лопатина и других), в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР.

Константин Алексеевич Степурин, отставной штабс-капитан артиллерии, был привлечен к дознанию о руководящем кружке партии «Народная воля».

Степурин был арестован 9 марта 1884 года и заключен в Петропавловскую крепость. Держался он мужественно. Признавал только факты, известные жандармским следователям и связанные с его личной жизнью. Боясь, что в состоянии беспамятства, бреда, вызванного болезнью, он может случайно назвать кого-либо, Степурин покончил с собой 20 февраля 1886 года. Показания публикуются впервые.

Олег САЙКИН,
квндидвт исторических наук

Ленин в последнии год жизни.
Рядом с ним — санитар Рукавишников.

ГОРКИ. ТРАУРНЫЙ ЯНВАРЬ

В Горках, в тени ветвистых берез, запрятался северный флигель. В нем есть небольшая, на аид ничем не примечательная комната с двумя окнвми, выходящими в парк. В углу между окнами удобный столик, за которым часто работал Ленин.

Рабочие и крестьяне знали, что Владимир Ильич тяжело болен. С аолнением ожидали от арачей обнадеживающих вестей из Горок. Писали письма, посылали подарки. Однажды трудящиеся Стодольской суконнои фабрики передали Ленину материал на костюм. Ильич сердечно поблагодарил рабочих за приватстаие и подарок. «По секрету скажу,— писал он,— что подаркоа посылать мна не следует. Прошу очень об этои секретнои просьбе пошире рассказать асем рабочим...»

Вестибюль а большом доме... Здась профессор Розаноа учил Владимира Ильича ходить, когда тот начал попрааляться после тяжелой болезни.

На стенах картины и гравюры. Тот же стол и тот же диван. На нем сидели делегаты рабочих Глуховской мануфактуры Клаадия Гусева, Пелагея Холодова и Дмитрии Кузнецов, трвпетно ожидая встречи с Лениным. Мария Ильинична распахнула даерь. Вошел Владимир Ильич. Глуховцам наасегда запомнились простая суконная тужурка, лучистыи взгляд прищуренных глаз, тепло ленинской руки. Преодолевая аолнение, Пелагея Холодоаа сказала несколько слов, передала приветственный адрес рабочих.

Теперь этот документ лежит на письменном столе рядом со стопками книг и журналоа, на том самом месте, куда положил его Ленин 2 ноября 1923 года.

«Телефонная комната»... Подолгу засижиаался в ней Ланин. Разговариаал с Крамлем. Диктоаал распоряжения, письма, многочисленныа записки. От души радоаался, когда слышимость по телефону была хорошей и секретарь Лидия Александроана Фотиева успеаала проинформировать его об очередном заседании Совнаркома или Политбюро ЦК РКП(б).

Второй этаж. Комната Ленина. Здесь Надежда Константиноана по просьбе Владимира Ильича за даа дня до его смерти читала ему вечером рассказ Джека Лондона. «Сильная очень аещь,— писала Крупская позже.— Через снежную пустыню, а которой нога челоаеческая не ступала, пробирается к пристани большои реки голодный больнои чалоаек. Слабеют у него силы, он не идет уж, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающии от голода волк, идет мажду ними борьба, человек побеждает — полумертаыи, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понрааился чрезвычаино». Книга и сеичас лежит на столе в Ленинскои комнате горкинского музея.

Надежда Константиновна читала вслух Салтыкоаа-Щедрина, Горького, Демьяна Бедного. Слушал Владимир Ильич и задумчиао смотрел а окно на заходящее солнце.

До слез трогала Ленина «Песня коммуны». Она призывала рабочих и крестьян никогда не отдааать арагам ни одного завоеаания Октябрьской реаолюции.

Главная аллея парка... Скамейка у старого дуба... Аллея, по которой Ленин ходил купаться...

Река Пахра. Высокие сосны на обрыае. Здась Владимир Ильич любоаался отражением аачернего неба в зеркальной воде и гоаорил, что такой аолшебнои красоты ему не доаелось астречать в Европе. Возаращаясь с прогулок, неизменно приносил в усадьбу букет голубоглазых колокольчиков. На аопрос Надежды Константиновны, где он их находит а таком количестае, лукаво улыбаясь, отаечал, что это его маленькая таина.

Так и не узнала Надежда Константиновна, на какой лужаике в парке собирал Владимир Ильич колокольчики...

Позднее было не до них. Ленин тяжело заболел, упорно и долго боролся с недугом, одно аремя казалось, что он ужа победил аго... Однако 21 янааря 1924 года неожиданно случился удар, и он скоропостижно скончался. Гроза асегда бьет по самому аысокому дереау...

Николай КОСТИН,
кандидат исторических наук

Виталий СТАРЦЕВ,
доктор исторических наук

ТАЙНА ОКТЯБРЬСКОЙ НОЧИ

История долго была служанкой богословия. Многие века. Да и сегодня превращение ее во вполне независимую, объективную науку не закончилось и на Западе. У нас же с конца двадцатых годов история стала служанкой грозного генсека. Правдивый рассказ о событиях Великой Октябрьской социалистической революции был заменен мифом, высочайше утвержденным сначала «Кратким курсом», а потом и краткой биографией Сталина. В этом мифе не имели значения действительные факты, события, даты. Учитывалось лишь то, что возвеличивало роль Вождя, показывало его мудрость и политическое предвидение. В спущенной сверху схеме событий Ленину отводилось строго определенное место. Он был назначен «консультантом» и главным другом Вождя — давал советы и даже указания, но всю практическую работу по руководству восстанием «перепоручил» Сталину. Вот почему так важно знать, когда Ленин вернулся в Петроград из финляндского подполья.

Эйно Рахья, телохранитель и связной Ленина, а также и Александр Шотман, связной ЦК, утверждали, что Ленин вернулся в Петроград в конце сентября, без разрешения ЦК, Сталин об этом узнал случайно и был страшно раздосадован. Но с 1924 года известна и другая точка зрения: Ленин приехал 7 октября по старому стилю. Это утверждали хозяин конспиративной квартиры в Выборге Юхо Латукка и машинист паровоза, на котором Ленин пересекал границу, Гуго Ялава.

Последняя дата устраивала Сталина больше, тем более что и сам он «вспомнил», что встречался с Лениным сразу же после его возвращения в Петроград и было это 8 октября 1917 года. Так в нашей истории на 50 лет явилась дата 7 октября, да и сегодня от нее еще не вполне отказались.

Фантасты разработали тему параллельных вселенных, существующих одновременно с нами, но «в других измерениях». Вот такую, параллельную действительной историю мы создали в литературе конца тридцатых — семидесятых годов. Вместо решения уничтожить ленинские письма о восстании на заседании ЦК 15 сентября, оказывается, принималось решение полностью их одобрить! Вместо борьбы, которую большинство членов ЦК вело с Лениным, оно, оказывается, немедленно взялось за всестороннюю подготовку восстания. И было два штрейкбрехера, два негодяя, предавших, как и Иуда Троцкий, план восстания врагу. Но все равно стальное единство партии спасло положение, и победа была одержана. Выдрессированные и выученные Сталиным историки упорно защищали созданную ими мифическую картину единодушия и единогласия. Об одном из моментов рождения мифа рассказывается ниже.

СТАРЫЙ СПОР

«7 октября Ленин нелегально приехал из Финляндии в Петроград. 10 октября 1917 года состоялось историческое заседание ЦК партии, на котором было решено в ближайшие дни начать вооруженное восстание» («История ВКП(б). Краткий курс», с. 196). Эта первая официальная версия родилась еще в 1935 году. В 1938 году она была высочайше утверждена. На долгие годы в правильности этих утверждений не полагалось иметь сомнений. Но сегодня вопрос остается открытым.

В 1973 году вышел в свет четвертый том биографической хроники «Владимир Ильич Ленин». Его составители определили время возвращения Ленина в Петроград из Финляндии временем «между 3 и 10 октября 1917 года». При этом сделано следующее обширное примечание, которое мы приводим целиком: «О дате приезда Ленина в источниках и литературе имеются противоречивые сведения. В воспоминаниях современников — Н. К. Крупской, Г. Ялавы, Ю. Латукки приезд Ленина датируется 7(20) октября; Э. Рахьи, М. В. Фофановой, А. В. Шотмана — концом сентября (ст. стиль). В начале 20-х годов в исторической литературе фигурировали даты: конец сентября и 20 октября (2 ноября). Затем после опубликования (1927 г.) протокола ЦК РСДРП(б) от 10(23) октября появилась дата 9(22) октября. С 30-х годов в литературе утвердилась дата 7(20) октября; в конце пятидесятых — начале 60-х годов назывались также даты 22 сентября (5 октября) и 29 сентября (12 октября). В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в ноябре 1960 года было проведено специальное совещание по этому вопросу с участием историков Москвы, Ленинграда и старых большевиков. В ноябре 1962 года дата приезда Ленина обсуждалась в Ленинграде на Всесоюзной научной конференции, посвященной 45-летию Октябрьского вооруженного восстания. Разные точки зрения существуют и в настоящее время. Документальными источниками по этому вопросу являются протоколы ЦК РСДРП(б) от 3(16) (там записано: «принято решение предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь») и 10(23) октября (а в этот день на вечернем заседании ЦК Ленин уже выступал с докладом, зафиксированным в протоколе.— **В. Ст.**). Поэтому составители биохроники считают, что Ленин мог приехать в Петроград в один из дней между 3 и 10 (16 и 23) октября».

Эта сухая и осторожная справка не дает ни решения проблемы, ни намека на то, кто же прав. Но за ней скрываются жаркие споры. Вспоминаю сессию 13—16 ноября 1962 года в Ленинграде, в Большом конференц-зале Академии наук СССР, где шли страстные споры о том, когда же приехал Ленин в Петроград. Возмутителем спокойствия выступал тогда сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР П. Н. Михрин. Он громко бросал в лицо президиуму, что академик И. И. Минц в угоду Сталину в 1935 году сфальсифицировал записи в табель-календаре машиниста Гуго Ялавы, чтобы доказать, будто Ленин вернулся в Петроград 7 октября, ибо, по словам Сталина, 8 октября состоялась их встреча на квартире рабочего Никандра Кокко. Но авторитет Минца был непререкаем, и все с осуждением косились на Михрина. Редактор будущего сборника профессор А. Л. Фрайман, человек честнейший, но преданный академику до кончиков ногтей, попал в затруднительное положение. Выход нашли: за сообщением Михрина поместили сообщение не участвовавшей в сессии А. Я. Великановой, она доказывала правильность точки зрения Минца.

И все же опровергнуть главный козырь Михрина не удалось. Когда он наткнулся на противоречия в свидетельствах мемуаристов и заглянул в пресловутый табель-календарь, то увидел, что часть записей сделана карандашом и другим почерком. Ему удалось добиться экспертизы: «Отдел криминалистических исследований Института милиции Министерства внутренних дел в своем заключении, датированном 4 июня 1959 года, отметил, что записи в дневнике Ялавы за 22(9) августа и 20(7) октября отличаются от всех остальных записей по размеру и разгону почерка». О записи за 7 октября сказано, что установить, кем она выполнена, не представляется возможным.

Но тогдашние блюстители историко-партийной науки, получив акт экспертизы, сообразили, что Михрин замахивается на самое святое — на «великую дружбу Ленина и Сталина»! В 1960 году было проведено совещание в Институте марксизма-ленинизма, вскоре Михрина «турнули» из Ленинградского института истории партии.

За что же сражался Михрин? Какую позитивную точку зрения он отстаивал по существу? Дело в том, что еще с 1928 года М. В. Фофанова, хозяйка последней квартиры Ленина в Петрограде, в своих воспоминаниях писала, что хорошо помнит, как Ленин с Крупской пришли к ней вечером в одну из пятниц. После XX съезда и возвращения из ссылки Фофанова стала называть и дату — 22 сентября.

Михрин, изучив произведения самого Ленина, обратил внимание на то, что до 28 сентября включительно тот ссылается в своих статьях на материалы вчерашних петроградских

газет, а с пятницы, 29 сентября,— сегодняшних! Он нашел опору и в воспоминаниях А. В. Шотмана, связного ЦК, и в воспоминаниях Э. А. Рахьи, телохранителя Ленина, сопровождавшего его во всех переездах через границу. Они оба утверждали, что Ленин вернулся без разрешения в Петроград и произошло это «в конце сентября». Отсюда историк делал вывод: Фофанова права в том, что Ленин приехал в «пятницу». Только не 22, а 29 сентября!

Но ведь Гуго Ялава утверждал, что он перевез Ленина через границу ночью с 20 на 21 октября нового стиля, то есть с 7 на 8 октября («Ленинградская правда» 16 апреля 1924 года), и Юхо Латукка, в доме жены которого Ленин жил в Выборге (30 сентября — 20 октября), об этом дважды написал в автобиографии, датированной 13 февраля и 18 декабря 1924 года. Аналогичный текст появился в 1925 году в сборнике «Ленин в воспоминаниях финнов». Минц в то время еще и не помышлял, что он будет историком, не то что академиком! Указывая на это обстоятельство, Великанова была по-своему права.

АРГУМЕНТЫ АВТОРА

Я наблюдал тогда этот спор со стороны. И довольно равнодушно. Но позже заинтересовался подпольем Ленина в 1917 году. В связи с источниковедческим исследованием произведений Ленина, датируемых 5 июля—14 сентября 1917 года, предстояло определять время написания и последовательность работ, устанавливать обстоятельства их создания и прочее. Пришлось заниматься и переездом Ленина на паровозе Гуго Ялавы в Финляндию и обратно, самому изучить все доступные источники и литературу. И я пришел к убеждению, что самый главный источник по всем этим вопросам — сам Ленин. Он обладал колоссальной работоспособностью. Писал каждый день. Причем от руки. Если ему ничто не мешало, мог написать пол-листа в день и даже больше (11—14 страниц в переводе на машинописные). Это была, так сказать, его «норма». Когда он перешел на нелегальное положение и переехал в Разлив, то вплоть до возвращения в Петроград в октябре каждый день работал примерно в таком ритме.

Все переезды связаны были со значительными затратами времени. К счастью для исследователя, почти все, что написал Ленин с июля по октябрь, сохранилось. Поэтому, определив время создания каждой из известных за эти три с половиной месяца ленинских работ, строго расположив их в хронологическом порядке, мы обнаружим временные пустоты. Эти лакуны и будут днями ленинских переездов.

Так вот, с этой точки зрения и версия Фофановой, и версия Михрина при всем уважении к его научному бесстрашию не выдерживают критики. Ленина не могло быть в Петрограде ни 22 сентября, ни 29. Из ленинских произведений за конец сентября видно, что он отправляет их именно из Финляндии, о чем сам письменно упоминает. И Фофанова, и Михрин, объясняя это, пишут, что Ленин посылал рукописи в Финляндию, а потом они снова возвращались в Петроград. Делал он это якобы из конспиративных соображений, так как ЦК еще не разрешал ему возвращаться. Выходит, Ленин обманывал ЦК (?), удлинял сроки связи на 2—3 дня, в то время как обстоятельства требовали как можно более их сокращать? Это абсолютно не вяжется и с характером Ленина. Он мог вводить в заблуждение врага, но не своих, не партию, не ближайших соратников. Вообще он был искренен в письмах. И если утверждал, что данные строки написаны утром такого-то дня, то это так и было.

7 и 8 октября Ленин свою «норму» выполнил, а значит, передвигаться он не мог ни в один, ни в другой день. А вот за девятое октября пока ни одной строчки, написанной Лениным, не найдено. И за десятое, между прочим, тоже! Мы знаем, что вечером этого дня Ленин не только был в Петрограде, но уже и выступил на заседании ЦК РСДРП(б). Наиболее вероятным днем, когда Владимир Ильич мог переезжать из Выборга в Петроград, остается 9 октября 1917 года. Но может быть, он переехал шестого? А рукописи, относящиеся к 7—8 октября, написаны уже в Петрограде? Нет, и за 6-е, и за предыдущие дни нам известен полновесный ленинский рукописный «отчет».

В конце шестидесятых годов в Стокгольме было сделано важное открытие. Корреспондент газеты «Сельская жизнь» по Скандинавским странам Ю. Ф. Дашков нашел в архиве рабочего движения Швеции копию дневника Карла Харальда Вийка за 1917—1918 годы. Карл Вийк, депутат Финляндского сейма, член руководства Финляндской социал-демократической партии, по согласованию с русскими большевиками встречал и устраивал Ленина в Финляндии во время его последнего подполья в 1917 году. Вийк делал краткие ежедневные записи, куда вносил сведения о важнейших событиях дня.

Что поразило Дашкова в дневнике Карла Вийка? Полное несовпадение дат с тем, что говорилось в советской историко-партийной литературе. По тем книгам, которые имели хождение у нас в пятидесятых годах, получалось, что Ленин уехал из Петрограда со станции Удельная 22 августа нового стиля (9-го по старому) — это запись в дневнике Гуго Ялавы, а из Гельсингфорса в Выборг — 30 сентября нового стиля (17-го по старому). Вийк же писал, что 21(8) августа Густав Ровио просил его съездить к русским в Лахти, 22(9) августа он привез его к себе в местечко Маль под Гельсингфорсом, а 23(10) августа привел Ленина на встречу с Ровио на Хагнесскую площадь в Гельсингфорсе. Из других записей видно, что в четверг, 4 октября (21 сентября), Карл Вийк зашел на квартиру Ровио, где был Ленин, который «собирался вскоре ехать в Выборг, а оттуда, возможно, в Петроград».

Будучи человеком добросовестным, Дашков опубликовал выдержки из дневника Вийка с теми датами, которые там есть. И указал на их расхождение с «общепринятыми». Ему и в голову не приходило, что «официальные» даты могут быть липовыми и именно он держит в руках ключ к их опровержению. Ведь эти дневниковые записи сделаны непосредственно в ходе событий и поэтому имеют несомненный приоритет перед воспоминаниями. Мне была совершенно очевидна правота записей Вийка, но не воспоминаний Юхо Латукки — о 30(17) сентября, дате переезда в Выборг. Что касается записи в табель-календаре Гуго Ялавы о 22(9) августа, то сомнение в ее аутентичности подтверждено графологической экспертизой, предпринятой по инициативе Михрина. Но тогда рушатся и все предыдущие даты переезда Ленина из Ялкалы в Лахти, из Удельной в Ялкалу, да, собственно, и ухода из Разлива![1]

Увы, о ленинском возвращении из Выборга в Петроград из дневника Вийка ничего нового нельзя извлечь. Лишь косвенно, путем аналогий, можно предполагать следующее. Во-первых, если дата 22(9) августа в качестве времени переезда Ленина из Удельной в Терийоки оказалась неверной, то, следовательно, неверна и следующая дата — 20(7) октября, да и графологическая экспертиза поставила под сомнение их обе. Во-вторых, оказалась неверной одна из дат проживания Ленина в Выборге, указанных Латуккой,— 30(17) сентября. Интересно, что Великанова в своей полемике с Михриным весьма самоуверенно писала, что «до сих пор никто еще не опроверг дату переезда В. И. Ленина из Гельсингфорса в Выборг 17 сентября 1917 г.»! Теперь, после публикации и признания Институтом марксизма-ленинизма дневника Карла Вийка как главного источника по последнему подполью Ленина в Финляндии, и это утверждение было опровергнуто, ибо 21 сентября старого стиля Вийк видел Ленина в Гельсингфорсе на квартире у Густава Ровио. Но это автоматически порождало сомнение и в 20(7) октября. Ленин не приехал в Петроград из Выборга 7 октября, ибо все вторичные подтверждения, в частности Крупской, основываются на мемуарах Латукки и Ялавы.

Я обратил внимание, что до января 1934 года в публикациях воспоминаний Гуго Ялавы называлось не 22 августа по новому стилю, а 22 июля — день, когда он перевез Ленина на своем паровозе в Финляндию. Этот же день назван и в первой публикации его воспоминаний («Ленинградская правда», 16 апреля 1924 года). Только после беседы Ялавы с Минцем в 1935 году появилась другая дата — 22 августа. Очевидно, Минц указал Ялаве на явную нелепость. Что такое 22(8) июля 1917 года? Как утверждала историко-партийная наука, тогда Ленин выехал из Петрограда в Разлив. Если же верить записям из дневника Ялавы, которые он приводил с 1924 по 1934 год, получается, что Ленин и в Разливе-то в шалаше не жил, а сразу уехал в Финляндию. Пришлось Ялаве «перенести» дату своего путешествия с Лениным на целый месяц вперед! Все это окончательно подорвало у меня веру в мифический табель-календарь...

Но еще раз оторвемся от этого документа и обратимся к тем ленинским работам, которые написаны 7 и 8 октября 1917 года, но не в Петрограде. С 6 по 8 октября Владимир Ильич работал над большой брошюрой «К пересмотру партийной программы». В одном месте Ленин замечает: «пишу это 6 октября 1917 года», а в самом конце — «Предыдущие строки были уже написаны, когда вышел № 31 «Рабочего пути»...» (ПСС, т. 34, с. 374, 380). Этот номер вышел 8 октября 1917 года. Объем брошюры — почти полтора печатных листа. 6 октября упоминается во второй трети статьи. Значит, эта брошюра начата на день или полтора раньше, думаю, 4 октября. Кроме того, за 7 октября нам известно «Письмо

[1] Составители четвертого тома Биохроники Ленина отказались от старых дат. На основании ксерокопии дневника Карла Вийка, поступившего в ЦПА ИМЛ, они вынуждены были теперь признать, что Ленин переехал в Лахти 7—8 августа, а из Разлива ушел и жил в деревне Ялкала «не позднее 6 августа». Точнее время установить они не решились. Но и это много! Исследователям были развязаны руки

Питерской городской конференции для прочтения на закрытом заседании» объемом 0,2 авторского листа. За 8 октября — «Письмо к тоеарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» (0,3 ает. л.) и «Советы постороннего» (0,1 авт. л.). Общий объем всех четырех работ — два авторских листа. В общем, четыре достаточно напряженных ленинских рабочих дня, которые, вероятно, охватывают 8, 7, 6, 5, а может быть, и часть времени 4 октября 1917 года.

Письмо к питерской городской конференции датируется по ленинским слоеам «Я могу опираться только на сведения утренних субботних газет». Суббота — это 7 октября 1917 года. Тут же упоминается созыв съезда Советов Северной области, назначенный на 8 октября 1917 года в Гельсингфорсе. Ленин настаивает также на ускорении ухода большевиков из Предпарламента. Следовательно, еще не знает о решениях ЦК РСДРП(б) от 5 октября 1917 года о том, что съезд переносится с 8 на 10 октября и созывается не в Гельсингфорсе, а в Петрограде. Это же заседание ЦК принимает решение: большееикам уйти из Предпарламента в первый же день его работы по прочтении декларации. Значит, еечером 7 октября Ленин еще никак не в Петрограде, а в Выборге.

Что нам известно о 8 октября? Ленин, во-первых, ссылается в последнем, девятом разделе брошюры «К пересмотру партийной программы» на номер «Рабочего пути» от 8 октября. Он узнает также о выходе большевиков из Предпарламента и о переносе съезда Советов Северной области в Петроград и открытии его 10 октября. Конечно, он мог узнать об этом и из газет за 8 октября. Но «Рабочий путь» через газетчиков не распространялся. Его посылали Ленину из Петрограда пакетами, по нескольку номеров сразу. Судя по всему, очередной пакет с номерами газеты «Рабочий путь» он получил после этого в Выборге только 8 октября.

В «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», Ленин прямо сообщает: «Я пишу эти строки в воскресенье, 8 октября, вы прочтете их не раньше 10-го октября». Если бы он был в Петрограде, разве бы допустил, чтобы столь важное послание дошло до адресата только через день? Никогда! Более того, Ленин написал это не просто в воскресенье, а, видимо, вечером в еоскресенье, ибо, кроме «Рабочего пути» за 8 октября, который вму был специально достаелен (и не ранее второй половины дня), он ссылается в этом письме и на статью Е. К. Брешко-Брешковской в эсеровской газете «Дело народа» тоже за 8 октября 1917 года. Утренние петроградские газеты появлялись в Выборге только во второй половине дня. Сам город Выборг деажды упоминается на страницах этого письма.

Наконец, 8 октября написано и знаменитое письмо «Соеееты постороннего», содержащее примерный план вооруженного восстания. Кстати, почему никто не хочет отеетить на вопрос: отчего оно так странно называется — «Соеееты постороннего»? И подпись стоит — «Посторонний». Как нам кажется, Ленин так подписался именно потому, что он еще не в Петрограде, а к событиям, которых так нетерпеливо ждет, он не успевает. Письмо, как он полагал, придет раньше него.

Итак, фактический объем письменной ленинской работы, выполненной за 5—8 октября 1917 года, исключает многочасовые передвижения в эти дни, а анализ содержания его писем за 7 и 8 октября убеждает, что они написаны все еще не в Петрограде, а в Выборге. Наиболее еероятный день переезда Ленина из Выборга в Петроград — 9 октября 1917 года.

Установив для себя этот факт, я снова обратился к воспоминаниям участников переезда Ленина из Выборга е Петроград. Их было двое — Ялаеа и Рахья. Последний много раз рассказывал, что из Выборга они с Лениным ехали на одном поезде. А Латукка писал, что Ленин уехал из Выборга в 2 часа 35 минут дня. Такой поезд действительно был, как подтвердило расписание, опубликованное в выборгских газетах. Гуго Ялава водил поезда от Финляндского вокзала в Петрограде до станции Райвола (ныне — Рощино) и обратно. Поэтому они вышли из выборгского поезда в Райволе и провели там несколько часов. Рахья даже писал однажды, что они сходили в поселок (сейчас он отстоит от станции на 2—3 км). А затем, когда Ялава привел свой состав из Петрограда и готовился перецепляться к новому составу, Ленин забрался на отдельно стоявший паровоз.

Гуго Ялава неоднократно вспоминал, что в 1917 году водил дачный поезд № 71. Об обратном пути он писал: «7(20) октября я поеез Ленина обратно в Петроград. Он вместе с Эйно Рахья приехал из Выборга на станцию Райвола за несколько минут до отхода поезда. Была полночь... На станции Удельная Владимир Ильич сошел с паровоза».

Я постарался уточнить расписание дачного поезда № 71 в 1917 году и парного к нему — 72-го, которым, по логике вещей, Ялава должен был ехать обратно. Из Финляндии через общестео дружбы мне прислали ксерокопию расписания. Оказалось, что 71-й уходил из Петрограда по местному времени в 10 часое 30 минут вечера, на станцию Удельная прибывал в 10.44, а через минуту отправлялся. В Райволу же прибывал е 12 часов 9 минут ночи. Впрочем, все сходилось — «Была полночь...» Но дальше начались загадки. Поезд № 72 отправлялся е Петроград только на следующее утро, в 7.45 из Райволы, и прибывал на станцию Удельная в 9.41 утра. Это означало, что Ялава, Рахья и Ленин должны были ночевать в Райволе и приехать е Петроград рано утром 10 октября. Но это полностью противоречило той картине, которую воспроизеодят все мемуаристы: Ленин приехал поздно аечером или ночью. Кстати, сам Ялава никогда не упоминал о поезде № 72. И вообще не называл номер поезда, которым он повез Ленина обратно. А в своей первой публикации на русском языке е «Ленинградской правде» 16 апреля 1924 года называл другой номер — 77. Одним словом, попытки уточнить время приезда Ленина в Петроград 9-го или в ночь на 10 октября зашли в тупик.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ ГУГО ЯЛАВЫ ВООЧИЮ

Недавно я впервые езял в руки архивную папку, в которой был табель-календарь Гуго Ялавы. Как билось мое сердце, когда я развязывал тесемки! И вдруг... Черт возьми, вот тебе и «табель-календарь»! Да это обыкновенная записная книжка формата примерно 9 на 12 см! Внутри на каждой странице по порядочку дни недели обозначены, каждая страница горизонтально разграфлена. Такие книжки и сегодня еще выпускаются у нас в Ленинграде, мама мне их штук десять дарила к праздникам. Но здесь все надписи на финском языке. И календарь 1917 года. Издана до Февральской революции. Даже день рождения государя-императора пропечатан к сведению финнов. Типографски оттиснуто по-фински — «Календарь и записная книжка».

Мне хочется засвидетельствовать, еозеращаясь к тем баталиям, которые шумели в 1962 году, что сам по себе календарь — вещь абсолютно подлинная. И подавляющее большинство записей там сделаны в 1917 году. Они выявляют еесьма аккуратный и педантичный характер автора. Отражены все свободные дни, сеерхурочные работы, стачки, в которых Ялава принимал участие, дни, пропущенные по болезни. Весь календарь — по ноеому стилю, соответственно и записи отмечают только новый стиль. По 14 января 1917 года они сделаны черными чернилами, а все последующие — в основном простым карандашом. Большинстео этих «производственных» записей 1917 года. Вместе с тем к отдельным дням календаря имеются добавления, заметки для памяти об основных событиях революции. Вот они-то явно появились позднее, не в 1917 году. И это вполне понятно. Вспомним, что Ялава не раз соеершал рискованные рейсы через русско-финскую границу. Он еполне мог подвергаться опасности обыска и поэтому не делал записей, которые могли бы его скомпрометировать политически. В том числе он, конечно, никак не мог в 1917 году писать о том, когда и как ехал «старик» (то есть Ленин) на его пароеозе.

Какие же записи, фиксирующие политические события 1917 года, есть в табель-календаре Гуго Ялавы? Так, за 8 марта (23 февраля) записано: «начало стачки». Все верно, 23 февраля было первым днем фееральской забастоеки в Петрограде, первым днем Февральской буржуазно-демократической революции. Но тут же рядом: «Дума распущена». А вот это уже неточность. Только вечером 26 февраля (11 марта по новому стилю!) Председатель Совета Министрое Н. Д. Голицын вставил в заполненный бланк царского указа о перерыве в работе Думы дату — с 27 фееraля 1917 года. Это убедительное доказательство, что записи о хронике событий 1917 года делались позднее самих событий, по памяти, без консультации с газетами или книгами.

13 апреля (31 марта) записано — «Плеханов приехал», а за 16(3) апреля — «Ленин приехал из-за границы». Обе эти записи сделаны химическими чернилами, позднее карандашных записей 1917 года.

К записям за 16(3) и 17(4) июля вписано в каждую графу: «Большевистский заговор». Ялава имеет в виду события 3—4 июля, которые антибольшевистская пресса трактовала как «заговор большевиков».

А еот дальше начинается самое интересное. Запись за 22(9) июля — «ва́паа» — свободен — сделана по стертому резинкой карандашному тексту. Изучение следов этой стертой записи с помощью обыкновенной лупы показывает, что раньше в этой графе было «81—82—73» — номера поездов, которые Гуго Ялава вел своим паровозом. Но потом цифру «73» стерли и над ней написали «71». Это уже было переой ложью, потому что 23(10) июля сам он записал номера поездое: «74, 143/144». Поезд 73—74 был парным, ночным. Ялава приеодил его в Райволу за полночь, а поезд № 74 уводил утром следующего дня. Но упоминание о 71-м поезде нужно было потому, что, как казалось машинисту, он твердо помнил, что Ленина перевозил на паровозе, когда вел поезд № 71. А то, что исправление было сеязано именно с этим обстоятельством, подтверждается следующими словами стертой записи: «У́кко ме́ни» — «старик ушел». При этом записан и номер паровоза: «Н 297». Эти записи, судя по почерку, появились в календаре тогда же, когда и все прочие заметки о революционных событиях. В частности, рядом с графой 16 и 17 июля о «большевистском заговоре». Вероятно, Ялава силился поточнее вспомнить, когда же он перееозил Ленина через границу. Он даже поменял номер поезда — 73-й на 71-й, то ли не заметив, то ли пренебрегая тем, что разрушил поездную «пару» — 73—74 (на самом деле он вел ее поздно вечером 9 июля и рано утром 10 июля старого стиля). И все это было сделано достаточно давно, без всякой связи с исторической и собирательской деятельностью Минца. Читатель помнит, что этой версии, о том, что он перевез Ленина именно в ночь с 22 на 23 июля ноеого стиля 1917 года, Гуго Ялава придерживался 10 лет (с 1924 по начало 1934 года).

В отличие от Ялавы Минц знал, что 9 июля старого стиля 1917 года Ленин только-только ушел из квартиры Аллилуевых и поехал в Разлив вместе с Зиновьевым. Несомненно, он указал на это Ялаве и постарался его убедить, что тот просто ошибся на месяц. Мы не знаем точно содержания их беседы по этому поводу, но очевидно, что она была: в последующих воспоминаниях Гуго Ялава стал писать, что перееез Ленина 22 аегуста. А чтобы сомнений не оставалось, взял да и стер в своем табель-календаре старую запись за 22 июля и перенес ее е графу 22 августа!

Первоначально в самом табель-календаре за 22 августа было написано: «ва́паа» — свободен. Те записи, которые Ялава делал в 1917 году, выполнены с наклоном вправо, а те, которые еписывал позднее,— прямо, без наклона. Запись «ва́паа» в графе табель-календаря Гуго Ялавы за 22 аегуста сделана без наклона. Но он ее стер в 1935—1936 годах. И над ней уже химическим карандашом: «81—82—71 (у́кко ме́ни) Н 293» (то есть поезда 81—82, 71, старик ушел, паровоз 293). Так впервые появился паровоз 293 е связи с перевозом Ленина через границу, в то время как в первоначальной записи от 22 июля говорилось о паровозе 297!

Интересно, что и запись за 23 августа тоже была стерта Ялавой, а вместо нее написано химическим карандашом: «74/юлимяа мяйнен юна». То есть Ялава перенес сюда содержание записи о работе эа 23 июля. А с 25 августа по 1 сентября записи об отпуске по болезни. Полагаю, что и стертая карандашная запись за 23 августа ноеого стиля, где мне удалось разобрать только начальные буквы двух слов — «с...» первого и «ка...» второго, должна выглядеть как «сайраслома каусаласса» — «отпуск по причине болезни». Тут, следовательно, мы имеем дело со еторым намеренным искажением истины со стороны самого аетора табель-календаря Гуго Ялавы, но никак не академика Минца.

Но досмотрим «постреволюционные» записи до конца. 11 сентября (29 августа) 1917 года дописано: «корниловский мятеж». Тут ошибка минимум в один день. Мятеж-то начался 27-го, а в газетах о нем сообщили 28 августа! Тут тоже Ялава писал на память. Конец мятежа отмечен 13 сентября (31 августа по старому стилю). В графе календаря за 8 октября (25 сентября) — латинскими буквами «Над. Констант.». Двух мнений быть не может — это Надежда Константиновна. Известно, что она дважды ездила к Владимиру Ильичу в Гельсингфорс. Но как раз 25 сентября Ленин был уже в Выборге, туда Надежда Константиновна к нему не приезжала. А может быть, Ялава пытался еспомнить день ее поездки, о котором он был оповещен, или речь идет о каком-то поручении?

Мы подходим к записи за 20(7) октября 1917 года. В тот самый день, 20 октября, когда-то было написано только «юлим — 75—76» (то есть «сверхурочно, поезда 75—76»). Затем номер паровоза — «193». После это химическим карандашом исправлено на «293» и дописано прямым почерком «у́кко ту́ли» — «старик пришел». Все записи потом еще раз обведены химическим карандашом. На мой взгляд, все эти дополнения вносил сам Гуго Эрикович Ялава.

За 26(13) октября 1917 года стояло: «81, 82, 73», то есть номера поездое, которые Ялава водил в Райволу и обратно, пожалуй, чаще других поездов. А за следующий день 27(14) октября первоначальные записи — «74, 113—124», то есть обычное утреннее возвращение на парном 74-м поезде, и еще поездка в Райеолу и обратно. Потом перед «74» было приписано «собрание» и поставлены номера: «1, 2, 3, 4», после чего три вопросительных знака, а над ними простым карандашом дописано: «5, 6, 7» и затем еще «8, 9». Это событие Ялава отмечал в своих воспоминаниях как собрание членов ЦК большевистской партии у него на квартире в Ломанском переулке с участием Ленина (его он отметил под номером «I»). Никаких других источников о времени проеедения этой встречи мы пока не имеем, и здесь Ялаве приходится верить на слово, полагаться на его память, которая, как мы видели, неоднократно его подводила.

Наконец, за 7 ноября (25 октября) Ялава записал на пустом месте (вообще записей в его табель-календаре за период с 3 ноября по 8-е, то есть с 21 по 26 октября, в 1917 году сделано не было): «Начало II-й революции». Но и здесь неточность: она началась 24-го, хотя празднование первой годовщины было проведено именно 7—8 ноября 1918 года.

Полагаю, что все записи, касающиеся революционных событий в Петрограде е 1917 году, сделаны самим Гуго Ялавой позднее этих событий: скорее есего, не ранее переой годовщины Октябрьской революции. Что же касается записей о времени переездов Ленина через границу, то они, возможно, пояеились еще позднее, в январе 1924 года, после кончины Владимира Ильича. Они сделаны по памяти и неточно. И дата 7(20) октября — день возвращения Ленина в Петроград — противоречит таким важнейшим источникам, как собственные произведения Ленина, написанные 7 и 8 октября 1917 года.

КОГДА ЖЕ ВЕРНУЛСЯ «СТАРИК»?

Все это хорошо, скажет читатель. А когда же все-таки Ленин вернулся в Петроград в октябре 1917 года? Ответить на этот еопрос можно... на основании все того же табель-календаря Гуго Ялавы.

22(9) октября Ялава вел из Петрограда поезд № 105 в Райволу. И обратно — № 106, Райвола — Петроград. Вот на этом поезде и прибыл Ленин на станцию Удельная, где был встречен Эмилем Кальске. Втроем — третьим был Эйно Рахья — они пришли на квартиру Кальске, в которой все еще жил Зиновьев. Пока нельзя сказать, на каком именно паровозе ехал Ленин, хотя Ялава в своих воспоминаниях и пишет всегда о паровозе № 293. На самом деле в записи за 22 июля говорилось о паровозе № 297, в первоначальной записи за 20 октября — о паровозе № 193.

Табель-календарь Гуго Ялавы надо изучать и дальше, он не раскрыл еще всех своих тайн. И хотя все три записи о Ленине, сделанные в добросоеестной попытке припомнить действительные факты, оказались неточными, именно подлинные номера пригородных поездов, которые Ялава еодил в осенние дни 1917 года по маршруту Петроград — Райвола — Петроград, помогают установить точную дату возвращения Ленина из финляндского подполья.

Хочется особенно подчеркнуть, что исследование этого документа, даже в нынешней его неполной форме, уже позеоляет снять необоснованные подозрения с Минца в фальсификации табель-календаря, в искусственном навязывании нашей науке даты 7(20) октября 1917 года. Если Минц в чем-то и виноват, то только е том, что, указае на одну ошибку Ялавы (22 июля), побудил его сделать другую — совершенно «с потолка» взять в качестве даты первого переезда Ленина в Финляндию 22(9) августа 1917 года.

Установление каждого нового факта, связанного с жизнью и деятельностью Ленина, имеет важное значение и само по себе, и в связи с общей, непростой историей нашего государства. А таких фактое десятки! Многие из них не выяснялись по политическим причинам, другие в связи с недостатком документов, которые надо искать, а большая часть — по лености и неумению работать. Пора снять полицейские оковы с ленинских документов. Пора дать людям, которые хотят и умеют работать, возможность это сделать. И тогда мы приблизимся к научной биографии Ленина, к воссозданию его человеческого облика.

ИВАН ЗАБЕЛИН — АРХИВАРИУС МОСКВЫ

Его имя носит одна из тихих улочек в центре Москвы.
Его авторитет ученого и исследователя общепризнан.
К его трудам обращается всякий, кого интересуют проблемы русской истории XVI—XVII веков.
Изучению жизни и творчества историка посвящены книги и диссертации.
Ни одна его работа не издана за последние семьдесят лет.

Иван Егорович Забелин (1820—1908) более чем за шестьдесят лет научной деятельности издал двести с лишним работ по истории, археологии, искусствоведению, литературной критике. Когда читаешь его статьи разных лет, возникает ощущение, что писали их порой разные люди. Собственно, так оно и было. Скромный канцелярист второго разряда, архивариус Московской Оружейной палаты, автор первых очерков в «Московских губернских ведомостях», Забелин был, наверное, мало похож и на ученика Грановского, друга Станкевича, корреспондента Герцена, страстного публициста 40—50-х годов, и на эпически спокойного старца, тайного советника, автора фундаментальных работ, повествовавшего подробно, обстоятельно, неторопливо. Но как бы ни была широка гамма его научных интересов, какими бы разными ни представлялись его работы с течением времени, в них ясно звучит главный мотив, тема всей жизни историка — быт русского народа. «Домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни общественной и политической или государственной»,— писал Забелин.

Первая статья молодого исследователя — «Несколько слов о богомольных царских походах» — появилась в «Московских ведомостях» 15 апреля 1842 года; в последующие годы в различных газетах и журналах печатаются многочисленные заметки и статьи, написанные по материалам архива Оружейной палаты, в котором Забелин проработал более двадцати лет. Все эти публикации были своего рода заготовками, подготовительными материалами монументальной работы, венца жизни историка — книги «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях». Два ее тома с подзаголовками «Домашний быт русских царей» и «Домашний быт русских цариц» увидели свет в 1862 и 1869 годах. Ученый хотел сделать их частью широкого полотна, изображавшего наряду с царским быт и прочих слоев русского общества: земца-кормильца, казачества, торгового люда и других. Характер документов, с которыми имел дело исследователь, определил его особое внимание к быту русской царской семьи. Именно по этой причине работы Забелина до сих пор не переиздавались: в них усматривались попытки идеализировать патриархальность русского самодержавия. Но «с фактом ничего не поделаешь. Он покоряет себе всякое поползновение придать своему труду литературную отделку»,— утверждал Забелин и, следуя документу, описывал не только жизнь дворца и терема, но и произвол неограниченной власти, взаимные доносы придворной челяди.

«Сочинение г. Забелина основано на тщательном и добросовестном изучении источников, из которых большая часть открыта и приведена в известность им самим... Книга есть лучшее сочинение из всех, какие только выходили по истории русского быта»,— писал академик Ф. И. Буслаев, к мнению которого можно присоединиться и нам более чем через сто лет.

В 1879 году Московская городская дума обратилась к Забелину с предложением стать историографом Москвы. Берясь «за дело не из нужды, но по любви к предмету», историк так представлял программу будущей работы: написать историю улиц и зданий, повествовать о прошлой жизни москвичей, «ибо город — это совокупность людского общежития», не забыть пожары и петушиные бои, гулянья и торговлю, училища и театры, то есть повседневную жизнь москвичей. Завершить работу ученому не пришлось. В 1902 году вышел в свет первый том «Истории города Москвы», второй же хранится в архиве Забелина и ждет своего часа.

Член Академии, глава Археологического общества, профессор университета, Забелин в 1872 году становится во главе организованного в Москве Исторического музея. Много сил было отдано строительству здания, собиранию материалов, решению экспозиции. Последние годы музей был для Ивана Егоровича не только местом работы, он и жил в здании на Красной площади. В этой последней своей квартире он скончался 31 декабря 1908 года. «Можно смело утверждать, что смерть его вычеркнула из ряда исследователей русской старины величину очень крупную, всеми признанную и очень трудно заменимую»,— говорилось в некрологе. После смерти ученого все его состояние — собрание старинных рукописей, библиотека и даже «скопленные долголетнею службой и литературным трудом» деньги — было передано Историческому музею. Туда же поступил и архив, в котором сохранились дневники почти за 60 лет, не доведенные до печати работы, обширная переписка, мемуары.

Книги Забелина, изданные когда-то немалыми для своего времени тиражами, давно уже стали библиографическими редкостями. Сегодня, когда мы ищем в истории ответы на жгучие вопросы современности, разве не наступило время издать научное наследие выдающегося историка?

Ирина НИКОЛАЕВА

Сочинения Забелина обыкновенно замечательны тонкою критическою работой, умением полно и разносторонне анализировать материал, дать ему общую оценку, поставить его в связь с широкими явлениями жизни. Этот тонкий критический анализ объясняется не только дарованием автора, но и направлением его мысли, его образования.

В. Е. ЯКУШКИН

Забелин не дал поработить себя избранному им предмету. Он глубоко проникнут национальными стремлениями, с горячей любовью относится к России и ко всему русскому, но он далек от идеализации нашей старины, далек от такого увлечения ею, которое бы заставило его враждебно смотреть на нашу новую историю, он не враждебно относится к нашему просвещению, напротив, он высоко ценит его и является одним из ревностных его сподвижников.

В. С. ИКОННИКОВ

Иван ЗАБЕЛИН

ОБЩИЙ ОЧЕРК СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Наше «Смутное время» — эпоха чрезвычайно любопытная и особенно замечательная именно со стороны истории народа, как можно говорить, если ограничим понятие государства только государственной властью с ее органами и представителями.

В общих чертах «Смута» представляет явление весьма своеобычное. Это не революция, не перестановка старых порядков по-новому. Это только глубокое потрясение, великое «шатание» именно государства в сказанном смысле; ибо в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а само правительство, сама правящая и владеющая власть, и в своей единице, и в общем составе своих представителей; между тем как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских (именно гражданских) устоев, какие в нем и предполагать было невозможно.

Смута началась прежде всего во дворце, по видимости, с того важного обстоятельства, что тамошняя среда поспособствовала преждевременному прекращению Рюриковой династии с тайным намерением самой начать опасную и азартную игру в цари. Темное это дело обозначилось именем Годунова. Но Годуновых было тогда много, полон двор, и настоящий Годунов, более других сильный, способный и дальновидный, по тем самым причинам выдвинулся только наиболее заметным их типом. В существенном же смысле историю нашей Смуты нельзя начинать со дня кончины последнего Рюриковича или с прекращения только династии, ибо и здесь последним Рюриковичем в сущности был Иван Грозный. Тем менее можно ее начинать с появления первого Самозванца, который был уже прямым и непосредственным, вполне созрелым и сочным ее плодом. Смута издавна гнездилась в государевом дворе и всегда более или менее жарко вспыхивала, как скоро открывался ей выход на Божий свет, как скоро наготовлялись для нее горючие материалы. Еще за сто с лишком лет до появления Самозванцев она уже вполне ясно обозначила свои стремления и цели. Она и тогда уже пробовала начать дело тоже Самозванцем *. Ее исторические корни уходят далеко в глубину пережитых веков и могут быть указаны чуть ли не на первых страницах нашей истории. Ее корни скрывались всегда в мятежном, самовластном, своевольном и крамольном духе той среды боярства, которая крепко помнила свою первобытную старину. А этою стариною для боярства в оное время было непререкаемое право княжеской дружины владеть Землею, господствовать в Земле за одно со своим князем; непререкаемое право властвовать даже над самим князем, указывать ему, не выпускать его из своей воли — право очень древнее, которое в первое время возникло естественно, было историческою необходимостью и, так сказать, историческою нравственностью, твердым и благим уставом самой жизни. Но с течением веков, по ходу Истории, оно, если хотело быть добрым уставом жизни, должно было бы переродиться во что-либо новое, политически годное для дальнейшего развития народной истории. Между тем в течение этих веков, особенно в период княжеских междоусобий, оно еще больше усиливало только свои старые, допотопные начала жизни и поддерживало в Земле такую же нескончаемую Смуту. [...]

Однако идеи государственного единства, перешагнувши чрез множество повинных и невинных жертв, восторжествовали. Но в этой беспощадной борьбе за единодержавие и самодержавие государя династия, по весьма понятным причинам, все для того же единого самодержавного лица, уничтожая самое себя в побочных ветвях, должна была к концу истощить свои силы и совсем угаснуть. Это был неотразимый трагический исход дела посреди тех стихий жизни, в которых велась эта борьба. Вместе с тем это был первый акт драмы, которую мы в особенности называем «Смутным временем». Главная роль здесь принадлежит Грозному. Как губитель, он является непосредственным произведением и воспитанником Смуты. Как сказано, он в сущности и был последним государем из династии Рюрика. Второе действие драмы, где главную роль играл Годунов, началось в ночь того же дня, как умер главный герой первого действия Грозный. Тогда боярскому властолюбию открылась широкая, хотя и опасная дорога к постановке новой династии и вместе с тем открылось широкое поприще показать всей Земле, чем жили и на чем, собственно, стояли древнедружинные стремления в нашей Истории. Они в то время не только не попомнили о Земле-народе, но успели даже совсем закрепить крестьян себе в собственность.

Достигая в лице некоторых бояр царского престола, эти стремления посреди собственной же зависти и ненависти соперников и в сокрушение им стали делать всяческие подлоги и неслыханные по коварству преступления. Вся правящая и владеющая среда в государстве утратила таким образом в глазах народа и малейшее нравственное значение. Она вся изолгалась, перессорилась, потянула в разные стороны, завела себе особых царей, кто иноземных, кто доморощенных, преследуя, от первого и до последнего человека, лишь одни цели — захват власти, захват владения. [...]

Когда, как мы сказали, государь — хозяин дома помер, не оставив прямого наследника, то слуги-холопы бросились к его сундукам, стали хватать именье, разумеется, без пощады уничтожая соперников... Иные осиливали всех (Годунов, Шуйский) и успевали всенародно записать все именье за одним своим лицом... Иные, желая отнять таким способом захваченное наследство, подставляли поддельного наследника-самозванца и для помоги своему делу приводили в дом иноземные полки, собирали всяких безыменных гулящих людей... Иные, наконец, кто с желанием успокоить государство, а кто с желанием тоже половить в мутной воде рыбу, отдались Западным, как говорил в одной из своих грамот в Нижний Новгород знаменитый Прокопий Ляпунов, призвали на владенье соседа (Польского королевича или собственно поляков). Сосед, давнишний завистник покойника, был очень рад такому случаю и стал владеть и хозяйничать в доме по-свойски...

Однако все эти разновидные на взгляд стремления и действия тянули к одному, или обнаруживали одно: боярин подыскивался на царство, хотел быть царем; рядовой дворянин подыскивался на боярство, хотел боярского сана и боярских вотчин; низшая степень — холоп (не царский, а боярский) искал казачества,— для него это был такой же боярский сан и чин. Все искали и хватали себе побольше личного благополучия и вовсе забывали о том, что надо было всей Земле.

Сирота-народ долго стоял перед домом покойника и все видел, и все слышал, что там творилось, и прямо называл все это дело воровством, а всех заводчиков Смуты — ворами. Но он не знал, как помочь беде, как взяться за дело. Он было сначала сам смешался с холопскою толпою, вместе с боярскими людьми и под предводительством холопа Болотникова доходил даже до Москвы, а по городам стал было казнить по-своему, даже распинать на стенах воевод, отомщая боярскому сословию все старые его обиды и общую теперешнюю Смуту. Но скоро он понял, что все это было холопское дело, что ему здесь кроме своих боков отстаивать и защищать нечего. [...]

Оставалась очередь за «сиротами». Они в то время, в лице своего старосты Козьмы, и кликнули свой знаменитый клич, что если помогать отечеству, так не пожалеть ни жизни и ничего; не то что думать о каком захвате, или искать боярских чинов, боярских вотчин и всяких личных выгод, а отдать все свое, жен, детей, дворы, именье продавать, закладывать, да бить челом, чтоб кто вступился за истинную православную веру и взял бы на себя воеводство. Этот клич знаменит и поистине велик потому, что он выразил нравственный, гражданский поворот общества с кривых дорог на прямой путь. [...]

И вот здесь-то, в этот момент нашей Истории, и представляется до крайности любопытное и назидательное зрелище: спокойный, вечно страдающий и бедствующий сирота-народ двинулся собранным на свои последние деньги ополчением усмирять буйство своего правительства; двинулся восстановлять в государстве тишину и спокойствие, нарушенное не им, народом, а его правительством, которое между тем всегда жаловалось только на бунты и неповиновение народа же; он пришел спасать, поднимать правительство, изнеможенное в крамолах и смутах, заподавшее родную Землю в иноверные руки; пришел выручать из беды свое правительство, сидевшее, по своей же вине и в том же Кремле, в плену у поляков.

Ясно, что все герои этого движения должны быть иные люди, чем герои прежнего движения. Они не порывисты, как Ляпунов, степенны, до крайности осторожны и осмотрительны, а потому медлительны, и от того на театральный взгляд вовсе не замечательны и даже не заметны. Но так всегда бывает со всеми, когда люди работают не для себя, а для общего дела, когда они вперед выставляют не свою личность (как Ляпунов), а прежде всего это общее дело. Общее дело, которое несли на своих плечах наши герои, Минин и Пожарский, совсем покрыло их личности; из-за него их вовсе не было видно, и они вовсе о том не думали, видно их, или не видно. [...]

Они шли не переставлять, а уставлять покой и тишину и соединенье государству, «как было доселе, как было при прежних государях». Так они сами говорили и писали. Понятно, что по этому пути ничего особенного, яркого, театрального, сделать было невозможно. Герои принимают облики рядовых людей и, когда оканчивается их подвиг, на самом деле поступают в рядовые и ничем театральным не выказываются перед всенародными очами.

Тем не меньше нижегородский подвиг в нашей истории дело великое, величайшее из всех наших исторических дел, потому что оно в полном смысле дело народное, созданное исключительно руками и жертвами самого сироты-народа, у которого все другие сословия явились в этот раз только помогателями...

* По поводу развода Василия Ив. с Соломониею был распространен слух о рождении его сына Георгия, которого будто бы тайно скрыли до его возраста, надеясь, когда он будет царем, отомстить за свое оскорбление.

ДОМАШНИЙ БЫТ РУССКИХ ЦАРЕЙ В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

Первым самым неотменным делом при рождении ребенка была особенная забота смерить долготу его роста и широту его объема, дабы по этой мере написать икону Ангела новорожденного, меру рождения дитяти. Такие иконы, по государеву указу, обыкновенно поручали писать самым искусным иконописцам. Так, в 1634 г. знаменитый иконописец того времени Иван Паисеин писал меру царевны Софьи Михайловны (род. 1634. сентября 15). В 1665 г. Апр. 24 меру царевича Симеона Алекс. писал иконописец Федор Евтифеев на кипарисной доске. В 1666 г. сентября 19 писана на кипарисной доске длиною 10½, шир. 3½ вершка мера царевича Иоанна Алексеевича его ангел образ Иоанна Предтечи. Писал иконописец Степан Рязанец. В 1672 г. с 1 июня знаменитый же иконописец Симон Ушаков писал меру царевича Петра Алексеевича образ Живоначальныя Троицы да св. апостола Петра на кипарисной доске длиною 11, шир. 3 вершка. Доска длиною ¾ аршина, шир. ¼ арш. была куплена за 1 р. 50 к. и обделана в назначенную величину. Назнаменив икону и написав ризы до лиц, Симон заболел и икону-лица дописывал уже иконописец Федор Козлов. На другой 1673 год Симон Ушаков писал меру новорожденной царевны Наталии Алексеевны (род. 1673 г. августа 22) в тезоименитство вмч. Наталии на липовой доске длиною 10, шир. 3 вершка. В 1690 году написана мера царевича Алексея Петровича на кипарисной доске.

В том же 1690 году июня 28 иконописец Тихон Иванов писал образ мученицы Феодосии, меру царевны Феодосии, дочери царя Ивана Алексеевича (род. 4 июня), вместо прежней меры, написанной не против размера, на кипарисной доске длиной 11, шир. 4 вершка. Велено писать в хоромы царицы Прасковии Федоровны самым добрым мастерством.

Эти иконы украшались богатыми окладами, как можно судить по описанию меры царевича Алексея Алексеевича, на которой был «оклад золот в венце яхонтик червчат да два изумрудца; в цате два яхонтика червчатых да изумрудец; по полям 8 запонок, а в них искорки алмазные и яхонтовые и изумрудцы, да в гнездах два яхонтика червчатые да два изумрудца; венец и цата и поля обнизаны жемчугом». Само собою разумеется, что эта святыня находилась всегда в детской моленной, а по смерти детей или возрастных уже лиц ставилась над их гробами, что можно видеть и до наших дней в Архангельском соборе и в Вознесенском монастыре в Москве. Мера рождения Петра Великого находится также пред гробом Преобразователя в Петропавловском соборе в Петербурге...

По истечение года у дитяти снимали первые волоски. Царевне Ирине Михайловне снимала волоски в это время бабушка ее, Великая старица инока Марфа Ивановна, что и заставляет предполагать, что этот обряд исполняли только самые ближайшие родственницы и восприемники. О последнем можно заключить также из слов молитвы на первое стрижение волос у младенца, которую в это время говорил царский духовник. Молитва эта находится в Требниках. По свершении обряда, особа, снимавшая волоски, благословляла ребенка золотым крестом с мощами.

Обычай снимать первые волосы наблюдается, по словам Татищева, и в его время между знатными людьми; но он говорит, что это подстригание совершалось по прошествии семи лет, и притом на седле со стрелами. В современном деревенском быту детям также не стригут волос до году; в иных местах, когда мальчику минет год, стрижение волос делают с некоторою торжественностью: приносят седло, садят на него ребенка и подстригают ему волосы. В Нерехетском уезде (Костромской губ.) это делают в именины младенца и для снимания волос призывают отца и мать крестных.

В Тульской губернии этот обычай наблюдается следующим образом: зажигают перед иконами свечу, ставят на стол хлеб-соль, сажают ребенка на угол стола, или на лавку, и непременно на шубе, молятся все Богу и потом стригут волосы. У богатых за этим следует пирушка.

Нельзя не отметить сходства этого обряда с древними постригами; но там, сколько известно, обрезывание первых волос совершалось только у детей мужского пола по истечение двух, трех и четырех лет от рождения, следовательно, не в одно время, зато всегда с особенным торжеством и в соединении с другим обрядом — сажанием на коня. В 1192 году «быша постригы у великого князя Всеволода сыну его Георгеви (родился в 1188 году) в граде Суждали; того же дня и на конь его всади, и бысть радость велика в граде Суждали... В 1230 году князь Михаил сотвори постреги сынови своему Ростиславу, в Новегороде, у св. Софие и уя влас архиепископом Спиридом...» В 1301 году ноября 8 были постриги у князя Михаила Тверского сыну его Дмитрию. Гораздо позже постриги были совершены князю Юрью Ивановичу, сыну Иоанна III. Татищев говорит, что «по прошествии седми лет его на седле со стрелами

подстригали, и на конь посадили, притом же люди знатные, власно как при крещении кумовья бывали».

Характер древней педагогии был таков, что нельзя было выучиться читать, не выучив вместе с тем наизусть и всего содержания азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повторение задов, без твердого знания которых нельзя было и заглянуть вперед в новую страницу. Ученье происходило обыкновенно вслух и нараспев, как следовало читать во время церковной службы, что также может свидетельствовать, что первоначальной целью книжного учения было собственно приготовление церковнослужителей. Заучиванием наизусть молитв и службы, даже без знания азбуки,— приготовлялись попы и все церковнослужители. Да и вообще и в самом гражданском быту церковные книги в то время иначе и не читались, как нараспев, с соблюдением всех особенных тонических ударений. [...]

При таком характере древней педагогии, без сомнения, выучиться грамоте было не совсем легко: это был такой сухой и тяжелый труд, о котором в настоящее время едва ли можно составить надлежащее понятие. Старинная грамота являлась детям не снисходительною и любящею нянею, как теперь, в возможной простоте и доступности, с полным вниманием к детским силам, а являлась она сухим и суровым дидаскалом, с книгою и указкою в одной руке и с розгою в другой.

Обряды и разные обыкновения, которые при Московском дворе сопровождали приемы гостя, шли от глубокой старины.

Давая стол великому послу или высокой особе царского достоинства и духовного сана, государь предварительно делал гостю церемониальный прием. Гость прежде стола должен был видеть пресветлые очи государя. В назначенный день за гостем посылали царский экипаж, великолепно убранный, карету или сани, смотря по времени года. Объявить царское приглашение ездил окольничий с посольским приставом. Поезд окольничего и царского экипажа за гостем был так же церемониален, как и всякий шаг в подобных случаях.

Еще с раннего утра от двора, где стоял гость, и до Красного крыльца во дворце, по обе стороны дороги стоял уже строй стрельцов «с ружьем, с знаменым и с барабаны» в служилом цветном платье. При этом и самые улицы, по которым назначалось шествие, очищались и прибирались. Навстречу высокому гостю выезжали выборные сотни, или роты из стольников, стряпчих, дворян, жильцов, дьяков и других чиновников, а также сотни низших придворных служителей и солдатские полки, хорошо вооруженные и одетые в цветное платье. Каждая сотня и каждый полк отличались особым цветом кафтанов. Самый поезд гостя сопровождали чиновники, посланные звать его к столу. Пристав ехал иногда в одном экипаже с гостем, другие ехали по сторонам и позади, за экипажем. Поезд открывал стрелецкий полковник. Кроме того около поезда шли дворовые люди конюшенного чина в атласных червчатых кафтанах, с протазанами (род алебарды) в руках [...]

Проходивших к государю гостей никто не приветствовал даже и наклонением головы. Нередко это приводило в смущение, ставило в неловкое положение послов, и они, не понимая московского этикета, не знали чем отвечать на такой холодный прием придворных. А так как в посольских аудиенциях все шаги были размерены, все поступки строго взвешены, то посол, отмечая в своих записках подобный прием, писал, что и он в этом случае вел себя так же сухо и холодно. Во дворце на лестнице и на крыльце (говорит Варкоч) «стояло множество бояр в лохматых шапках и кафтанах, шитых золотом. Ни один из них не поклонился мне, почему и я, с моей стороны, не сделал им никакого приветствия».

Проехав церемониально среди войска, гость останавливался наконец у дворцового крыльца. Здесь ему делались почетные встречи. Обыкновенно их было три: первая, вторая, третья — меньшая, средняя и большая, именно: первая при выходе из экипажа у лестницы, вторая на крыльце у сеней, третья в сенях у дверей Приемной палаты. Но в чрезвычайных случаях, когда государь желал оказать гостю больший против обыкновенного почет, давалась еще четвертая встреча, которая называлась также большою; третья же вместе со второю в таком случае были уже средними. Четвертая встреча, в Грановитой Палате у дверей, дана в 1668 году патриарху антиохийскому Макарию. [...]

Великолепие, торжественность, среди которой являлся государь в подобных аудиенциях, изумляли всякого, кто вступал в Приемную палату. Наряд Приемной палаты также разделялся на большой, средний и меньшой, смотря по достоинству и богатству предметов, которые были употребляемы на уборку залы.

Еще до приезда гостя государь приходил в палату, облекался в большой царский наряд и садился в своем царском месте, то есть на троне, в венце, в царском платне (древняя порфира) и диадеме или бармах, со скипетром в руках. Блистающий многоценный наряд государя изумлял гостя еще более, чем все доселе им виденное. «С нами то же случилось», пишет очевидец царской аудиенции в XVII столетии, «что бывает с людьми, вышедшими из тьмы и ослепленными внезапным сиянием солнца; едва могли глаза наши сносить блеск великолепия, когда мы вошли в палату. Казалось, что яркость сияния, от дорогих камней изливающегося, спорила с лучами солнечными, так что мы совершенно потерялись в сем смешении блеска и величия. Сам царь, подобно горящему солнцу, изливал от себя лучи света». Кобенцель, описывая свой приезд к царю Ивану Васильевичу, замечает, что венец, который был в то время на царе, по своей ценности превосходил и диадему его святейшества папы и короны королей испанского и французского и герцога тосканского и даже корону самого цесаря и короля венгерского и богемского, которые он видел. «Мантия великого князя (продолжает Кобенцель) была совершенно покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями и жемчугом величиной в орех, так что должно было удивляться, как он мог сдержать на себе столько тяжести». По сторонам трона стояли, по двое с каждой, рынды — красивые молодые люди из стольников, в богатых белых одеждах с золотыми цепями на груди, перевязанными крест на крест, держа на плечах топоры, или секиры, остреями кверху. При Алексее Михайловиче, кроме рынд, по сторонам трона стояли иногда двое голов стрелецких с мечами и по шести человек со стороны сотников стрелецких с алебардами.

Не доходя на несколько шагов до царского места, гость останавливался и кланялся, бил челом, причем боярин или окольничий, смотря по значению лица, объявлял его государю, сказывая его имя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1862. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.

2. Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. Т. 1—2. М., 1872—1873.

3. Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883.

4. Забелин И. Е. История Москвы, написанная по поручению Московской городской Думы. Ч. 1. М., 1902.

5. Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984.

6. И. Е. Забелин: библиографический указатель. М., 1988.

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ТРАГЕДИЯ КОЛЧАКА — ТРАГЕДИЯ «БЕЛОГО ДЕЛА»

Генрих ИОФФЕ,
доктор исторических наук

О Колчаке и его режиме, существовавшем в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке с ноября 1918 по январь 1920 года, написано множество научных статей, монографий, воспоминаний и художественных произведений. Наиболее обильный урожай книг по истории колчаковщины дали двадцатые годы. За границей, от Китая до Югославии, в это время выходит целый ряд книг, посвященных Колчаку и его диктатуре. Среди них наиболее интересны двухтомник воспоминаний бывшего управляющего делами колчаковского Совета министров Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» (Пекин, 1921), книга С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака» (Белград, 1930—1931), воспоминания-исследование генерал-лейтенанта К. В. Сахарова «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923), брошюра М. И. Смирнова «Адмирал Колчак» (Париж, 1930).

В Советском Союзе в это время издаются воспоминания бывшего главнокомандующего войсками Уфимской директории В. Г. Болдырева «Директория, Колчак, интервенты» (Новониколаевск, 1925), сборник воспоминаний и статей «участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией» «Борьба за Урал и Сибирь» (Москва — Ленинград, 1926), военно-исторический очерк Г. Д. Гая «Первый удар по Колчаку» (Ленинград, 1926), а также различные сборники документов, статей и воспоминаний.

В двадцатых годах в нашей стране не боялись публиковать мемуары контрреволюционеров. Но вскоре эти книги легли в тишь спецхранов и были извлечены оттуда только в конце восьмидесятых. Конечно, специалистам эти издания знакомы. Широкому же кругу читателей — нет. В 1927 году в серийном издании «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев» вышел том «Гражданская война в Сибири и Северной области», в котором были помещены фрагменты из воспоминаний Н. Д. Авксентьева, Д. Ф. Ракова, К. В. Сахарова, Г. К. Гинса, барона Будберга и других. В 1930 году увидел свет сборник «Колчаковщина (Из мемуаров активных деятелей белогвардейщины. Собрано П. Е. Щеголевым)». Там были помещены отрывки из воспоминаний Г. К. Гинса, из «сибирского дневника» французского генерала М. Жанена, а также стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством «Политическому центру» в январе 1920 года.

В 1925 году в Ленинграде отдельной книгой, под грифом Центрархива издаются «Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака (стенографический отчет)». Однако текст допроса Колчака был впервые опубликован еще раньше, в 1923 году, в десятом номере «Архива русской революции», издававшегося Гессеном в Берлине. В редакционной статье советского издания говорится: «Сверка опубликованного текста показания в «Архиве русской революции» с хранящимся в Арх. Окт. Революции оригиналом дешифровки убеждает нас в том, что редакция «Архива русской революции» имела в своих руках небрежно перепечатанную копию допроса. Опубликованный текст пестрит бесчисленным количеством грубейших ошибок и опечаток, извращающих смысл показаний Колчака».

Сегодня мы предлагаем читателям наиболее интересные, на наш взгляд, выдержки из протоколов допроса адмирала Колчака.

Александр УШАКОВ

С историей адмирала Колчака и восточной контрреволюции, которую он возглавлял с конца 1918-го до начала 1920 года, мне довелось, так сказать, столкнуться дважды. Впервые — давно, еще в студенческие годы, в конце 40-х. Тогда из «Краткого курса истории ВКП(б)» мы узнавали, что Колчак являлся «ставленником Антанты в Сибири», был разгромлен и про него народ в Сибири распевал песенку:

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский.
Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Правитель смылся.

Все было просто...

Вторично пришлось познакомиться с историей «колчаковщины» в конце 70-х — начале 80-х годов в ходе работы над монографией о сибирском регионе белого движения (Иоффе Г. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983). Установки «Краткого курса» были уже отброшены, однако внутренний цензор, вызванный к жизни 40 лет назад, продолжал активно действовать, подкрепляемый к тому же цензором внешним. Далеко не все и тогда позволялось говорить, но круг источников и литература, которую уже можно было изучать, в прах рассеяли давнее представление о Колчаке, созданное веселой, опереточной песенкой из «Краткого курса», а потом закрепленное некоторыми нашими книгами. Они не были, конечно, столь примитивны, но в чем-то главном, пожалуй, повторяли давний простецкий мотив.

Разительной оказывалась полярность оценок. Я прочитал вышедший еще в начале 30-х годов в Белграде трехтомный труд С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака». То было не высокомерно-ерническое «подсмеивание» над поверженными в Сибири белыми, а попытка понять трагизм их отчаянной борьбы и жестокого поражения, за которое и красным пришлось дорого заплатить. Председатель Иркутского ВРК А. Ширямов позднее писал: «Они знали себе цену, знали, что их ожидает в случае встречи с красными, и их путь, этот «ледяной поход», сопровождался неописуемыми жестокостями, расстрелами, грабежами и издевательствами над мирным населением... Они заразили тифом поголовно все население местностей, через которые проходили. Сотни трупов замученных ими людей оставались после их прохода».

Теперь, когда мы восстанавливаем вычеркнутые или забытые имена, мне кажется, надо вспомнить и о С. П. Мельгунове. Быть может, разговор о нем впереди. Когда мы приступим к более глубокому осмыслению истории гражданской войны в России, уверен, без книг Мельгунова не обойтись.

Так в чем же была трагедия Колчака? Только лишь в страшной личной судьбе или в чем-то более широком?

Сын участника Крымской войны, известного специалиста по артиллерийской технике [1], отважный полярный исследователь и моряк, талантливый флотоводец, Александр Васильевич Колчак в 1916—1917 годах командовал Черноморским флотом. «Революционная анархия» вынудила его оставить свой пост. Вернувшись в Петроград, Колчак на некоторое время становится одной из надежд правых сил, уже осознавших, что Временное правительство не в состоянии стабилизировать положение в стране, покончить с революцией. Однако по приглашению американцев в конце июля 1917 года вице-адмирал уезжает в США. Только в конце октября он решил возвратиться в Россию. Сообщения об Октябрьской революции и Брестских переговорах задержали его в Японии. Здесь он вступил в английскую армию, но англичанам Колчак был нужен не на далеком Месопотамском фронте, а на Дальнем Востоке, в Сибири. В Омске уже правила эсеро-кадетская Директория, по убеждению белогвардейской военщины и интервентов неспособная успешно вести борьбу с большевиками.

18 ноября 1918 года группа офицеров-монархистов совершила переворот: Директория была свергнута, Колчак объявлен «верховным правителем». Так вихрем событий и, конечно, собственной ненавистью к революции Колчак был вовлечен в борьбу с большевизмом, с Советской властью. Разбитый Красной Армией, он попал в плен. Те, кто видел его в иркутской тюрьме, свидетельствуют, что он страшно постарел, был бледен, замкнут, но спокоен. Он знал, что его ждет. Глухой февральской ночью 1920 года его вместе с главой правительства В. Пепеляевым по постановлению иркутского ревкома расстрелял красногвардейский наряд.

[1] Перу В. И. Колчака принадлежат интересные воспоминания и история Обуховского завода, вышедшие в свет в 1903—1904 годах.

В мае 1920 года в Омске состоялся суд над группой (23 человека) бывших колчаковских министров и высших чиновников. Приговор следует процитировать (он малоизвестен): «Чрезвычайный трибунал при Сибревкоме, рассмотрев дело членов самозваного и мятежного правительства Колчака, постановляет признать доказанным участие подсудимых в бунте и восстании при помощи и поддержке иностранных правительств против власти рабочих и крестьян с целью восстановить старый строй, в организации подсудимыми истребительной вооруженной борьбы против власти рабочих и крестьян России, в предательском призыве подсудимыми вооруженных сил империалистических правительств против страны, к которой они принадлежали, организации массового разрушения достояния Советской республики и имущества трудового населения России, организации системы массовых групповых и единичных убийств трудового населения России; считаясь с тем, как это доказано на судебном следствии, что подсудимые Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов, Клафтон сохранили в настоящее время связи с противосоветскими группами и организациями, которые могут им облегчить повторение перечисленных преступлений, Ревтрибунал признает поименованных подсудимых опасными для общественного строя Советской республики и постановляет подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Клафтона и Ларионова расстрелять. Остальных подсудимых подвергнуть лишению свободы с применением принудительных работ...

Председатель Ревтрибунала Павлуновский, члены суда Косырев, Бойков, Мамонтов, Щетинин».

Приговоренные к казни обратились во ВЦИК с просьбой о помиловании. «Даем слово,— телеграфировали они,— не участвовать в какой-либо борьбе с Советской властью, относиться к ней с полной лояльностью и, если понадобится, честно служить ей». Однако со своей стороны Сибревком настаивал на приведении приговора в исполнение. Предсибревкома И. Смирнов сообщал в Москву, что всякая задержка в этом «вызовет недовольство широких масс рабочих и крестьян. Мнение облбюро прежнее, т. е. четверо должны быть расстреляны» [1]. 19 июня 1920 года ВЦИК отклонил просьбу о помиловании. Омские газеты писали: «Восставший трудовой народ ищет не мести, а справедливого суда». Так закончилась «колчаковщина». Остатки ее ушли в Маньчжурию и Китай; многие влачили там жалкое существование, но не без гордости вспоминали свое боевое прошлое. Поэт колчаковской эмиграции Арсений Несмелов писал:

Состаримся скоро и вымрем
В безлюдье китайском глухом..
Но все же, конторская мымра,
Сам Ленин был нашим врагом!..

Адмирал Колчак был расстрелян как «верховный правитель» антисоветской России (к лету 1919 года все другие белогвардейские лидеры объявили о своем подчинении ему), и его личная трагедия, как и личная трагедия тех, кто оказался в его окружении, была лишь следствием, результатом трагедии «белого дела» в целом. Но понять ее намного труднее, чем драму самого Колчака и его министров. Необходимо глубоко осознать природу и характер российской революции, всей переломной эпохи, рожденной ею. Между тем сталинский «Краткий курс», надолго заложивший «методологические основы» нашей историографии, не только не способствовал такому осознанию, но и извращал его. И совсем не только

потому, что, как это принято думать, он, этот «курс», очернил и вычеркнул из истории имена многих творцов революции. Главный грех, на мой взгляд, заключался все-таки в другом: в напористой попытке изобразить революцию плодом организационной деятельности партии большевиков. Революция была мощным социальным взрывом, во многом подготовленным деградацией старых общественных и государственных структур, которые правящий класс в эгоистической слепоте своей власти пытался сохранить или в лучшем случае как-то подновить. Именно это упорство придало взрыву колоссальную разрушительную силу. Можно по-разному оценивать его смысл и значение теперь, но, пожалуй, невозможно оспорить одно: в тот момент массы, миллионы «простых», «рядовых» людей сами творили историю, плохо ли, хорошо ли, но сами! На поверхности бушующего моря революции развернулась яростная борьба разных политических потоков. Полагать, что по одну ее сторону находились «низы» — рабочие и крестьяне, а по другую — «верхи» — буржуа и помещики,— по меньшей мере упрощение. Вот почему выбор позиции в нараставшей стихии революции и гражданской войны, перепахавшей Россию вдоль и поперек, был нелегким интеллектуальным и нравственным делом, даже подвигом. И в белые уходили люди морально чистые, искренне верившие, что на той стороне они высоко понесут «национальную идею», идею спасения и восстановления Российского государства. Но точно так же, как революция, взяв разбег, непрерывно левеет, выдвигая в политический авангард все более радикальные группы, стремящиеся довести ее до конца, так же и контрреволюция, начав борьбу, уходит под все более правые знамена, фактически сражается за восстановление того, что историей уже обречено и, по крайней мере полностью, невозвратимо. И тогда почва уходит из-под ног, «святая идея» выхолащивается. «Белое дело» вырождалось в мстительную попытку классового реванша, разгул насилия, злобное торжество сознающей свое бессилие реакции.

Вот только один документ: «Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего. г. Омск, 27 марта 1919 г. № 273.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий повелел:

1. Всех военнопленных красноармейцев при отправлении в тыл делить на четыре категории: 1) добровольцы из рабочих и бывших моряков, 2) добровольцы из крестьян-хлебопашцев, 3) мобилизованные красноармейцы тех сроков службы и категорий, кои призваны на службу в действующую армию на театре военных действий, 4) мобилизованные красноармейцы, сроков службы и категорий, не призванных у нас к отбыванию воинской повинности.

2. Красноармейцев 1-й и 2-й категорий препроводить при именных списках в тюрьмы и лагеря военнопленных... для последующего предания их распоряжением командующих армиями военно-полевому суду за государственную измену...»

Часто это означало расстрел. Тысячи, если не десятки тысяч, были отправлены, по саркастическому выражению колчаковских офицеров-монархистов, в «республику Иртыш». Многие бывшие идеологи «белого дела» признали потом его вырождение в самую свирепую реакцию. Милюков писал, что на деле оно стремилось перерешить аграрный вопрос «в интересах помещичьего класса», восстановить господство военной и чиновной бюрократии времен царизма, вопреки даже собственным интересам, осуществить лозунг «единой и неделимой России». Именно это, считал Милюков, оттолкнуло от белогвардейцев демократические элементы России и ее «окраин» [1]. Если большевики в годы «военного коммунизма» порой бездумно пытались «красногвардейской атакой» до конца разрушить и добить «старый мир», чтобы на его руинах создать совершенно новый, то их враги во время своего «военного антикоммунизма» старались «белогвардейской атакой» спасти и восстановить уже разрушенное, уже отвергнутое. Не в этом ли — в безжалостном попрании и отвержении демократизма — и заключались глубинные истоки трагедии «белого дела»? Как и последующая трагедия октябрьского большевизма, не сумевшего после Ленина твердо осуществить поворот от гражданской войны к гражданскому миру?

Нам предстоит ответить еще на много вопросов нашего прошлого, не останавливаясь ни перед какой правдой. Ведь как сказал Иешуа прокуратору в булгаковском «Мастере и Маргарите», «правду говорить легко и приятно»...

[1] Дается по архивным документам.

[1] Милюков П. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926, с. 133.

ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ВОТ ЧТО ИДЕТ ВМЕСТЕ С КОЛЧАКОМ!

1) Крестьяне! Если вы не хотите, чтобы пришли англо-франко-американские капиталисты и поработили вас,

2) если не хотите, чтобы помещики отняли у вас землю,

3) чтобы урядники и исправники снова издевались и бесчестили детей и жен ваших,

4) если вы не хотите, чтобы на радость кулакам и попам вас опять спаивали водкой и разорили ваше хозяйство — идите записывайтесь в Красную Армию и защищайте Советскую Россию.

21-го января 1920 года

Попов. Вы присутствуете перед Следственной Комиссией, в составе ее председателя К. А. Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии: Г. Г. Лукьянчикова и Н. А. Алексеевского, для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Колчак. Да, я адмирал Колчак...

Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде, на Обуховском заводе. Я женат формапьно законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Попов. Вы являлись Верховным Правителем?

Колчак. Я был Верховным Правителем Российского Правительства в Омске,— его называли Всероссийским, но я лично зтого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции. Переписку с ней вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав [...]

Отец мой, Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном Институте, затем он был на уральском Златоустоеском заводе, после зтого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он остался на зтом заводе в качестве инженера или горного техника. Там я и родился. Мать моя — Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер... Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный; до времени поступления в школу получил семейное воспитание под руководством отца и матери...

Свое образование я начал в 6-й петроградской классической гимназии, где пробыл до 3-го класса; затем в 1888 году я поступил в морской корпус и окончил в нем свое воспитание в 1894 году. В морской корпус я перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в корпус. Из корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Рикорда. Мне было тогда 19 лет...

Во время моего первого плавания главная задача была чисто строевая на корабле, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С зтого времени я начал заниматься научными работами. Я готовился к южнополярной зкспедиции, но занимался зтим в свободное время; писал записки, изучал южно-полярные страны. У меня была мечта найти южный полюс; но я так и не попал в плавание на южном океане [...].

В сентябре месяце [1899 года] я ушел на «Петропавловске» в Средиземное море, чтобы через Сузц пройти на Дальний Восток, и в сентябре прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толля принять участие в организуемой Академией Наук под его командованием северной полярной зкспедиции, в качестве гидролога зтой зкспедиции... Мне было предложено, кроме гидрологии, принять на себя еще должность второго магнитолога зкспедиции... Для того, чтобы подготовить меня к зтой задаче, я был назначен на главную физическую обсврваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Это было в 1900 году...

Экспедиция ушла в 1900 году и пробыла до 1902 года. Я все время был в зтой зкспедиции. Зимовали мы на Таймыре, две зимовки на Ново-Сибирских островах, на острове Котельном; затем, на 3-й год, барон Толль, видя, что нам все не удается пробраться на север от Ново-Сибирских островов, предпринял зту зкспедицию. Вместе с Зеебергом и двумя каюрами он отправился на север Сибирских островов...

В виду того, что у нас кончались запасы, он приказал нам пробраться к земле Бенетта и обследовать ее, а если зто не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привезти все коллекции и начать работать по новой зкспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Ново-Сибирские острова, где мы ему оставили склады. В 1902 году, весною, барон Толль ушел от нас с Зеебергом с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с земли Бенетта. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к земле Бенетта, но зто нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходили северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали проникнуть дальшв. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены, и тогда к нам вышел старый пароход «Лена» и снял всю зкспедицию с устья Тиксти... На заседании Академии Наук было доложено общее положение работ зкспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила Академию... Я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую зкспедицию на землю Бенетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам, и так как на «Заре» зто сделать было невозможно (был декабрь, а весною надо было быть на Ново-Сибирских островах, чтобы использовать пето),— «Заря» была вся разбита,— то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Бенетта и, если нужно, даже на поиски барона Толля на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предложение барона Толля, но другого выхода не было, по моему убеждению...

Мы очень скоро... пробрались к тому месту, где барон Толль со своей партией находились на зтом острове. ...В конце ноября 1902 года бврон Толль решился на отчаянный шаг — идти на юг в то время, когда уже наступили полярные ночи, когда температура понижается до 40°, когда море, в сущности говоря, даже в открытых местах не имеет воды, а покрыто льдом, так что двигаться совершенно почти невозможно ни на собаках, ни на шлюпках, ни пешком. В такой обстановке, в полярную ночь, он двинулся со своими спутниками на юг. Документ его кончается такими словами: «Сегодня отправились на юг; все здоровы, провизии на 14 дней». Партия, конечно, вся погибла [...]

Результат пребывания на севере — ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился нв сухопутный фронт, заставили меня е сентябре просить назначения на сухопутный фронт. Все время я принимал участие в мелких столкновениях и боях во время выходов. Осенью я перешел на сухопутный фронт. Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня [...]

С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала еще обязанность перед Академией Наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей зкспедиции, которая была мною брошена. Все мои труды по гидрологии и магнитологии, съемки были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии Наук и осенью 1905 года занимался в Академии Наук, но уже занимался трудом кабинетным, работал в физической обсерватории и приводил в порядок свои работы. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и с Географическим обществом. Затем в Географическом обществе я получил научную высшую награду за свои последние экспедиции — большую Константиновскую золотую медаль...

В 1906 году... после того, как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в числе которых был и я, решила заняться самостоятельной работой, чтобы снова подвинуть дело воссоздания флота и, в конце концов, тем или иным путем как-нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в этом году, возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем зто было до сих пор... Нашей задачей явилась идея возрождения нашего флота и морского могущества.

Группа зтих морских офицеров, с разрешения морского министра, образовала военно-морской кружок, полуофициальный... В конце концов, мною и членами зтого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания морского генерального штаба, т.е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было...

...В 1907 году мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т.д. совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли в 1915 году, указывало на то, что эта война должна быть...

ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ 23-го января 1920 года

Алексеевский. ...Комиссия считает необходимым поставить вам вопросы о ваших политических взглядах в молодости, в зрелом возрасте и теперь, а также о политических взглядах вашей семьи.

Колчак. Моя семья была чисто военного характера и военного направления... Какими-либо политическими задачами и вопросами я почти не интересовался и не занимался. Как я говорил, когда я поступил в корпус, я начал заниматься исключительно военным делом и затем меня увлекали точные научные знания, т.е. математические и физические науки. Науками социального и политического характера я занимался очень мало [...].

Алексеевский. Скажите, адмирал, в 1904—1905 году, когда вы участвовали в русско-японской войне, вы, как человек, хорошо знающий морское дело и изучавший в деталях и на практике постановку его в России, не могли не видеть, что наши морские неудачи определились политическими обстоятельствами и в особенности тем, что во главе зтого дела стоял в.кн. Алексей Александрович и что неудачи морские решили и сухопутную кампанию,— вы тогда не пришли, как и большинство интеллигентного русского общества, к выводу, что необходимы политические перемены во что бы то ни стало, хотя бы даже и путвм борьбы?

Колчак. Я считал необходимым уничтожение должности генерал-адмирала, и это совершилось как результат войны. Я считал это безусловно необходимым, но главную причину я видел в постановке военного дела у нас во флоте, в отсутствии специальных органов, которые бы занимались подготовкой флота к войне, отсутствием образования. Флот не занимался своим делом,— вот главная причина; и из первого объяснения вы видите мое отношение к этому вопросу. Я считаю, что политический строй играл в этом случае второстепенную роль. Если бы это дело было поставлено как следует, то при каком угодно политическом строе вооруженную силу создать можно, и она могла бы действовать.

Попов. Каково было ваше отношение, адмирал, к революции 1905 года?

Колчак. Мне с нею не пришлось почти сталкиваться. В 1905 г. я был взят в плен, затем я вернулся, был болен и лечился, а остаток этого времени я был в Академии Наук... Я считал, что зто есть выражение негодования народа за проигранную войну, и считал, что главная задача, военная, заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства. Я считал сеоей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям [...]

Алексеевский. У нас есть поговорка, что рыба начинает разлагаться с головы. Не приходили ли вы к убеждвнию, что именно сверху нет ничего, кроме слов, в отношении ответственности и руководства?

Колчак. Я считал, что вина не сверху, а вина была наша,— мы ничего не делали [...]

...Программы, задачи, инструкции составлялись чрезвычайно резонно и логично, и обоснованно, но выполнение их было ужасно благодаря общему невежеству, отсутствию знвний у наших руководителей, отсутствию подготовленных людей для того, чтобы руководить флотом... Я вспоминаю тот период и период последней войны,— ведь ничего похожего не было. Здесь, наконец, после страшного урока у нас был флот, отзывы о котором были самые лучшие. Может быть, он был слаб и мал, но отзывы о нем английские адмиралы давали самые лестные... Миннов дело стояло у нас, быть может, выше, чем где бы то ни было. К нам приезжали учиться. Меня американцы после посещения Черноморского флота вызвали к себе для того, чтобы я мог им дать данные о постановке нашего минного дела... ...Я повторяю,— вооруженная сила может быть создана при каком угодном строе, если методы работы и отношение служащих к своему делу будут порядочные. Наоборот, при каком угодно строе, если такого отношения не будет, вы вооруженной силы не создадите...

Алексеевский. Таким образом, вы из неудач войны с Японией не делали никаких политических выводов?

Колчак. Нет... Но повторяю, что я, например, приветствовал такое явление, как Государственная Дума, которая внесла значительное облегчение во всей последующей работе по воссозданию флота и армии. Я сам лично был в очень тесном соприкосновении с Государственной Думой, работал там все еремя в комиссиях и знаю, насколько положительные результаты дала эта работа [...]

Я относился к монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя. Я был занят тем, чем занимался. Как военный, я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял, и этим исчерпывалось все мое отношение. И, сколько я припоминаю, в той среде офицеров, где я работал, никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы [...]

Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такового не существовало в природе. До революции 1917 года я считал себя монархистом...

Попов. Какова была ваша общая политическая позиция во время революции?..

Колчак. Когда совершился переворот, я считал себя сво-

бодным от обязательств по отношению к прежней власти... Я приветствовал революцию, как возможность рассчитывать на то, что она внесет знтузиазм,— как зто и было у меня в Черноморском флоте вначале,— в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего,— и образа правления, и политических соображений...

Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца, и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну...

Попов. Какой образ правления представлялся вам лично для вас наиболее желательным?

Колчак. Я затрудняюсь сказать, потому что я тогда об этом не мог еще думать. Я первый признал временное правительство, считал, что, как временная форма, оно является при данных условиях желательным; его надо поддержать всеми силами; что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в учредительном органе форму правления, и какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился. Я считал, что монархия будет, вероятно, совершенно уничтожена. Для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают...

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ 30-го января 1920 года

Алексеевский. [...] До вас в Японию доходили известия о том, что в Западной Сибири образовалось западно-сибирское правительство, и как вы к зтому относились?

Колчак. Были неопределенные сведения, что в Омске образовалось западно-сибирское правительство. Были неясные слухи о том, что в Самаре собирается съезд членов учредительного собрания, были первые намеки на образование Директории,— зто были все отрыеочные и неопределенные сведения. Из них самое серьезное это то, что омскому правительству удалось успешно провести мобилизацию в Сибири и что население, совершенно измучившееся за время хозяйничанья большевистской власти, поддерживало главным образом, в лице сибирской кооперации, власть зтого правительства. Ни характера зтого правительства, ни его целей и тенденций я не знал. Я знал только, что оно противобольшевистское...

Владивосток произвел на меня впечатление чрезвычайно тяжелое,— я не мог забыть, что я там бывал во время империи. Тогда мы были хозяевами. Это был наш порт, наш город. Теперь же там распоряжались кто угодно. Все лучшие дома, лучшие казармы, лучшие дамбы были заняты чехами, японцами, союзными войсками, которые туда прибывали, а наше положение было глубоко унизительно, глубоко печально. Я чувствовал, что Владивосток не является уже нашим русским городом... Я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем самая цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер: — это не было помощью России,— все это выставлялось, как помощь чехам, их благополучному возвращению, и в связи с зтим все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальнем Востоке [...]

Алексеевский. А участие чехов в русской политической вооруженной гражданской войне вы не считали интервенцией союзников?

Колчак. Нет,— я считал, что чехи стоят совершенно особо. Прежде всего для меня было совершенно ясно, что чехи были поставлены в необходимость этой борьбы для того, чтобы выбраться из России. Я нá чехов смотрел совершенно другими глазами, я их отделял от тех союзников, которые пришли извне.

Алексеевский. После того, как вы познакомились с деятельностью земства, вы укрепились, и ваши колебания в отношении характера образования власти в направлении единоличной власти или в направлении ее коллегиальности определились к этому времени?

Колчак. ...Всякая такая единоличная власть, единоличное верховное командование, в сущности говоря, может действовать с диктаторскими приемами и полномочиями только на театре военных действий и в течение определенного, очень короткого периода времени, когда можно действовать, осноеываясь на чисто военных законоположениях...

Для меня было ясно, что управлять страной на основании зтого положения, в сущности говоря, нельзя... Позтому мне казалось, что единоличная власть, как военная, должна непременно связываться еще с организованной властью гражданского типа, которая действует, подчиняясь военной власти, вне театра военных действий. Это делается для того, чтобы объединиться е одной цели ведения войны...

Алексеевский. ...Но верховная власть возглавляется только одним лицом?

Колчак. Да. Мне казалось, что именно такая организация власти в период борьбы должна существовать, и в зтом убеждении я укрепился уже тогда [...]

По прибытии в Омск, я узнал о смерти Алексеева, который умер, кажется, 11-го или 12-го сентября. Там же я получил известие о смерти Корнилова, и что главнокомандующим Добровольческой армией на юге России является ген. Деникин. Когда я прибыл в Омск, на ветке уже стоял поезд с членами Директории и поезд Болдырева, который был тогда назначен верховным командующим и прибыл со своим штабом в Омск. По прибытии в Омск, мы встретили ген. Мартьянова, моего сослуживца по Балтийскому морю и штабу Эссена, и Казимирова. Они встретили меня и спросили, что я намерен делать. Я сказал, что я здесь только проездом и хочу пробраться на юг России.

Они мне сказали: «Зачем вы поедете,— там в настоящее время есть власть Деникина, там идет своя работа, а вам надо оставаться здесь. Во всяком случае, мы вас просим организовать на первое время морских офицеров, которые здесь разбросаны по Сибири. Надо, чтобы кто-нибудь взялся за организацию этих морских частей, и вы — единственное авторитетное лицо, которое это может взять на себя»...

Затем о моем приезде узнал Болдырев. Это был первый из членов Директории, который прислал ко мне адъютанта и пригласил к себе. Болдырев задал мне вопрос, что я намерен делать. Я сказал, что я хочу ехать на юг России, никакого определенного дела у меня нет, и я хочу выяснить вопрос, как туда проехать. Он мне сказал: «Вы здесь нужнее, и я прошу вас остаться». На зто я ответил: «Что же мне здесь делать: флота здесь нет?» Он говорит: «Я думаю вас использовать для более широкой задачи, но я вам об этом скажу потом. Если вы располагаете временем, останьтесь на несколько дней»...

Через два дня после этого меня снова вызвал генерал Болдырев к себе в вагон и сказал, что он считает желательным, чтобы я вошел в состав Сибирского правительства в качестве военного и морского министра. Я ему на зто сначала ответил отказом, потому что я могу взяться только за морское ведомство, каковового сейчас создавать нельзя, а пока надо постараться разобраться, какие здесь имеются ресурсы, средства, личный состав, привести все зто в порядок, и тогда можно будет создать какой-нибудь орган. Что касается военного министерства,— то — что такое военное министерство во время войны? Я просто-напросто не хотел брать на себя зтой обязанности. Болдырев тем не менее очень настаивал: «Не отклоняйте зтого предложения. Если вы увидите, что дело не пойдет у вас, никто вас не связывает, вы всегда можете его оставить,— но сейчас у меня нет ни одного лица, которое пользовалось бы известными именем и доверием, кроме вас. Позтому я вас прошу, обращаясь к вашему служебному долгу, чтобы вы мне помогли, вступивши в должность военного и морского министра» [...]

Двнике. А не возникало ли у вас с Болдыревым разговора, в связи с предложением министерского поста, об общем положении, в какой мере возможно и удобно вам работать с Директорией, в какой мере Директория вообще может принять ваши взгляды?

Колчак. Нет. Болдырев меня не запрашивал,— мы вели чисто делоеой разговор.

Алексеевский. Словом, вы смотрели на это предложение несколько профессионально и политических возражений не делали?

Колчак. Нет, с Болдыревым я об зтом не разговаривал, но я сознательно шел на службу к Директории.

Публикация Александра УШАКОВА

Алексей БУДБЕРГ

ДНЕВНИК БЕЛОГВАРДЕЙЦА. (Колчаковская эпопея)

Отрывок из книги

30 апреля 1919 года. Являлся верховному правителю; в Харбине его я ни разу не видал, знал о нем только по рассказам и внутренно был против него предубежден. Вынес симпатичное впечатление: несомненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек; острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное; важности никакой; напротив — озабоченность, подавленность ответственностью и иногда бурный протест против происходящего — вот то, что дало мне наше первое свидание для его характеристики.

По просьбе адмирала рассказал ему свои впечатления о харбинской и владивостокской военной, политической и общественной жизни; высказал свое credo, что атаманы и атаманщина — это самые опасные подводные камни на нашем пути к восстановлению государственности и что необходимо напрячь все силы, но добиться того, чтобы или заставить атаманов перейти на законное положение и искренно лечь на курс общей государственной работы, или сломать их беспощадно, не останавливаясь ни перед чем.

Адмирал ответил, что он давно уже начал эту борьбу, но он бессилен что-либо сделать с Семеновым, ибо последнего поддерживают японцы, а союзники решительно отказались вмешаться в это дело и помочь адмиралу; при этом Колчак подчеркнул, что за Семенова заступаются не только японские военные представители, но и японское правительство.

Боюсь, что по этой части адмирала обманывают его докладчики, а особенно Иванов-Ринов и другие спасители Семенова; общее впечатление моих дальневосточных впечатлений, что дальневосточную атаманщину поддерживают определенные лица японской военной партии и делают это ловко, придавая всему вид тайной правительственной поддержки.

Адмирал сообщил, что только что получил от Иванова-Ринова две листовых телеграммы о том, что все спасение Дальнего Востока в назначении Семенова командующим дальневосточной армией; очевидно, читинские фимиамы так вскружили голову бывшей полицейской ярыжке, что он возомнил, что в союзе с Семеновым ему легко будет забраться и повыше второго места на Дальнем Востоке.

Я вновь доложил адмиралу свое убеждение в необходимости раз навсегда разрешить атаманский вопрос и высказал свой взгляд, что единственным исходом будет официальное обращение ко всем союзникам с протестом против поведения Японии, поддерживающей явного бунтовщика, не признающего власти омского правительства, подрывающего ее авторитет и насаждающего своими насилиями и безобразиями ненависть к правительству и сочувствие к большевикам. Раз союзники заявляют, что не желают вмешиваться в наши внутренние дела, то зачем же они допускают японцев поддерживать антиправительственную организацию и вмешиваться в отношения адмирала к взбунтовавшемуся и забывшемуся подчиненному?

Если же это не поможет, то самому адмиралу надо принять командование над отрядом и идти на Читу; пусть японцы устраивают всесветный скандал и разоружают самого верховного главнокомандующего. Читинский нарыв надо ликвидировать, иначе он все сгноит и задушит.

Радикальность предлагаемых мной мер смутила даже адмирала, и он перешел на отчаянное положение дела снабжения армии. На мой доклад о необходимости коренных реформ в организации армий, уничтожения сепаратизма и эгоистических автономий адмирал просил изложить это его начальнику штаба, так как этот вопрос очень щекотливый и связанный с самолюбием старших фронтовых начальников, уже привыкших к большей самостоятельности.

Очевидно, что железный закон о том, что тот, кто хочет командовать, должен прежде всего уметь повиноваться, у нас основательно позабыт [...]

Все горе в том, что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам [...]

Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыхивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет; то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников.

Неосведомленность войск о происходящем на фронте и в тылу поражающая; как пример приводится письмо одного солдата о том, что к ним приезжал «какой-то аглицкий адмирал Кильчак, должно быть, из новых ораторов, и раздавал папиросы»... Вот к чему сводится не прикрашенное ничем впечатление от посещений адмирала, который придает им такое значение. Вижу, что был прав, когда посоветовал адмиралу ездить на фронт в общегенеральской форме и не защитной, а с лампасами и красными отворотами; надо понимать привычки наших солдат и рядового офицерства, считающих, что на большом начальнике должно быть много красного [...]

7 июня. После обеда был с очередным докладом у адмирала. Тяжело смотреть на его бесхарактерность и на отсутствие у него собственного мнения по незнакомым для него вопросам; судя по тому, что слышал о нем в Харбине, думал, что это самовластный и шалый самодур, и совершенно ошибся. И в этом вся тяжесть положения, ибо лучше, если бы он был самым жестоким диктатором, чем тем мечущимся в поисках за общим благом мечтателем, какой он есть на самом деле. В довершение всего судьба сразу обидела его в составе его доверенного антуража; сейчас даже трудно что-либо сделать, так как по многим вопросам его успели начинить заведомо неверными взглядами и решениями и, при его слабоволии, очень трудно повернуть все это на новую дорогу, т. е. «прочно» повернуть, ибо вырвать у него решение очень легко, но нет никакой уверенности в том, что оно не будет изменено через полчаса докладом кого-либо из ближайшего антуража. Особенно трудно мое положение, так как мне нужно резко идти против ставки и против многих течений омского болота, давно уже захвативших в плен этого полярного идеалиста, еще труднее и потому, что по закону я считаюсь помощником Лебедева и, в силу военной дисциплины, обязан сдерживаться в своей оценке его деятельности.

Адмирал, по-видимому, очень далек от жизни и, как типичный моряк, мало знает наше военно-сухопутное дело; даже хуже того: он напичкан и, как добросовестный человек, очень усердно напичкался тем материалом, который ему всучили Лебедев и К°; сразу видно, что многое напето ему с чужого голоса.

Между тем по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на все, чтобы этому содействовать, но отсутствие знания, критики и анализа не дает ему возможности выбиться на настоящую дорогу; личного и эгоистического у адмирала, по-видимому, ничего нет — это ярко сквозит во всем его разговоре, в его мыслях и решениях. Во внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора. И обстановка кругом почти такая же: то же прятание правды, та же угодливость, те же честолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладевших доверием этого большого ребенка. Скверно то, что этот ребенок уже избалован и, несомненно, уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи, в чем тоже сказывается привычка старого морского начальника, поставляемого нашим морским уставом в какое-то полубожеское положение.

Страшно становится за будущее, за исход той борьбы, ставкой в которой является спасение родины и вывод ее на новую дорогу; медовые дни омской власти несомненно прошли, и надвигаются грозные времена, а чем их встретить?

Целый год ушел на внутренние нелады, и очень мало сделано для настоящего строительства.

Все, что тревожило меня в Харбине, получило здесь полное подтверждение: с ужасом зрю, что власть дрябла, тягуча, лишена реальности и деловитости, фронт трещит, армии разваливаются, в тылу восстания, а на Дальнем Востоке неразрешенная атаманщина.

Власть потеряла целый год, не сумела приобрести доверия, не сумела сделаться нужной и полезной, а поэтому нет ничего мудреного в том, что ее авторитет неудержимо, почти что кувырком летит вниз. Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело; вместо этого вижу кругом только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политически-коммерческих комбинаций; вижу гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество, грызню и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами.

Среди этого смрада, как редкие зубры, мочалятся малочисленные могикане старой, честной, добросовестной России, рыцари долга, подвига и самоотвержения.

Толпа — большинство, дряблое, запуганное, полуголодное и трясущееся за свое настоящее и будущее,— идет за теми, кто ухватился за главные рули [...]

Фронт и тыл поражены бессилием и дряблостью власти, проедены и прогноены разновидностями сибиреязвенной атаманщины, этого специфического белого большевизма. Центр требует закона и порядка, машет бумажным мечом по адресу насильников и беззаконников, а кругом растут и ширятся произвол, презрение ко всякому распоряжению свыше и собственное усмотрение.

К горю нашему, у адмирала нет прочной решимости поставить все на карту и покончить прежде всего со всеми атаманами и с атаманщиной во всех ее разновидностях и проявлениях. Надо это сделать, хотя бы ценой собственного провала, ибо иначе эта язва съест и адмирала, и нас, сожрет всю белую идею и сделает ее надолго постылой и ненавистной для всей Сибири; ведь то, что произошло и продолжается сейчас в Приморье, Забайкалье и что расползается по Сибири, вопиет, грозит и предостерегает.

Не может быть прочного фронта, раз тыл гноится атаманщиной; не может быть здорового тыла, раз он поражен той же язвой.

На атаманах и карательных отрядах государства не восстановить; всех недовольных и восстающих против насилия не перевешать и не перепороть — рук не хватит, да и руки коротки [...]

Несчастный, слепой, безмолвный адмирал, жаждущий добра и подвига и изображающий куклу власти, которой распоряжается вся та компания, с внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился.

В армии развал; в ставке безграмотность и безголовье; в правительстве нравственная гниль, разлад и засилье честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия; в обществе паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придем с таким багажом! [...]

Как я завидую сейчас красным. Во главе их армий стоят решительные люди. Злая судьба обидела Сибирь и не дала ей вождей по плечу данному времени; юг был счастливее, ибо имел Алексеева, Корнилова, Маркова и других, но и там судьба быстро погасила наиболее сильные и нужные для России жизни. Сибирь выставила немало тысяч молодых и старых рыцарей долга, чистых энтузиастов, поднявших меч борьбы за родину.

Но не нашлось вождей, мужей опыта и таланта, чтобы использовать эти могучие силы; тысячи этих борцов уже спят в сибирской земле, а все их усилия, их геройские подвиги сведены на нет теми, кто, не имея никаких данных, залез на верхи военного управления и не принес туда ничего, кроме ненасытного честолюбия, самомнения и безграмотности по руководству большими операциями и по организации настоящей армии.

Я завидую этим павшим, ибо они счастливы тем, что не видят, к какой пропасти приведено то, за что они боролись, и какие грязные руки протянулись к заветному белому знамени; я болею душой за уцелевших, ибо им выпала доля все это видеть и пить до дна последнюю горькую чашу, чашу не личную, а русскую чашу горя, стыда и смерти [...]

Омский переворот дал Сибири власть дряблую и бессильную, вылившуюся в узкие омские формы и непопулярную, неспособную дать населению закон, порядок и заметное улучшение тяжелых условий его жизни. Такой власти оказалось не по плечу подняться на высоту предъявляемой ей жизнью задачи и сделать что-нибудь прочное и действенное в воссоздании разрушенной государственности в улучшенных, разумных и обновленных формах человеческого, общественного и государственного сожительства.

Власть оказалась только формой без содержания; министерства можно сравнить с огромными и внушительными по виду мельницами, озабоченно и быстро машущими своими крыльями, но без жерновов внутри и с попорченными и недостающими частями главного рабочего механизма.

Возможно ли теперь поправиться? Думаю, что уже поздно, ибо слишком много времени потеряно и слишком много напорчено. Даже если бы обстановка не была такой грозной и почти безнадежной, то и тогда едва ли возможно было бы вернуть доверие населения и привлечь его на свою сторону. Сейчас я не представляю себе даже, какие реформы надо было бы осуществить, чтобы поправить положение...

Надо откровенно сознаться: мы обманули надежды обывателя, и нам веры нет, особенно словам...

Жизни мы не поймали; ее требования не поняли и не уловили. Жизнь ушла от нас и стала искать более примитивных, но реальных осуществлений.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЭСДЕКИ, РЕСПУБЛИКАНЦЫ, ДЕМОХРИСТИАНЕ... КТО ЕЩЕ?

Байба ПЕТЕРСОН, научный сотрудник Института философии и права Латв.ССР

Мы можем еще долго спорить о многопартийности, но сегодня и в Прибалтике, и в Москве уже происходит процесс формирования партий. Взгляните на политическую ситуацию, скажем, у нас, в Латвии. Активно действует вполне сформировавшаяся социал-демократическая партия, которая, впрочем, не прекращала своего существования со времен республики,— у нее был заграничный комитет. Основанная в 1904 году, сейчас она вновь активизируется, принимает новых членов... Прочие партии находятся пока в зарождающемся состоянии, но это уже реальный политический процесс. Единая национальная платформа, с которой и началось собственно возрождение Прибалтики, национальная объединяющая идея уже не объединяет, поскольку начался, так сказать, следующий естественный этап — расслоение интересов, и уже образовывается довольно пестрый политический спектр.

Ситуация осложняется еще и тем, что до сих пор у нас в стране была беспартийная система. Я не считаю КПСС партией в чистом виде — это только лишь государственный институт, структура, возникшая как орудие захвата власти. Партийная система по своей сути все-таки предполагает несколько партий и некое разделение между ними различных интересов различных слоев общества.

Сегодня партии в Прибалтике различаются в основном по их отношению к возобновлению политической независимости республик. Наиболее четко сформулирована пока программа социал-демократов — это резко антикоммунистическое направление, позиция с/д партии содержит пересмотр марксизма-ленинизма, его основ. В программе этот принцип сформулирован так: «Мы не ревизуем Маркса, мы отказываемся от него». Впрочем, в установках партии отсутствует абсолютное отрицание Маркса, он принимается как явление культуры девятнадцатого века и как культурное явление изучается, анализируется, но без практического применения к сегодняшнему дню. «Мы,— говорят социал-демократы,— строим наше мировоззрение на совершенно других понятиях, другой идеологии, или, точнее, вообще отказываемся от идеологии как орудия управления обществом».

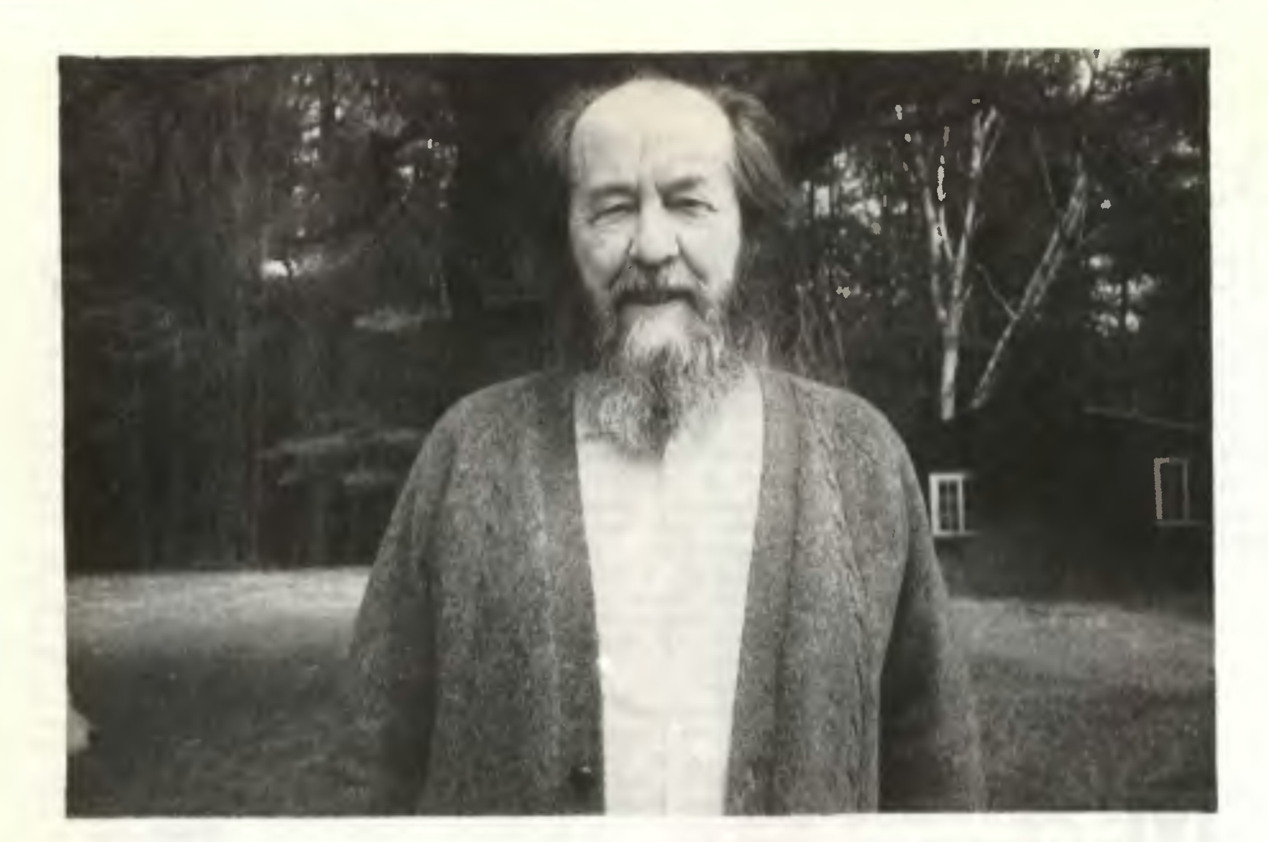
Их позиция достаточно ясна — это утверждение принципов свободы сознания, свободы индивидуальности, того, что и в рамках одной партии можно иметь разные взгляды, различные духовные платформы, что партия — это прежде всего формирование для какой-то определенной цели, для произведения неких действий. В политической лексике это называется акционизм. В чем здесь различие? Идеология, как правило, предъявляет к человеку намного более суровые требования, нежели объединение ради выполнения конкретного дела, она намного более устойчивая структура общественного сознания. Акционизм же действует на основе какой-то концепции, ее можно довольно легко менять для какой-либо следующей акции, которая покажется своевременной. Подобные политические взгляды, как мне представляется, более приближены к жизни, в них предельное стремление отказаться от того утопизма, который всегда преобладал, как мне кажется, в коммунистическом мировоззрении.

В процессе зарождения политических партий появилась и инициативная группа республиканской партии. Она создается с основной целью — бороться за воссоздание независимой республики. И поскольку идет активный процесс регистрации кандидатов на принятие латвийского гражданства, поскольку должна быть создана структура гражданских комитетов и созван конгресс граждан, работа должна быть, разумеется, соответствующим образом построена, выработана своя концепция. Поэтому партия республиканцев будет, видимо, небольшая, с тенденцией к интеллектуализму, в нее войдет молодая интеллигенция, философы, аналитики, те, кто может помочь республике в политологическом отношении. Партия исходит из того, что Латвийская ССР — это чуждая ей государственность, она не признает существующие государственные институты нынешней республики в рамках СССР, не участвует в выборах в Верховный Совет, поскольку республиканцами он считается только оккупационным управлением, ориентирована на организацию гражданского самоуправления суверенного государства — Латвийской республики.

Я вижу еще возможности для возникновения и приобретения некоторого влияния партии национальных демократов (социал-демократы, это ведь, в сущности, интернациональное движение) и христианских демократов, хотя в Латвии христианство, которое связывается некоторым образом с немецким завоеванием, не очень сильно.

Надо сказать, что нынешняя платформа многих наших партий — стремление к независимости республики,— все-таки слишком общая цель. По большому счету, борьба должна идти за свои взгляды на политику налогов, на образование, другие конкретные задачи. И ни в коем случае партия не должна стремиться к предсказаниям, а еще хуже — к навязыванию своего понимания будущего массе людей, к попытке втиснуть в искусственно рожденную идею судьбы целого общества. Это утопия, и, надо сказать, очень опасная и кровавая утопия. Партия — всего лишь инструмент реализации интересов определенных социальных групп людей. Когда же она становится инструментом уже не человеческих интересов, а абстрактной идеологии, функция ее коренным образом меняется и уже несет в себе реальную угрозу обществу.

Нам еще только предстоит приобрести опыт действительной партийной работы. Ведь, скажем, на Западе партии представляют собой совершенно иные структуры, нежели у нас. Многие из них не так долговечны, есть большая группа партий, которые постоянно меняются, исчезают, появляются вновь... Это свободная деятельность, и наш народ тоже должен освободиться от страха оказаться вне некоего идеологического закона. Часто меня спрашивают: что же ждет нас в будущем? Я бы не хотела делать ту же ошибку, которую мы признаем за догматиками, и стараться предопределить завтрашний день. Я просто вижу то, что происходит, участвую в этом и считаю, что все это совершенно нормально. Пусть человек чувствует себя свободным в обществе, каких бы взглядов он ни придерживался. И если он сможет свободно избирать и свободно творить — это и будет для него истинное добро.

НЕСЫГРАННАЯ ПЬЕСА ДЛЯ ТЕАТРА «СОВРЕМЕННИК»

Михаил КОЗАКОВ, народный артист РСФСР

На дворе 62-й год. Мне 28 лет, а «Современнику» всего шесть, он юноша, он полон сил. И тут самое время рассказать о первой встрече с Солженицыным. Эту странную, непривычную для уха фамилию я услышал от Виктора Некрасова несколько раньше, чем о Солженицыне узнали многие и уж тем более все. Мы сидели с Виктором Платоновичем на кухне моей квартиры на Аэропортовской. Было радостное утро выходного дня. А накануне был хороший вечер после удачного спектакля — с обязательными разговорами, спорами и прочими интеллигентскими увеселениями. На той же самой советской кухне, по которой так скучают теперь в Парижах и Лос-Анджелесах многие мои друзья. Почему-то именно ее, русской кухни, им не хватает в их теперешней жизни, да и понятно почему. Кухня — это символ общности, общения, радости безответственного трепа за жизнь, за искусство; так сказать, «поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви».

В то прекрасное утро Платоныч, сидючи на моей кухне, сказал: «Мища...» Платоныч любил говорить с каким-то «одесским» акцентом; он шутливо ерничал этой манерой, чем давал повод антисемитам предполагать в нем, русском дворянине, родившемся в Париже, жида, а дуракам-евреям думать, что он «дразнится»:

— Что он, ваш Некрасов, антисемит?

— Да какой он, к черту, антисемит! Это маска, игра.

— Что за глупая маска, что за непонятная игра?

Ну как тут объяснишь, что эта манера общения скрывает двусмысленно понимаемой какими-то людьми игрой переливчатость чувств человека, с одинаковой силой ненавидящего антисемитизм и любое, в том числе еврейское, тупоумие? Что Некрасов и актер тоже, а не только писатель, да еще и архитектор, фронтовик, выпивоха, умница и притом скромнейший из скромных, с которыми мне приходилось встречаться?

— Мища,— сказал он.— Вот вы тут сидите, Мища...

А «и» узкое, а «ша» мягкое, почти «щя»...

—...Вот вы тут сидите, водку с пивом с утра пораньше хлещете и думаете, что с вами сидит хороший писатель Некрасов. И это вам, Мища, лестно. А фамилии настоящего, истинного писателя, живущего, между прочим, одновременно с вами, даже не слыхали.

И тут-то я узнал от Некрасова, что в редакции «Нового мира» лежит и готовится к выходу в свет рассказ некоего Солженицына «Щ-854».

— Что за странное название? — спрашиваю.

— А это, Миша, знаете ли, лагерный номер одного зека. Вы, Миша, конечно, слыхали, что у нас были лагеря? Я рад, Миша, что вы об этом слыхали... Так вот, Щ-854 — это номер Ивана Денисовича, героя повести этого самого Солженицына. Ну а теперь, кроме шуток, если хочешь, я расскажу тебе об Александре Исаевиче...

И вот осенью, в начале все того же сезона 1962 года, судьба сведет «Современник» с Солженицыным и посулит театру великие надежды на совместное творчество.

Уже напечатал А. Т. Твардовский «Денисыча» по личному разрешению Н. С. Хрущева. Свершилось чудо, свершилось невероятное, поразившее всех чудо! Печать молчания сорвана, казалось, навсегда. «Солженицын, Солженицын, Солженицын»,— жужжит Москва.

Нам становится известно — то ли от К. М. Симонова, то ли от Аси Берзер, сотрудницы «Нового мира»,— что есть у него, у Солженицына, пьеса! И что он, Александр Исаевич Солженицын, наслышан о «Современнике», хотя ничего у нас не видел, и готов с нами встретиться. Назначен день встречи. Волнуемся. Гордимся.

— Кто он?

— Школьный учитель.

— Где живет?

— В Рязани, с женой.

— Интересно, какой он из себя?

— Прошел войну, сидел.

Гадаем. Возбуждены.

Входит в предбанник ефремовского кабинета показавшийся мне очень высоким человек. Снимает головной убор. Светлые прямые волосы. Редкие прогалины в них странно асимметричны. Длинное, гладко выбритое лицо — очень характерное, сразу врезающееся в память. Не спутаешь ни с кем. Такие лица, узкие, с тонким носом, с острым подбородком, с глубоко посаженными, резко смотрящими глазами, бывают на церковных досках у малоприятных второстепенных святых. В руках школьный, потертый, старомодный портфель. И плащ синий, прорезиненный, на клетчатой подкладке — такой, какой в то время сидел на десятках прохожих мужского пола, делая их неотличимыми друг от друга. И еще послевоенные галоши, которые он снимает, а там, что еще чуднее, вовсе довоенные ботинки со шнуровкой и маталлическими крючками аж по щиколотку! Рязанский школьный учитель — ни дать, ни взять.

Раздевшись, учитель улыбнулся и сказал, как будто урок начал:

— Ну что ж, друзья, давайте знакомиться.

И, крепко пожимая руку стоящему поблизости Ефремову, начал первым:

— Александр Исаевич Солженицын.

— Олег Ефремов.

— Простите, по отчеству?

— Николаевич.

— Стало быть, Олег Николаевич,— констатировал пришедший.

— Солженицын.— Это следующему из нас.

— Волчек,— пробурчала смущенная Галя.

— ?

— Галя...

— ? — не отпуская руки.

— Галина Борисовна...

Церемония знакомства писателя с членами художественного совета продолжалась. Игори, Олеги, Миши оказались Владимировичами, Павловичами, Михайловичами. Он иногда переспрашивал, придерживал руку того, чью фамилию или имя недослышал. Знакомясь, как бы фотографировал человека, вглядываясь в его лицо и вслушиваясь в произносимые им сочетания.

«На кой ляд он это делает? — подумал я.— Показушничает, что ли? Нас человек с десяток, неужели запомнит?» Запомнил. Потом в разговоре, после читки, обращаясь к кому-нибудь, почти ни разу не ошибся. «Очень разумное соображение, Галина Борисовна». «Не знаю, доподлинно ли вам известно, Евгений Александрович...» Но это потом, после читки. А когда мы, войдя в кабинет Олега, расселись, он за Олегов стол, мы вокруг, то взглянул на часы и начал так:

— Друзья, давайте к делу. Театра вашего не знаю, надеюсь обязательно узнать, но сведущие лица хвалят. Они же сказали мне, что вы хотите инсценировать «Ивана Денисовича». По-моему, затея зряшная. Это проза и...

Мы прервали, загалдели:

— Нет, нет, Александр Исаевич, мы вовсе не собирались это делать... Мы слышали...

Тут он прервал:

— Ну и прекрасно, раз это не так. Затея зряшная для театра, зряшная затея. Но я пришел к вам не с пустыми руками.

И уже расстегивает школьный портфель.

— Есть у меня оригинальная пьеса, которую я хочу предложить вашему вниманию. Не возражаете? Олег Николаевич, как у вас и у ваших коллег, сейчас время есть? Не нарушаю ваших планов?

— Что вы, Александр Исаевич! Мы как раз этого и ждем от вас. Ведь мы, по секрету говоря, тоже информированы, что вами написана оригинальная пьеса...

Улыбнулся, обнажив волчий оскал длинных желтоватых зубов:

— А, стало быть, вы уже информированы? Прытко.

И крупные его руки — успеваю заметить расплющенные ногти больших пальцев — уже выложили на Олегов стол объемистую машинописную рукопись.

— Ну, что ж. Начнем?

Он еще раз оглядывает нас своим цепким фотографирующим взглядом.

— Пьеса называется «Олень и шалашовка»*. Будущий зритель, придя в театр, купит программку с приложением к ней перевода лагерного жаргона. «Олень» — человек чистый, неспособный приспособиться к безнравственному уставу ГУЛАГа. «Шалашовка» — от слово «шалава», женщина, живущая с кем-либо из лагерного начальства...

Далее последовал список слов и их значений. Огромный, длинный, занятный, замысловатый перечень лагерного арго.

Интересно, как наш будущий зритель отреагирует на такое новшество; словарик-вкладыш в обычной театральной программке, купленной за 10 копеек? Мы предвкушающе переглянулись.

— Итак, «Олень и шалашовка»,— продолжал драматург.— Пьеса, как вы поняли, из лагерной жизни. О любви.

О любви... «Олень и шалашовка»... Были Ромео и Джульетта. Тристан и Изольда. Цезарь и Клеопатра, а теперь Олень и Шалашовка.

Солженицын сделал еще одно отступление. Пояснил, что были лагеря разного типа. Лагерь, где происходит действие в его пьесе, как я понял, смешанного уклада. Здесь и мужчины, и где-то невдалеке женщины, а еще политические, уголовники, бытовики, малолетки, вольнонаемные и т. п.

Удержусь от соблазна пересказать эту интереснейшую пьесу. А вот то, как читал ее впервые сам автор нам, молодым актерам театра «Современник»,— это уже наше, наше навсегда. Только наше.

Поразительны были его интонации. В пьесе много юмора. Юмора особого, особистского, черного. Солженицын читал эти места, как бы сам его не чувствуя. Раздавался взрыв нашего смеха, он удивленно поднимал голову, простодушно оглядывал нас и вслед за нами начинал смеяться, на несколько секунд прервав чтение.

Грандиозны были ремарки к отдельным местам драмы. Иногда, как, например, вначале, ремарка становилась уже, по сути, режиссурой будущего спектакля. Автор предписывал художнику отделить сцену от зрителей колючей проволокой, проложить через зал «дорогу цветов». «Дорога цветов», напомню, японский театральный термин, обозначающий прием, часто использовавшийся тогда в театре Охлопкова. Это положенный на кресла помост, прямо идущий от центра сцены в зрительный зал.

— Здесь он уместен,— сказал автор.— По нему будут приходить и уходить партии зеков. Перед самой сценой новеньких можно шмонать. И еще по обеим сторонам сцены, у порталов — две лагерные вышки. На них весь спектакль, все время,— часовые с ружьями. В антракте, а иногда и во время действия они сменяются другими. Проходя перед первыми рядами по залу, они могут прокладывать себе дорогу среди зрителей окриками: «Посторонись, посторонись!..»

Были уже распределены роли. Мы собирались, отложив все, сразу же взяться за работу над пьесой. А что? Солженицын в фаворе, он выдвинут на Ленинскую премию.

Но задний ход был дан стремительно. Правда, не впрямую. Не открыто. Низшее начальство — управление культуры — не разрешало начать репетиции, но и запрет пьесы был не их прерогативой. Ее отправили самому Хрущеву. Мы ждали.

Референт Хрущева дал ответ отрицательный. Пьеса легла в сейф театра навсегда. Какое там «навсегда»! Она находилась там, пока ее можно было держать, а вскоре и это оказалось небезопасным, и сейф опустел.

Не сыграли мы «Оленя и шалашовку» ни в 62-м, ни в 63-м. Не сыграли никогда. А казалось, вот-вот — и театр совершит новый круг познания благодаря автору «Круга первого». Пока же Солженицын, как и обещал, знакомился с репертуаром «Современника». Часто бывал в театре в период 1962—1963 годов, когда мы все еще надеялись. А новый, 1963 год даже встречал в нашем коллективе.

Это был поразительный Новый год! В ноябре у меня родился сын Кирилл, был доставлен домой перед самым новогодьем, и в «Современник» я попал уже после двенадцати. Когда вошел, увидел следующий «кадр», запечатлевшийся в памяти навсегда: за «лидирующим» столом такая компания: в центре — Олег Ефремов, а по бокам — К. М. Симонов, А. И. Солженицын и Жан Поль Сартр, которого привел в театр Константин Михайлович. Что уж говорить обо всех остальных, встречавших 63-й год в «Современнике»: Аксенов, Окуджава, Ахмадулина и непременный Евтушенко. Дети 56-го года, дети XX съезда...

* «Олень и шалашовка» — название цензурного варианта пьесы, первоначально называвшейся «Республика труда».

На снимке: Александр Исаевич Солженицын у своего дома в Кэвиндиш, штат Вермонт. 1988 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЗЭКИ:

Глеб Нержин, недавний фронтовик
Люба Негневицкая
Граня (Аграфена) Зыбина
Борис Кукоч
Тимофей Мерещун, врач зоны
Николай Яхимчук } литейщики
Гришка Чегенёв }
Димка, 14 лет
Шарыпо, бригадир штукатуров
Костя, нарядчик
Посошков, комендант зоны
Дорофеев, нормировщик на производстве
Зина, машинистка там же, лагерная жена Посошкова
Камилл Гонтуар, бельгиец
Шурочка Соимина
Фиксатый
Ага-Мирза, фельдшер зоны
Завбанеи
1-й доходяга
2-й доходяга
Работяга из бригады Шарыпо

ОХРАНА:

Колодей, младший сержант, старший надзиратель
Сержант конвоя
Вахтёры

Время действия — октябрь 1945 года.

Перечислены лишь те, кто действует в 1-й картине

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛАГЕРНОГО ЯЗЫКА
(приложение к театральной программке)

бациллы (блатн.) — жиры
гарантийка — гарантированная (при отсутствии работы) хлебная пайка; осмысливая это трудное слово, называли ее и «карантинкой» (за то, что давали ее, в частности, в карантине)
быть в законе (блатн.) — жить по воровскому закону, в частности, «законно» не работать
жить в законе — то есть в лагерном «браке» — не таясь, при молчаливой снисходительности начальства
зона — 1) пространство, огороженное колючей проволокой; в частности и особенно — жилая зона; 2) самый забор с запретной полосой
кантоваться, филонить — жить «день до вечера», отбывая срок, стараясь не работать
КВЧ — «культурно-воспитательная» часть (отделение лагерной администрации)
кондей (блатн.) — карцер
костыль (блатн.) — пайка (в смысле: то последнее, что ещё поддерживает жизнь)
кум — чекистский уполномоченный в лагере
мантулить, вкалывать — бессмысленно растрачивать силы в казенной работе, «горбить»
охра, вохра — лагерная полувоенизированная охрана
общие работы — главные по профилю лагеря, самые тяжёлые
параша (одно из значений) — непроверенный лагерный слух
ППЧ — планово-производственная часть (отделение лагерной администрации); следит за наиболее выгодным для лагеря распределением и использованием рабочей силы
придурки (1 — в жилой зоне, 2 — на производстве) — зэки, сумевшие устроиться на физически лёгкую работу (административная, канцелярская должность, сфера обслуживания)
сосаловка, доходиловка — безнадёжно-голодный лагерь
сука — вор, пошедший на службу к начальству и тем изменивший воровскому закону
УРЧ — учётно-распределительная часть (отделение лагерной администрации)
фашисты — так с 1941 года ругали и дразнили всех политических
фитиль (блатн.) — сильно ослабший человек, уже не держится прямо (глагол: фитилúть)
на цырлах — одновременно: на цыпочках, стремительно и со всем усердием
ЧТЗ («Челябинский Тракторный Завод») — наскоро сшитая из автомобильной резины грубая обувь, оставляющая после ноги человека как бы автомобильный след
шалашовка — лагерница лёгкого поведения, способная на любовь в непритязательных обстоятельствах
ШИзо — штрафной изолятор
шмон (блатн.) — обыск (глагол: шмонáть)

ОБЩЕСОВЕТСКОЕ:

БРИЗ — бюро рационализации и изобретательства
б/у («бэ-у») — бывшее в употреблении
ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

Республика труда

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

КАРТИНА I

Утро. Скоро взойдёт солнце. На крышах бараков белеет иней осеннего заморозка.

Часть зоны лагеря. В глубине колючая изгородь с предзонником. В ней — двойные ворота: высокие в заборе зоны, низенькие в заборе предзонника. Правее ворот — тесовая будка вахты. Еще глубже, за изгородью — рабочая зона, там — высокое строящееся кирпичное здание, кран, кое-где леса. Видна дымящая литейка и другие подсобные постройки.

Слева, наискосок к вахте, ведет линейка развода, густо заполненная заключенными, мужчинами и женщинами, в грязных изорванных телогрейках и ватных брюках, у некоторых женщин поверх брюк — юбка. У самых ворот развод походит на строй, там вахтер и румяный, похожий на боксера нарядчик Костя пропускают пятёрки, хлопая счетными дощечками крайних по спинам. Дальше от ворот строя нет, беспорядок, разговоры. Общая вялость, понурость, только Чегенёв в шутку возится с Димкой. Один увязывает обувь, другой доминает утреннюю пайку хлеба, третий зябнет, жмется. В самом хвосте развода выделяется несколько почище одетых производственных придурков, среди них «шикарно» одетая машинистка Зина и низенький толстый нормировщик Дорофеев. У ворот сидит на табуретке гармонист и лениво, не всё время, наигрывает марш из «Весёлых ребят». Обок развода стоит в белом халате черный фельдшер Ага-Мирза, у ног его сидит на земле 1-й доходяга.

Столб, на проволоке — рельс. Около стоят низенький надзиратель Колодей и высокий Нержин в долгой, еще новой офицерской шинели без знаков различия и в сапогах. Оба следят за разводом.

Слева близко выступает угол стандартного лагерного барака, тут маленькая дверь с парой ступенек в нашу сторону. Еще ближе — тщательно окрашенный дощаной ящик с крышкой и надписью: «Для отбросов».

На стенах бараков и на отдельных щитах в разных местах зоны — плакаты:

«ТРУД ОБЛАГОРАЖИВАЕТ ЧЕЛОВЕКА»
«ТРУД ИЗ ЗАЗОРНОГО БРЕМЕНИ,
КАКИМ ОН БЫЛ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ,
СТАЛ ДЕЛОМ ЧЕСТИ, ДЕЛОМ СЛАВЫ,
ДЕЛОМ ДОБЛЕСТИ И ГЕРОЙСТВА» (СТАЛИН)
«КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ!»

Видно, как бригады в рабочей зоне тотчас разбредаются и к концу картины начинают работать.

Вахтёр. Взяться под руки! Первая! Вторая! Третья!..

Костя *(громко)*. А ну, пятый барак, не фитилú! Что, с дрыном давно не заходил? Зайду!

К линейке спешат новые работяги.

Яхимчук *(от вахты)*. Чегенёв. Шпана!

Чегенёв *(у него фуражка надета по-шпански)*. Я шпана! *(Догоняет бригаду.)*

Яхимчук. Малолетка!

Димка. Я малолетка! *(Догоняет.)*

Дорофеев *(вышел из строя, подходит к Нержину)*. Глеб Викентьич, дельце одно...

Колодей. В армии служил?

Дорофеев. Но ведь здесь не армия, гражданин начальник...

Колодей. Раз-говорчики! Здесь почище армии! Шапку!

Дорофеев *(обнажает лысую голову)*. Гражданин старший надзиратель младший сержант Колодей! Дозвольте обратиться к завпроизводством заключённому Нержину!

Колодей. Во-от, давно бы так... Не дозволяю!

Дорофеев отходит. Нержин идет за ним к строю, там разговаривают.

Ага-Мирза. Давай градусник!

1-й доходяга. Доктор, десять минут надо мерить.

Ага-Мирза. Ты давно такой умный стал? Права качать? *(Берет градусник.)* Нормальная, иди!

1-й доходяга *(не вставая с земли)*. Гусейн Байрамович! В уборную сколько раз бегал...

Ага-Мирза. На кухне работал? Слабинку щупаешь, падло? *(Намеревается ударить, тот встает поспешно.)* Гражданин надзиратель! Тут — отказчик, куда его?

Колодей. В шизо, куда.

Ага-Мирза бьёт доходягу ногой, тот уковыливает вслед своей бригаде. Другой вахтёр вызывает Колодея, он уходит. От ворот ленивые вздохи гармошки. Из ленты развода слышится:

— Зинка, шлюха, юбку новую надела.

— А юбка-то Маруськина. Комендант с Маруськи снял, как её на этап отправляли.

— Житьё, девочки, с комендантом! *(Поет.)*

Я любила бригадира,
Коменданту угодила
И с нарядчиком спала —
Так стахановкой была!

— Ну все, с паечкой рассчитался.

— С карантинкой чего не рассчитаться! Вон как бригадир себе и своей гумознице по килу взял!..

— Бригадир! Развалились лапти! Смотри, лапти развалились, в чём пойду?

— Завтра подкую, ЧТЗ получишь.

Развод подходит к концу. Из двери ближнего барака на ступеньки вышел, потягиваясь, Мерещун, полный, солидный человек, еще полуодетый. К нему подходит Ага-Мирза.

Ага-Мирза. Доброе утро, Тимофей Кириллыч!

Мерещун. Ох, что-то я рано сегодня встал. Без бабы не спится.

Ага-Мирза. Сами прогнали, Тимофей Кириллыч.

Мерещун. Надоела, поносница. Ну, чего там, в больнице? Полы драили?

Ага-Мирза. Драили всю ночь, правильно драили.

Мерещун. Смотри!.. И ещё: в какую тумбочку загляну, если крошки найду — не обижайся.

Ага-Мирза. Валька умрет, наверно, сегодня.

Мерещун. А Матвеев?

Ага-Мирза. С копыт. Уже в морге.

Мерещун. Ну ещё б, с такой высоты!.. Потом это, Ага-Мирза! — простыни чтобы подвернуты были. Терпеть не могу, когда простыни не подвернуты! *(Смотрит направо.)* Что это? Этап, что ли?

За их спиной слева к ящику с отбросами прокрадывается 2-й доходяга. Он в шинельном бушлате, перепоясанном верёвкой, под которую на спине подпущен дужкой немецкий солдатский котелок без крышки. Доходяга открывает ящик, роется там, выбирает пищу и складывает в котелок.

Развод окончился, ворота закрыты. На верхних кирпичах стройки играет первое солнце. Нарядчик с вахтером ведут подсчет, каждый по своей дощечке, нарядчик растолковывает вахтеру. Входит Колодей с парой бумажёнок. Следом фырчит автомашина, подаваемая сюда.

Колодей. А ну, кто там? Завпроизводством! Ко мне. *(Кому-то.)* Коменданта сюда! И этого... банщика! *(Тот убегает.)* Сейчас та-ак... На вот, прочти. *(Дает Нержину бумаги.)* Этап привезли.

Нержин. Много? *(Читает.)*

Колодей. Четыре машины будет, пока одна пришла.

Медленно, задом входит справа трехтонка с высокими бортами, по видимости пустая, только в передней части кузова

стоят, отделённые решёткой, два автоматчика. Они соскакивают и уходят.

Нержин. Продаттестат. Удовлетворены по восемнадцатое включительно.
Колодей. По сегодня? Порядок, не кормим. Ещё чего?
Нержин. Ну баланды-то бы можно...
Колодей. Как это — баланды? Баланда денег стоит. Вот на работу ты их выведи.
Нержин. Сегодня?
Колодей. Неужто завтра? Пусть прóценты несут.

Шофёр открывает задний борт кузова. Из кабины выходит сержант конвоя с пачкой тюремных дел.

Нержин. Да ведь надо по специальностям разобрать, по бригадам раздать, гражданин начальник... Списки составить.
Колодей. Ты — человек или чурка с глазами? С утра они у нас, а вечером, может, на лесоповальный участок! Так пусть поработают. У меня — не как у других надзирателей, простоев не бывает. Отмеришь двадцать человек, старшего — и шагом марш! А то начальник лагеря воротится — знаешь, взгрёбка будет? *(Подходит к грузовику.)* Сла-азь!!

Из кузова начинают подниматься ззки, до сих пор сидевшие на дне его и не видимые за высокими бортами. Они спрыгивают с вещами, разминают затекшие ноги.

Не ходи! Садись!

Шурочка, молодая дамочка в яркой городской шляпке, садится по этой команде не на землю, как все, а на чемодан, и возвышается. Колодей с неожиданным проворством подбегает и носком сапога пробивает чемодан.

Ся-адь!!

Шурочка садится на землю. Появляется краснорожий отъевшийся банщик.

Банщик. Гражданин начальник! По вашему вызову завбаней явился!
Колодей. Ты... вот что... Белья нет?
Банщик. Откуда белье?!
Колодей. А мыло?
Банщик. Не подвезли.
Колодей. Вода-то есть?
Банщик. Где есть! Перекрыли...
Колодей. Гм-м...
Ага-Мирза. Ещё лучше, гражданин начальник, быстрей вымоем.
Колодей. И то правда. Прожарку топи, прожарку. Как, доктор, ничего, что без воды?
Мерещун. Ничего-о. *(Этапу.)* Сколько дней в дороге?
Голос. Вторую неделю.
Мерещун. Ничего.

Банщик убежал. С грузовика сошло человек тридцать, грузовик уходит.

Нержин *(внимательно оглядывая прибывших)*. Ваша фамилия — как?
Кукоч *(встает; он в ярко-красном джемпере)*. Инженер Кукоч.
Нержин. Вот и угадал. Будете старшим мужской двадцатки. Список составите, мне дадите.
Кукоч. Есть! *(Садится.)*
Нержин *(также внимательно оглядывает женщин)*. А — ваша?
Граня *(приподымаясь)*. Зыбина.
Нержин. Вы — среди женщин старшая!

Гул среди женщин.

Что такое?
Одна из женщин. Как в воду смотрел.
Другая. Она бригадиршей и была.
Нержин. Вы что — все из одного лагеря?
Кукоч. Из подмосковного. Фрицев военнопленных привезли, а нас расформировали.

Входит маленький, очень подвижный Посошков в большом картузе.

Посошков *(отдавая приветствие)*. Посошков, шесть вершков!
Колодей *(смеется)*. Хвастаешь при бабах... Сейчас, комендант, вот что: мы их — выкликать по делам, а вы с нарядчиком сразу шмонайте, я вам доверяю. Только правильно шмонайте!
Посошков *(кричит)*. Женщинам — от пояса раздеться!

В этапе смех.

Сержант конвоя. На, вычитай!
Колодей. Я не читатель. Ты вычитай.

Мерещун наблюдает от своей двери. Нарядчик и комендант становятся к нему спиной, лицом к этапу. Сзади их всех 2-й доходяга продолжает ковыряться в отбросах. Нержин — около Колодея. По мере того как сержант выкликает, этапники проходят обыск и переходят налево.

Сержант. Не... гне...
Люба. Негневицкая.
Сержант. Понавыдумывают фамилиев.
Люба. Негневицкая, Любовь Стефановна, 23-го года, пятьдесят восемь-десять, восемь лет.
Колодей *(враждебно)*. Агитация?
Люба *(Посошкову, который при обыске берёт её за грудь)*. Не лапай, не купишь.
Сержант. Сойкина.
Шурочка. Соймина Алексан-на Пал-л-на! 1917-го, пятьдесят восемь-двенадцать, десять лет!
Колодей *(угрюмо)*. Недоносительство?
Сержант. Зыбина.
Граня. Аграфена Михална, 20-го года, сто тридцать шестая, десять лет.
Колодей *(кивая)*. Убийство.
Сержант. К... К... К...
Кукоч. Кукоч Борис Александрович, 10-го года, закон семь восьмых, десять лет.
Колодей *(широко улыбаясь)*. Сколько хапанул?
Кукоч *(уже со шмона)*. На передачи хватает, гражданин начальник!
Колодей. Моло-одчик.
Посошков *(берет Граню за грудь)*. А здесь чего насовала?

Граня резко ударяет его локтем, заставив пошатнуться. Проходит. Выкликание продолжается беззвучно.

Мерещун *(Любе, которая села на вещах неподалёку)*. Девочка!
Люба. А?
Мерещун. Давно сидишь?
Люба. Хватает.
Мерещун. Подженимся?
Люба. Так сразу?
Мерещун. А что теряться?
Люба. Я не дешёвка.
Мерещун. Я не дешево и дам. Вот здесь я живу. Кабинка моя. Чтоб ты знала.
Люба. Ну и живите.
Мерещун. Скучно.
Люба. Санитарок мало? *(Отворачивается.)*

Мерещун некоторое время смотрит на нее, потом замечает Кукоча.

Сержант *(силясь прочесть)*. Тьфу, будь ты проклят, где вас берут!.. Гоп... Гоп...
Гонтуар *(широкоплечий старик с серебряной сединой, остриженный)*. Гонтуар Камилл Леопольдович, 1890 года рождения, статья пятьдесят восемь-один «А», через девятнадцатую, десять лет.
Мерещун *(Кукочу)*. Свитер у вас хороший. Цвет мне нравится.
Кукоч *(ещё не одевшись после обыска)*. И вообразите — не линяет. Попробуйте матерьяльчик! *(Дает пощупать.)* Заграничный! Знаете, кто его носил? Сын шведского миллионера!
Мерещун. Да что вы?!

Кукоч. Представляете, такой интересный номер: сидим на куйбышевской пересылке, жара, сто человек в камере, я — в одних трусах, он — в свитере и шерстяных брюках, говорит: изнемогаю, где бы мне в Советском Союзе достать трусы? Я говорю: для сына миллионера у меня есть запасные, немножко рваные, махнём на свитер, не глядя? Махнули. А вот попробуйте, оденьте. Тепло, мягко.
Мерещун. Давайте примерю, интересно, сын миллионера... *(Надевает.)*
Сержант. Семенов! Семёнов!!

Молчание.

Фиксатый *(одетый пестро, франтовато, без вещей, встает, подходит с медленной раскачкой)*. Наверно, буду я.
Сержант. Он же?!
Фиксатый. Макаров.
Сержант. Он же?!
Фиксатый. Балтрушайтис.
Сержант. Он же?!
Фиксатый. Прибыленко.
Сержант. Статьи!
Фиксатый. 162-я, 165-я, 136-я, пятьдесят девять-три.
Сержант. Срок?
Фиксатый. Пять лет
Колодей. Работать будешь?
Фиксатый *(нараспев)*. В посылочной — могу... Сам знаешь, начальничек, по субботам мы не ходим на работу, у нас суббота — каждый день.
Нержин *(командно)*. И спрашивать нечего — будет! Куда он денется?

Фиксатый обертывается к Нержину, смотрит молча, проходит к нарядчику.

Посошков *(вытряхивая на землю чемодан Гонтуара)*. Смотри, гражданин начальник, книг понапихано, бумаги. Его — работать прислали, или что?

Колодей идёт на зов, оглядывает книги.

Фиксатый *(нарядчику)*. А ты кто? Сука?
Костя. В законе? *(Даёт ему знак пройти без обыска.)*
Кукоч. Вообще этот сын миллионера имел на пересылке бледный вид. Такой интересный номер: написал какую-то статью в защиту социализма. Наши по этой статье решили его хапен-гевейзен, чтобы здесь, в СССР, он до конца осознал, перековался, отмежевался от западного мира вообще и от отца-кровопийцы в частности.
Колодей. И буквы какие-то не наши. Ты не шпион?
Гонтуар. Я — ветеран и инвалид двух мировых войн!
Колодей. Немец?
Гонтуар. Я?? Я даже такого слова не знаю — «немец». Мой родной город сожгли боши!!
Колодей *(не дослышав)*. Наши? Значит, надо было, раз сожгли... *(Погружается в раздумье.)*
Кукоч. Нет-нет, не снимайте, возьмите себе. У меня барахла хватает.
Колодей. Ты к чему это сказал, что — инвалид? Чтоб не работать? Я в Спасском лагере был, так там четверых одноруких соберут, чтоб у двоих правая рука, у двоих — левая, и — носилки им с камнями. Ничего, носят...
Мерещун. Ну, спасибо, хороший свитер. Вас как зовут, не спросил.
Кукоч. Борис.
Мерещун. Вы вечерком зайдите ко мне в кабину, поговорим. Надо вам устраиваться.
Кукоч *(легко)*. Очень благодарен. Но я трагедии не делаю. Талантливый человек нигде не пропадет!
Фиксатый *(2-му доходяге)*. Ты!

Доходяга по-прежнему роется в мусорном ящике.

Ты!

Доходяга роется.

Человек!

Доходяга оборачивается.

Этот в шинели — что за Рокоссовский?
2-й доходяга. Новый. Неделя, как приехал.
Фиксатый. Вольняга?
2-й доходяга. Какой вольняга! Зэк. *(Продолжает копаться.)*
Фиксатый *(глядя на Нержина)*. Зэ-эк? *(С угрожающими жестами, видными Нержину.)* У, фашистская морда, глаза выколю!
Шарыпо *(кричит с той стороны ворот)*. Завпроизводством! Опять фронта работ нету! Опять люди сидят!

Нержин спешит в производственную зону.

Завбаней *(входит перед бараком, бьет доходягу ногой)*. Опять копаешься, зараза?

Доходяга падает от удара, ухрамывает.

Товарищи бытовики и господа фашисты! Прожарка готова! Пошли!

Движение, начинают уходить налево с вещами.

Гонтуар. Кому мешают мои книги? Книги не запрещены.
Колодей. Ка-ак это книги не запрещены? Кто-о это тебе сказал, что книги не запрещены?..

Разрисованный занавес.

А. И. Солженицын с женой Натальей Дмитриевной и сыном Степаном.

**Рубрику ведет
кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН**

Кланяюсь Пишите Не забывайте.

КРАСАВЕЦЪ КІЕВЪ
Шлетъ Вамъ привѣтъ.

Трудно представить себе нечто более привычное и будничное, чем почтоеая открытка. Кажется, что она существоеала всегда. Между тем ее история насчитыеает немногим более ста лет.

В 1871 году россииское Министерстео енутренних дел приняло «Временные постановления по почтовои части», которые узаконили ноеыи еид почтовых отправлении — «открытые письма». На обороте их предписывалось печатать: «Почтовое еедомство за содержание письма не отвечает». Но, несмотря на предупреждение, хлопот с ноеовведением возникло немало. На открытках зачастую писали весьма неприличные послания, порои со скабрезными рисунками. Так что Министерстео внутренних дел было вынуждено неоднократно требовать от почтоеого ведомстеа тщательного контроля за содержанием открыток.

Что касается открытки иллюстрированнои, то ее возраст меньше ста лет. Ее появление в России долго сдерживалось несовершенстеом полиграфическои техники.

По мнению известного соеетского коллекционера и исследователя Н. С. Тагрина, первая русская видовая открытка была издана осенью 1895 года. На неи изображены три московские достопримечательности: Сухареea башня, Англиискаяцерковь и памятник Пушкину — в причудливои вязи виньетки. А очень скоро открытка стала однои из самых популярных форм корреспонденции.

Крупнеишее издательство, специализировавшееся на произеодстве открыток, было создано благотворительнои организациеи — Общиной святои Евгении Красного Креста. За двадцать лет существования (с 1897 по 1917 год) оно еыпустило почти 6500 наименовании открыток общим тиражом более 30 миллионов экземпляров.

Видовые открытки издавал чуть ли не каждый более или менее крупныи русскии город. Иногда авторами были малоизеестные фотографы, случаиные люди. В «Повести о жизни» К. Г. Паустовскии рассказыеает о студенте, которыи заключие соглашение с однои из лучших московских фототипии — Шерера и Набгольца, ездил летом по уездным городкам России и снимал достопримечательности и красивые пеизажи. Однако изготовлением фотографии для открыток занимались и признанные мастера: М. П. Дмитриев, К. А. Фишер, С. М. Прокудин-Горскии, в Кисловодске Г. И. Раее, в Чите А. К. Кузнецов, в Уфе О. Ф. Герман, на Урале В. Л. Митенков. Что привлекало их е этои работе? Наеерное, невиданная популярность открыток. Даже зарубежные издатели охотно печатали открытки русских фотографов. Большие тиражи приносили типографиям немалыи доход.

Среди массы открыток особняком стоят те, что издаеались е Киеее. Замечательные фотомастера Гудтон, Губчееский, Марков, а также типограф Кульженко создали особыи киевскии стиль, и их открытки не спутаешь ни с какими другими. Невольно напрашивается сравнение с архитектурными ансамблями, построенными в стиле «украинского барокко»: причудливое убранство делает здания нарядными, похожими на роскошные торты. Тяга к украшательству чуестеуется и в украинских открытках. В них зачастую используются незамыслоеатые коллажи, нарушается привычная перспектива, смещаются масштабы, еозникают рисованные детали, а ретушь становится неотъемлемои деталью композиции. Но при этом авторы не переходят тои черты, за которои начинается безвкусица. Есть в этих открытках что-то от лубка, от праздничного убранства хат, от радужного колорита украинских костюмов, от расшитых рушников и пышных мальв на фоне ослепительно выбеленных мазанок.

Но, пожалуи, самым трогательным в этих фотоминиатюрах были напечатанные на них послания к неизвестным адресатам: «На спомін рідного краю!», «Не забуду рідну Украину» и так далее. Возможно, подобные ностальгические надписи предназначались для соотечестеенникое, оказавшихся волею судеб за границеи. Точно этого никто не знает. Так или иначе, из обычнои почтовои карточки открытка, даже не надписанная отправителем, преерашалась в средство общения.

Сеичас мы с особым волнением берем в руки старые открытки: они помогают понять тех, кто их создавал, покупал, рассылал знакомым или бережно хранил для будущего.

Редакция благодарит киевских коллекционеров В. В. Ковалинского, Я. И. Бердичевского и других, а также сотрудников Музея истории Киева за предостаеленные материалы.

Какъ мущинки
посмотрю
я
на
васъ

Какъ вы
незанимательно
однообразны
безсодержательно
пусты и стереотипно
пошлы; среди васъ
задохнутся
можетъ
всякiй мало-мальски
живой духъ

Глазки Кіевляночки
на Васъ смотрятъ.

НОЧЬ
Фот. МАРКОВА КІЕВЪ

Всѣ
Мы
ЖАЖДЕМЪ
ЛЮБВИ

Пам'ятай про Мене!

ОНИ О НАС

В этой рубрике мы предлагаем нашим читателям срез советской действительности, какой она предстает на страницах зарубежной периодики. Наша жизнь, увиденная их глазами, равно говорит и о нас, и о них. Здесь вы найдете и дайджесты серьезных аналитических статей, и маленькие курьезные заметки. Отбор материала — дело редакции. Ответственность же за правдивость, точность и тон ложится на зарубежные источники.

РЕФОРМА СНИЗУ?

Нехватки товаров стали настолько острыми, что русские вспоминают брежневские 70-е годы как время изобилия. Мыло, бритвенные лезвия и белье — последние дефициты в этом ряду. Даже сигареты, к растущему раздражению нации курильщиков, все труднее найти. Состояние финансов катастрофическое, что виднее всего по инфляции, растущей, несмотря на контроль над ценами. Рубль все меньше похож на настоящие деньги и все больше — на лотерейный билетик: никто не знает, что сможет на него купить.

Слабость экономики несет с собой другие беды. Подняла голову преступность, а это дает повод консерваторам говорить о законе и порядке. Усиливается национализм и националистические эксцессы (говорят, что безработицей охвачено 50 процентов молодых узбеков, которые и заняли себя погромами турок). Падающий уровень жизни стал причиной забастовок, которые еще до выступления шахтеров вовлекали до 15 тысяч рабочих по стране каждый день.

Сторонники реформы боятся возврата широкой карточной системы. Это может вернуть к власти бюрократов и убить перестройку.

Единственным успехом перестройки до сих пор было появление кооперативов, в действительности частных предприятий. Горбачеву следовало бы прислушаться к московским экономистам, ставшим политиками. Их мнения все более освобождаются от уз идеологии. Они говорят о потребности в «нормальном цивилизованном рынке» (где слово «социалистический» кажется не относящимся к делу), об акциях, денационализации и прочих ересях, ставших общим местом в Венгрии и Польше, но все еще неслыханных в России. Они знают, что у перестройки есть единственный шанс: заменить Маркса рынком.

Если Горбачев послушает радикалов, он может сделать выбор в пользу трехэтапного восстановления. Срочная цель в первом этапе — ликвидировать излишнюю наличность. Это означает урезать бюджетный дефицит, который в 1989 году составит, вероятно, примерно 120 миллиардов рублей (около 13 процентов валового национального продукта), и изъять у населения те 200 миллиардов накоплений, на которые просто нечего купить.

Пока правительство предприняло половинчатые усилия сдержать бюджетный дефицит, урезая расходы: на оборону, капиталовложения в сомнительные мегапроекты, убыточные предприятия. Здесь топор Горбачева должен быть острее. Нужно перестать также отнимать деньги у прибыльных предприятий: лучшая фискальная политика — вознаграждать прибыль. Это приносит бюджету большие налоговые доходы в будущем.

СССР не может быстро увеличить собственное производство потребительских товаров. Поэтому идет спор: нужно ли увеличивать импорт товаров с Запада. Нужно. И это не означает увеличения внешнего долга, как опасаются оппоненты этой идеи.

Часть необходимой валюты (около 3 миллиардов) можно получить за счет другого, менее срочного импорта. Сегодня каждый доллар, затраченный на потребительские товары, дает в среднем не менее пяти рублей выручки в советских магазинах. Но каждый доллар, потраченный на компьютер или видео, дает на черном рынке 20—40 рублей. Нужно правильно выбрать товары для ввоза, ориентируясь, скажем, на 15 рублей за каждый истраченный доллар. Тогда импорт покроет половину излишней наличности. Остальное можно покрыть, предъявив на рынок землю, дома и ценные бумаги, которые на нем сейчас отсутствуют только по идеологическим причинам.

М. Горбачев признал, что ключом ко всему является собственность. Государство должно уйти из большей части экономики. Он не может полностью поддержать частную собственность (эстонцы здесь менее застенчивы), предпочитая говорить о кооперативах и аренде. Законы о собственности и об упомянутых формах предпринимательства должны быть по-настоящему либеральными. Минимум прав для бюрократического вмешательства, максимум прав для рабочих управлять арендованными предприятиями, включая право их выкупа.

Этого не произойдет без выполнения требования первого этапа — сокращения наличных средств. Это будет происходить слишком медленно без третьего этапа — введения конвертируемого рубля.

У Горбачева есть шанс либерализации экономики. Он должен использовать его быстро, счет идет на месяцы. Альтернативой прорыву является только провал.

«Экономист», Великобритания

ПАРТНЕРЫ ЗАПАДА

Идет ли речь о Польше, Венгрии или СССР, всюду одно и то же: новые либеральные постановления, регулирующие создание совместных предприятий и порядок капиталовложений, все еще не вошли в практику деятельности местных аппаратов власти.

Но являются ли совместные предприятия тем самым рожденным в мечтах чудо-оружием, с помощью которого можно оздоровить терпящие банкротство народные хозяйства Восточной Европы? Со всех сторон слышны предостережения: не переоценивать.

«Во время переговоров всегда помните о том, что восточные европейцы больше нуждаются в вас, чем вы в них»,— советует американский адвокат, имеющий бюро в Будапеште. Восточноевропейские экономисты и политики ожидают от совместных предприятий многого, возможно, даже чересчур многого. Западный партнер должен предоставить капиталы, новые технологии и «ноу-хау», после этого ему же еще нужно пробиваться на рынки сбыта и зарабатывать валюту.

А что предлагают восточные партнеры? Немногое: более низкий уровень заработной платы, а вместе с ней — и более низкую производительность труда. Предлагают желающих и заинтересованных рабочих, но и зачастую неспособных управленцев (на более чем 100 совместных предприятиях в СССР местные менеджеры не справлялись со своими обязанностями, и их пришлось заменять), а также изношенное, устаревшее оборудование. Поэтому на переговорах об участии в предприятиях часто возникают тупиковые ситуации, предостерегают эксперты: едва ли можно определить истинную ценность совместных проектов.

Что же привлекает западный деловой мир в Восточной Европе? Наряду с меньшими расходами — идея обогнать конкурентов и своевременно «застолбить» позиции на местных рынках.

«Вельт», ФРГ

ЕЩЕ РАЗ О «ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ»

В ходе «зимней войны» речь шла не о пересмотре советско-финляндских границ или о предоставлении Финляндией СССР военной базы, а о праве финляндского народа на самоопределение. Этот не неожиданный для финнов вывод делает бывший дипломат Макс Якобсон. Но интересно то, что его толкование войны и ее причин опубликовано в советском ежемесячном журнале «Родина» (№ 8).

Советская печать ведет новую по содержанию дискуссию о «зимней войне», в которой признается нападение советских частей на Финляндию и марионеточный характер правительства Куусинена.

Для среднего читателя в Советском Союзе статья содержит по меньшей мере новые формулировки по сравнению с теми, что сказали историки в период гласности.

«Хельсингин саномат», Финляндия

«ЖИГУЛИ» ИЗ-ЗА КОРДОНА

В Советском Союзе всегда было непросто купить машину. Если и удается скопить нужное количество рублей, приходится шесть лет ждать, пока подойдет очередь. Правительственные приоритеты только добавляют к отчаянию потребителей: почти половина из 720 тысяч выпускаемых «Жигулей» продается за границу — нужна валюта.

Зато советский рынок — мечта для торговцев подержанными машинами. Несколько предприимчивых эстонцев, возможно, нашли способ стать торговцами такими машинами на первом в СССР свободном рынке. Они основали в Таллинне кооператив «Белеста», который заключил договор с бельгийской компанией «Садкоу». «Садкоу» будет скупать подержанные «Жигули» в странах Западной Европы и через кооператив перепродавать их в СССР.

Две сотни «Жигулей» уже пришли морем в Таллинн. Предприниматели надеются, что в ближайшие два года они продадут таким образом несколько тысяч машин. Продаваться они будут за твердую валюту, но благодаря последним рыночным реформам сейчас валютой обладают все больше советских людей.

«Ньюсуик», США

TIME, DECEMBER 25, 1989

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Все дальше в прошлое уходит слава Звенигорода — красивейшего русского города, ровесника Москвы. Названный когда-то «русской Швейцарией», так много значивший в творчестве А. Чехова, И. Левитана, С. Танеева, М. Пришвина, он из года в год превращается в пыльный, захолустный городишко.

В маленьком Звенигороде обосновались и хозяйничают более десятка различных ведомств. Они строят повсюду свои пансионаты и тем наносят немалый ущерб природной и исторической среде города. Общественности приходится вести борьбу буквально за каждый клочок звенигородской земли.

Сегодня Звенигороду угрожает уничтожение последнего сохранившегося в черте города лесопарка. На его территории планируется строительство пансионатов Метростроя и завода «Рубин». Местом стройки выбран лесной песчаный холм, у основания которого берут начало питающие Москву-реку родниковые ручьи. Стройка нарушит веками сложившийся режим грунтовых вод, и лес неминуемо погибнет, как тот, который сохнет уже теперь в древнем кремле города.

Невзирая на заключение Союза архитекторов о недопустимости дальнейшего строительства учреждений отдыха в Звенигороде, решение о строительстве уже принято. Звенигородский горисполком не смутило категорическое возражение областного Общества охраны природы и отсутствие разрешения лесхоза на вырубку леса. Не считаясь с бурными протестами жителей города, прессы, деятелей культуры и специалистов-экологов, местные власти все-таки «запродали» этот кусок звенигородской земли, отклонив даже попытки поиска альтернативных вариантов. Чувствуя сопротивление жителей и незаконность принимаемого решения, председатель горисполкома т. Ермакова в течение месяца «готовила» сессию горсовета, обрабатывая депутатов, руководителей организаций города.

На сессии горсовета защитников леса клеймили позором, обвиняли в том, что они выступают против развития города, тогда как на деле общественность борется против безнравственной постановки вопроса: или город — или лес. Вокруг города в избытке неудобий, которые силами богатых ведомств можно превратить в цветущий сад, а не наоборот.

Если посмотреть на карту области, то можно увидеть, что западное Подмосковье — главный поставщик кислорода в Москву, ее зеленые легкие. Уничтожать их — значит обрекать на удушение и столицу.

Жители ЗВЕНИГОРОДА.
(Всего 430 подписей.)
Звенигород,
Московская область.

На обложке одной из книг А. Зиновьева изображены две крысы. Они переплелись лапами и хвостами. Не поймешь — то ли целуются, то ли хотят выдрать глаза друг другу. А в книге рассказывается о жизни нашего общества...

Крысы и пауки. Животные и насекомые. Люди смотрят друг на друга как на конкурентов. Реальных или потенциальных. Каждый лишен чувства вины за создавшееся положение. Всеобщее остервенение.

Многие граждане требуют: любые постановления и законы должны иметь авторов! Журналисты и юристы жалуются: нельзя найти ни инициатора, ни автора ни одного закона. Тем более — ведомственных инструкций. Об этом же самом говорят депутаты на сессии Верховного Совета СССР. Председательствующий в досаде сжимает губы и бросает в зал, что кое-кто хочет заменить борьбу идей отстрелом людей.

Заместитель Председателя Верховного Совета имеет основания так говорить.

Нельзя, однако, не видеть в этом стремление защитить анонимность решений...

Возникло новое мировоззрение — онизм. Во всем виноваты «они»! — неопределенный жест вбок или вверх. Всеобщее остервенение переплелось с не менее всеобщей анонимностью. Хотя иногда она выступает в маске политического благородства.

Кто же эти таинственные «они»?

Если упорно читать «Наш современник», неизбежно придешь к выводу: во всем «жиды виноваты». Если не менее систематически читать «Огонек», можно заключить: во всем виноваты сталинисты, консерваторы и бюрократы. Читая «Красную звезду», убеждаешься: демократия виновата, хотя она только-только начинает проклевываться. Точку над «i» ставит «Правда»: виноваты, граждане, мы сами, мало еще у нас порядка и организованности!

Не требуется особой внимательности, чтобы увидеть пустеющие полки магазинов и толпы людей, стоящих в очередях по всей стране. Значительно труднее распознать политический потенциал, который в них скрывается. Не может ли регламентация потребления «сверху» заменить культ палки? И возродить привычки, типичные для людей, живущих в «осажденной крепости»?

Эта проблема обостряется со дня на день. «Литературная газета» начала полемику о необходимости «твердой руки». Инициаторы дискуссии — ученые-политологи — не выходят, однако, за рамки классического положения А. Токвиля (хотя его и не цитируют): «Революция не всегда вспыхивает тогда, когда тем, кому было плохо, становится еще хуже. Чаще всего бывает так, что народ, который без жалоб, почти безразлично, выносил самые тяжелые законы,— неожиданно их отбрасывает, едва давление немного ослабнет. Свергаемый революцией порядок почти всегда бывает лучше того, что ему непосредственно предшествовал! И опыт учит, что самой опасной минутой для плохого правительства бывает та, когда оно начинает вводить реформы».

Этот тезис Токвиля считается классическим в мировой политологической литературе и наиболее часто цитируется. Почитаем еще немного: «Только великий личный гений может спасти властителя, который решается облегчить судьбы своих подданных после длительного периода угнетения. Зло, которое люди терпеливо выносили как неизбежное, кажется невыносимым с того момента, когда в умах пробуждается мысль, что его можно избежать. Тогда каждое устраненное злоупотребление как бы позволяет увидеть все остальные и усиливает ощущение их обременительности. Зло, конечно, уменьшается, но увеличивается чувствительность людей на зло».

Токвиль прав — наша политическая чувствительность резко обострилась! Десятилетия народу говорили только четверть правды о его жизни. Потом, когда правда немного постарела, ее стали говорить вполовину. И наконец наступила действительная «перестройка» — уже говорят три четверти правды!

А народ вместо благодарности рассуждает: почему от него скрывают последнюю четверть?

И тогда кое у кого возникает в голове мысль: не лучше ли было ничего не трогать и не менять? Ведь реформы приводят к тому, что народ начинает думать...

Виктор МАКАРЕНКО,
доктор философских наук
Ростов-на-Дону.

Мы виноваты перед нашими детьми. Все виноваты. Разве что в разной степени. Говорить о состоянии наших родильных домов — первого пристанища человека — не хватит не только объема этого журнала, но, думаю, и всех отечественных запасов бумаги. Что до яслей и детских садов, то они недалеко ушли от роддомов. Эта тема тоже неисчерпаема.

И вот ребенок, недополучив всего того, что он мог получить в раннем возрасте, со своими (но еще не всеми) комплексами (психологи это называют «внутренней проблемой, мешающей нормальному развитию») оказывается в школе. Может быть, здесь наконец он попадает в благоприятные для его развития условия? Чтобы научить чему-либо, надо если не понять, то хотя бы увидеть и услышать обучаемого. Ведь если «ничего не вижу, ничего не слышу», то кого и чему ты обучаешь? Тем не менее — обучаем.

Когда моя дочка училась в первом классе, она совершила «политический» проступок. Я была вызвана в школу, и директор школы с двадцатилетним стажем имела со мной «доверительную» беседу. «Дело» выглядело так: в коридоре, где обитали первоклашки, имелся стенд, на котором старшеклассники вывешивали газетные вырезки на политические темы. И чтобы вырезки было легче менять, их прикалывали к ватману портновскими булавками. И вот моя дочь была застигнута на месте преступления — она откалывала такую булавку. Директор школы с содроганием в голосе разъясняла мне, что бы произошло, если бы они не подоспели вовремя, и она бы отколола все булавки, и «вся политическая информация оказалась под ногами учеников»!

— Понимаете, что это такое? Чего она этим хотела добиться? Откуда это в ней?

— А вы у нее спрашивали?

— А что тут спрашивать? Спрашивали — молчит. Поработайте с ней как следует. Ну и мы, конечно, поработаем,— пообещала директор.

И это слово «поработаем» материализовалось для меня в угрозу, почти физическую. Дома у дочери спрашиваю:

— Татьяна, зачем ты булавку-то откалывала?

— Мальчишки нас за косы дергают, а мы их булавками колем.

— Ну, а вы подумали, что от этого вырезки могут на пол упасть?

— Что ж мы, глупые,— обиделась дочка,— мы только лишние откалываем. У них там сбоку целая куча запасных понатыкана.

Вот вам и диссидентка в духе чеховского «злоумышленника».

Другой случай.

В пионерлагере над входом в клуб было ласточкино гнездо. Ребята слазили и увидели: ласточка сидит на яичках. Потом появились птенцы. И все наблюдали, как ласточка весь день мечется из гнезда в лес и обратно. А снизу очень забавно было видеть раскрытые клювы птенцов, которые ласточка поочередно заполняла. И вот узнаем: двое ребят из детского дома разбили камнями гнездо и поубивали птенцов. Я была на педсовете, когда этих ребят «прорабатывали». Их не клеймили, а укоряли:

— Как вы могли! Ведь они же живые, им же больно!

Ребята понуро молчали. И всем казалось, что до них наконец дошло и что они ужаснулись содеянному. Уже решили перейти к следующему вопросу, и ребят отпустили. Они выходили, когда молоденькая вожатая взяла одного из них за руку и спросила:

— Зачем вы это сделали?

И получила искренний, всех ошеломивший ответ:

— А нам хотелось их помучить.

Это уже другая тема, почему им этого хотелось. Во всяком случае, слова «им же больно» шли не по адресу. Я о том, как часто мы заблуждаемся, считая, что знаем, почему с другим произошло то или иное событие. «Знаем» по схеме своего мышления, становясь на место действующего лица по известному нам стереотипу. Особенно часто от этого страдают дети и подростки.

Вот это неумение спросить, спросив — услышать, а услышав — разобраться и понять — ошеломляюще.

Такое впечатление, что все работающие с детьми обучены их не слышать. Даже задав вопрос, большей частью риторический,— не услышать ответ. Достучаться ребенку до воспитателя в детском саду, до учителя с чем-то своим практически невозможно. Дети это скоро понимают и оставляют свои попытки уже в начальной школе. И только в старших классах, когда это непонимание достигает размеров, угрожающих самим взрослым, родители и учителя спохватываются, но теперь уже достучаться до подростка не могут они сами.

Одна из сильных сторон любой религии — исповедь или просто доверительная беседа с духовным лицом, возможность высказаться в затруднительной ситуации, быть услышанным и получить совет. Чем можем мы заменить такую исповедь? Задушевной беседой с сослуживцем, представителем парткома, месткома, а для ребенка с пионервожатым или учителем? Само перечисление лиц, с которыми предполагается такая беседа, вызывает улыбку.

Как он нам нужен, человек, лично не заинтересованный в возникшей у собеседника острой проблеме, умный, уважаемый, желающий и умеющий выслушать, не имея заранее готовых оценок...

Куда можно обратиться подростку? Позвонить по недавно организованному телефону доверия? Но это когда «SOS», а заранее, на подступах к возможной беде? В детскую комнату милиции? Но с ее работниками сталкиваются те, кого в эту комнату приводят. Это тоже своего рода «SOS», но уже со стороны общества. А вот где такая комната, в которую можно прийти самому?

В Москве на этот случай для подростков есть Кабинет социально-психологической службы и городская консультация по вопросам семьи и брака. Что они могут в многомиллионном городе?

Растет сеть кооперативов с привлечением психологов, но там прием стоит от 10 до 25 рублей в час. Тем самым «за бортом» оказываются наиболее нуждающиеся в психологической помощи дети из малообеспеченных семей. Кооперативы эти — в Москве, но ведь и в других местах живут люди.

Пора становиться цивилизованным государством. Государством, в котором каждый, я уж не говорю гражданин, хотя бы ребенок, мог получить психологическую помощь бесплатно и своевременно. У нас привыкли оперировать «душами» населения. Не пора ли об этой душе подумать? Может же одномиллионный Стокгольм позволить себе 30 бесплатных психологических консультаций.

Я вовсе не считаю доступные психологические консультации какой-то панацеей. Это только одно из ряда других необходимых условий для нормального развития наших детей. Конечно, духовника в его настоящем значении нельзя заменить психологом. Может быть, нужны и какие-то иные, еще неизвестные формы? Надо подумать...

Как бы ни было трудно ребенку в том мире, какой мы ему оставили, общеизвестно, что самое трудное и необходимое — научиться разбираться в самом себе, предъявлять наибольшие требования к себе, а не к окружающему. И здесь опять-таки на первых порах может помочь психолог.

На эту проблему стоит посмотреть и с другой стороны. От нас самих зависит не оказаться в положении многих наших сегодняшних пенсионеров, вынужденных влачить нищенское существование. Помогая сейчас нашим детям скорректировать их мироощущение, адаптироваться в нами же искореженном мире, мы тем самым помогаем себе в будущем. Чтобы через 10—15 лет иметь уже не сегодняшних озлобленных граждан, не равнодушных или растерянных воспитателей, учителей и медперсонал, а таких людей, которых мы бы желали видеть вокруг себя повседневно.

Инна ХАН
Москва

ОДИНОКАЯ СТЕЖКА

Себежский район, западная окраина Псковской области.

Удивительный, чудный край. Здесь густые, дремучие леса неприметно переходят в топкие болота, а веселые зеленые холмы соседствуют с холодными скалами. И вода — целое море, если собрать воедино пятьсот озер, которые огромными стеклянными блюдцами поразбросаны по всей округе. Только в черте Себежа таких озер семь. Сам город стоит как бы на полуострове. Глянешь утром окрест из окошка — дух захватывает.

В древний Себеж мы приехали на встречу с сельским священником.

Долго искать его не пришлось. Первый же встречный ткнул рукою в изеилистую улочку: «Там он, батюшок наш, спозаранку на церкви плотничает».

«Батюшок», неспешно отряхнувший руки и шагнувший от порога храма к нам, оказался черноволосым, богатырского сложения молодым мужчиной с добрым взглядом и открытым лицом.

Отцу Петру 27 лет. Родом из семьи колхозников. До армии работал сначала слесарем на заводе, а потом полгода жил в Печорском монастыре, где занимался строительными делами.

В войсках дослужился до старшего сержанта, был заместителем командира взвода. После увольнения в запас опять вернулся в монастырь, где нес послушание на клиросе, много читал, учился церковному пению, работал по хозяйству.

Мысль о монашестве зрела у него давно. Но вот однажды познакомился с девушкой из религиозной семьи, и любовь пересилила, вскоре они с Мариной обвенчались.

Однако семейная жизнь религиозным устремлениям, видимо, никак не мешала. Искренние старания молодого послушника были замечены, и по ходатайству наместника монастыря был он рукоположен в дьяконы, отправлен на службу в один из приходов. А в прошлом году, возведя уже в звание священника, его назначили настоятелем себежской церкви.

Церковью это строение можно назвать разве что условно. Развалюха, а не храм достался молодому настоятелю, что отца Петра, впрочем, не смутило. Без промедления взялся за реставрацию: он здесь и прораб, и художник, и разнорабочий одновременно. Трудится со всеми наравне, таскает тяжеленные доски, карабкается по строительным лесам, поднимает цементный раствор, ловко орудует топором и пилою. Занимаясь ремонтом куполов, заодно осаоил и профессию жестянщика.

Себежская церковь Святой Троицы построена в XVII веке, является памятником архитектуры. Восстановительные работы сегодня ведутся исключительно на народные пожертвования. Средств не хватает, собирают с мира по нитке...

Странствует в народе множество легенд о том, что священнослужители буквально купаются в неслыханной роскоши. Слухи слухами, ну а в жизни-то?

Сразу же удовлетворю самое крайнее любопытство: есть, есть у себежского батюшки машина. «Волга» первого выпуска. Купил по случаю несколько лет назад и — не приведи господь теперь этот механизм. Вся на палочках и на веревочках, по-моему, держится, и прошла машина, похоже, расстояние не меньшее, чем до луны и обратно. Поехал, например, в Великие Луки — оттуда привез шпаклевки и гипса полтонны. На ней же — и доски, и цемент на стройку.

Домик, что в Себеже куплен, пока идет реставрация храма, отдан под молитвенный. Семья же снимает квартиру. Дрова, вода — своими руками. Мясо, сахар, мыло, стиральный порошок и прочее — все по талонам, как и у других.

Жалованье у отца Петра сто пятьдесят рублей в месяц, после вычета налога остается из них сто пятнадцать. Супруга Марина, регент церковного хора, получает за труд семьдесят рублей. Даже если все вместе сложить — не разгуляешься. В семье растут трое сыновей, самому старшему из которых, Петру, четыре года. Рискну заметить, с таким семейным бюджетом посты соблюдать не так уж и трудно.

Следует отметить, что финансовое положение отца Петра считается не самым бедственным. Есть на Руси приходы, где священники получают и вовсе лишь семьдесят рублей.

И еще один любопытный расчет. Пенсия священнослужителю начисляется из расчета двух рублей за каждый год службы. Стало быть, отслужил верой и правдой сорок лет, и живи потом в старости на восемьдесят рублей.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь...» Не случайна молитва эта. Знают ее и четырехлетний Петя, и братишка его двухгодичный Вася. А Гаврику хоть и год всего-то исполнился, но тоже живо елозит глазенками, чутко прислушивается к речениям старших.

Интересно узнать, каким же представляет будущее своих детей батюшка. Не обязательно должны они стать священнослужителями, слышу в ответ. Нельзя навязывать человеку ни воззрения, ни тем более судьбу. Иначе будет она в тягость и ему, и окружающим. Хотя, конечно, хотел бы видеть сыновей верующими, добрыми людьми...

— Господь не обязал человека творить добро или зло, он свободен в своем выборе,— неспешно размышляет отец Петр.— И что зловредного в том, что религия призывает человека к постоянному совершенству и вечности?..

Во многом наши взгляды несхожи, но спорить с батюшкой нет никакой охоты. Для полемики — другое место.

Видно, и отца Петра одолевают трудные думы. И надо во всем разобраться, понять и осмыслить. Потому, наверное, на рабочем его столе, помимо книг богословских, лежат еще и свежие номера газвт: «Известия», «Аргументы и факты», здесь же стопки журналов «Семья и школа», «Крестьянка», «Работница».

Много забот у отца Петра: тут и храм поднимать надо, и детей воспитывать, и к экзаменам очередным в духовной семинарии, где учится заочно в четвертом классе, успеть подготовиться. А еще церковные службы, отправление обрядов...

В прошлом году старушка из дальней деревеньки приметила в лесу разоренную могилу. Рассказала местным сельским властям. Те сообщение оставили без внимания. Только в канун нашего приезда отец Петр узнал об этом — тут же засобирался в дорогу.

Место удалось найти не сразу, густо заросли все подступы к нему. Наконец, увидели зияющую чернотой глубокую яму, разбросанные по сторонам могилы человеческие останки. Тут же валялся втоптанный в землю надгробный камень. Надпись гласила: здесь похоронен в 1897 году священник Гавриил Еленевский.

Не думал, конечно, отец Гавриил, что в грядущем просвещенном веке варвары-кладоискатели осквернят могилу и придется отпевать его вторично.

Молча стоим на глинистом взгорке, внимая напевным словам молитвы. Сладковато тянет дымком от кадила, что мерно покачивается в руке священника. Безжалостно кусают комары, где-то в отдаленье мычит корова...

Замерла рядом старушка-поводырь. Глядит отрешенно-подслеповатыми глазами, в которых за восемь почти десятков лет и блеска уже не осталось.

Доживает свой век Анна Евсеева в деревушке неподалеку. А в деревне той брошенной и всего-то один ее дом теперь остался. В неделю раза два проедет автолавка, сбросят хлеба, еще чего по мелочи, да и укатят дальше.

Чем живет, как — наверное, бог один и ведает. Никому нет дела.

— Я приеду сюда еще,— говорит старушке отец Петр.— Теперь буду про вас знать, не позабуду...

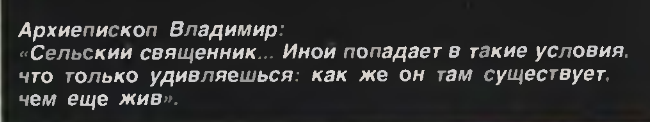
Он не забудет, сомненья нет. Протопчет стежку к избе старушки.

А мы-то что же? Ни в бога, ни в черта, значит, ни в Анну Евсееву?..

Владимир БЕЛЫХ

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Архиепископ Владимир:
«Сельский священник... Иной попадает в такие условия, что только удивляешься: как же он там существует, чем еще жив».

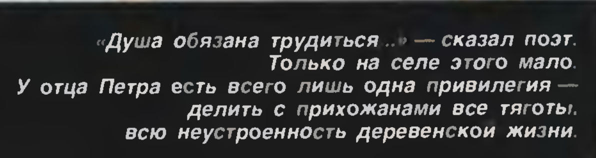

«Душа обязана трудиться...» — сказал поэт.
Только на селе этого мало.
У отца Петра есть всего лишь одна привилегия —
делить с прихожанами все тяготы,
всю неустроенность деревенской жизни.

ПЕРЕСТРОЙКУ
НАЧНИ С СЕБЯ

Наталья СЕВЕРИН

РОМАН С БАРАБАНОМ

Итак, каков нынче пионер? Стучит ли он в барабан на рассвете, клянется ли над костром, что «близится эра светлых годов»? А может быть, надевая на занятия галстук, тихо прячет его в портфель, чуть только выйдет за порог школы?

На I Съезде народных депутатов Альберт Лиханов попытался заинтересовать зал положением детей. Правда, когда речь зашла о пионерах, и он соскользнул со взятого тона и предложил, чтобы на Мавзолей в час парада взбегали не просто активисты в красных галстуках, а, скажем, сироты из детских домов. И чтобы правительство потом опекало лично каждого взбежавшего. Зачем? Чтобы показать, что наш сирота самый счастливый в мире? Вот и «Артек» недавно внес подобное предложение — он будет устраивать раз в году показательную смену сирот...

Но вдруг, представьте, неожиданно для себя мы построим истинно демократическое общество. И кто его от нас унаследует? Вот те построившиеся по ранжиру, которых невозмутимо продолжает штамповать школьный пресс? Или «переучиваться» в 30 лет — уже наша добрая традиция?

Надо сказать, пока мы забыли о детях, они все еще нас любят и нам подражают. В пионерской организации происходит созвучное новому духу брожение. Уже есть индивидуумы, не желающие из принципа надевать галстук, а другие не хотят потом вступать в комсомол. Уже в сердце пионерии, в «Артеке», прошел бунтарский IX слет, где впервые дети отказались голосовать за решения, навязанные взрослыми, где они выступили против бюрократии и формализма. Но все эти бунты происходят по-детски. Робко. Одиноко. Сборов, линеек и прочих трескучих акций стало меньше. Но им на смену ничего не пришло. По выражению московского ученого Олега Румянцева, образовался мучительный вакуум. Он заполняется чем угодно.

«Да забудьте вы слово «организация»,— убеждала меня народный депутат от «Артека» Светлана Батраченко.— Нет никакой пионерской организации! Какая же организация без устава, свободного права вступления и выхода, без права на самодеятельность, без собственных финансов и материальной базы?»

И верно. Все пять пунктов, определяющих организацию, отсутствуют. Что же это тогда?! О чем мы писали столько лет, чем хвалились, чему посвящали стихи и песни?

Пионерская организация по сравнению с иными, революционными, возникла у нас сравнительно поздно, в 1922 году. Родилась она, вытесняя русских скаутов-мастеров. Что мы знаем сегодня об этой, давно ушедшей в прошлое российской организации? Движение бойскаутов, как известно, возникло в 1907 году в Англии. Его инициатор — колониальный полковник Бадэн-Пауэлль — стал кумиром миллионов детей во всем мире. В движении скаутов много элементов военной игры, уже само слово «скаут» («разведчик») говорит о направленности организации. Но скауты не были «оголтелыми милитаристами», хотя впечатление об этом и пытались оставить наши историки. Это были, между прочим, мастеровые и умелые ребята. Каждый должен был освоить какую-нибудь профессию. Н. К. Крупская называет 28 скаутских профессий. Каждый юный мастер сдавал экзамены, после чего получал разряд и особый значок. Скаут-телеграфист, например, обязан был владеть своим делом настолько, чтобы в любой момент заменить у аппарата взрослого. Скаут-наездник (значок «шпора») не только знал все тонкости верховой езды, но и умел ходить за лошадью, лечить ее. Скаут-прачка стирал, гладил любое белье. Портной (значок «утюг») мог сшить себе форменную рубашку и брюки. Печатник разбирался в шрифтах, без труда набирал афишу. Вот как об этом рассказывает Н. К. Крупская: «Проходит скаут по улице, видит разбитое стекло, свое умение ставить стекла он сейчас использует... Видит скаут поломанный забор — сейчас же принимается за чинку его, кому бы он ни принадлежал. И так во всем. Это настоящий «хозяйский» подход ко всему, имеющий громадное воспитательное значение». Во время гражданской войны русские скауты-мастера помогали формировать детские дома, вылавливать беспризорных, создавали отряды детской милиции, называвшейся «братья и сестры социальной помощи».

После III Всероссийского съезда РКСМ решено было выводить организацию из рамок экономической помощи. То есть идеологизировать ее. Многие скаутские педагоги — такие, как Фатьянов, Жуков,— выступили против того, чтобы детская организация подчинялась комсомольской, против излишней ее политизации. Они считали, что у детей нельзя забирать детство, им нужен свой мир, игра, герои, вроде Робинзона Крузо, лидеры вроде Бадэн-Пауэлля. Никаких Робинзонов Крузо! — был суровый ответ.— Воображение ребенка должно быть максимально приближено к борьбе и интересам класса.

Итак, со скаутизмом мы порвали. Но позаимствовали у него слово «пионер», что обозначает одну из скаутских профессий. (Значок «топор и кирка». Суть профессии — прокладывать дорогу отряду.) Много еще чего заимствовали. Шел этот процесс таким образом. «Мы ходили по отрядам, особенно в центральный отряд Фатьянова,— пишет один из создателей пионерского движения, И. Рогов,— знакомились с работой, с отдельными работниками, одновременно вели работу по «разложению» скаутотрядов, ловко указывая на их недостатки, на отсталость от политической, общественной жизни, на их Бадэн-Пауэлля, сравнивая его с каким-либо лордом вроде Керзона...»

Детское движение выходило на марш. Еще в 22-м году мужественную и одинокую попытку остановить этот стремительный и, как все больше выяснялось, холостой ход сделала Надежда Константиновна Крупская. Она написала смелую статью «Р.К.С.М. и Бойскаутизм», где защищала скаутов, указывала на конкретность их дел, призывала пересмотреть их опыт. Крупская настойчиво пыталась объяснить, что дети не могут присягать абстрактным понятиям и жить ими, что ребятам нужны ясные цели. Нужна им также и культура — культура мелочей, мелких жизненных ритуалов — того, что еще недавно называлось обывательскими предрассудками. Она заговорила о религии, цитируя одного из скаутских педагогов: «Каждый скаут должен принадлежать к какому-нибудь религиозному исповеданию и посещать богослужения... Деятели французской революции отбросили прочь религию... И посмотрите, что стало с дисциплиной... Исчезла всякая возможность руководить кем бы то ни было при помощи более высоких мотивов, чем мотивы личного, эгоистического интереса. Исчезла правдивость, так как для нее не было побуждений... Это был результат пятнадцатилетнего отрицания Бога, результат, отразившийся прежде всего на дисциплине нации...»

О статье поспорили. Но не более того. Попытка спасти пионерское движение, вправить вывихнутый сустав не удалась. А между тем разговор о религии и морали ребенка возник не случайно.

Из всех существующих в мире детских организаций мы решили равняться на опыт германских коммунистических. А они, как сами признавались, заимствовали многое у «союза Бисмарка», «Молодой Германии». В «Пионерской правде» 30-х годов я как-то наткнулась на фотографию-памятку — как правильно отдавать «салют». Ладонь тыльной стороной обращена к лицу. Точно такой же «салют» отдавали члены «гитлерюгенд» фюреру. И точно такие же линейки перед занятиями, как у нас, проводили в итальянских фашистских школах под портретом Муссолини. И марши, и парады, и значки, и форма, и называние отрядов героическими именами — все это оттуда, оттуда...

Интересно, что в Германии дети действительно преуспевали в политической борьбе. Они устраивали митинги, конференции, где выступали против рутинных учителей, против телесного наказания. И добивались кое-чего. У нас же немедленно появились две формы деятельности. Одна — как бы показательная — когда полуголодный детдом мог переслать свою трехдневную пайку детям германских рабочих. Другая — для себя. О ее плодах в 1926 году с тревогой заговорили врачи. Под руководством Зиновия Соловьева, основателя отечественного Красного Креста и лагеря «Артек», обследовали пионерских активистов Москвы и Ленинграда. И выяснили, что огромный процент детей страдает малокровием, признаками усталости и переутомления, туберкулезом и т. д. из-за непосильной общественной деятельности. У некоторых насчитывалось по 7 выборных должностей. Дети постоянно заседали, кого-то судили и выводили на чистую воду, кого-то из международных деятелей встречали и провожали, репетировали парады. Вместо 27 с половиной часов, которые по норме им полагалось тратить на школьные и пионерские дела, получалось 81,18 часа в неделю. Врачи категорически потребовали также прекратить различного вида тревоги, «которые иногда устраиваются отрядами для проверки бдительности пионеров». Никто их не послушал.

Конечно же, никто не станет отрицать, что у пионеров было много живых, человеческих, конкретных дел. Особенно это стало видно во время войны — когда началось массовое движение тимуровцев, когда дети подвижнически помогали фронту... Но ставка на политизацию, идеологическая зашоренность привели к страшным вещам. Они выгрызали из детской души все лучшее: тягу к милосердию, искренности, честности, доброте. Приближение к «интересам класса», «клятвы верности» делу Ленина — Сталина, потом только Сталина, «Сталина — партии» не только отдаляли пионерскую деятельность от жизни, но и сделали ее просто опасной...

Гиммлер обещал своему народу: «Не будет в Германии улицы, дома, квартиры, где не расположился бы пост наблюдателя. Систему мы построим так, что дети станут доносить на родителей, ученики на учителей...» и т. д. Листая «Пионерскую правду» 35-го года, я убедилась, что воображение у нас богаче. Наши пионеры ставили вышки, организовывали форпосты на полях, на лугах. Сутками несли вахту, выслеживая тех, кто попытается сорвать колосок или пощипать немного травы для гибнущей скотины.

Среди тех, кто ехал в «Артек», на первом месте были герои, которые на кого-нибудь доносили. Приветствовались «разоблачители» председателей колхозов, завфермами, учителей, профессоров, на худой конец и простых тружеников. Вот, например, как Володя Горон поймал шпиона: «Однажды в стогу Володя Горон заметил неизвестного.

— Здравствуйте, дядя!

Неизвестный ответил на приветствие, а потом спросил:

— Где я, в Польше или в России?

— Вы не в Польше и не в России,— ответил Володя.— А в Советском Союзе.

— А где у вас можно покушать? — спросил неизвестный». Тут Володя не растерялся и под предлогом «покушать» сдал «шпиона» красноармейцам. За что и был прославлен газетой. Как близнецы, выглядят наши и немецкие юношеские издания 30-х годов. Всюду портреты детей с ружьями и пистолетами. «Шагай круче, целься лучше!» — это припев песни, сочиненной для пионеров Маяковским.

Советский культуролог Т. Клименкова считает, что наше общество построено на культе боли. Это можно доказать и на примере пионерской организации. Из всех ее функций самой стойкой, самой развитой и самой поощряемой всегда была функция репрессивная. Долгие годы это пожалуй, единственный признак организации вообще! До сих пор родителям сообщают на работу, если ребенок забыл надеть галстук, до сих пор в школах устраиваются пионерские судилища. Культ боли. И культ смерти. А чего было стыдиться убивать руками детей, если умели убивать и их самих, если им было отмерено все и за все мерою взрослых? Возьмите лучшее стихотворение «Смерть пионерки» Багрицкого:

Возникай содружество
ворона с бойцом,
укрепляйся мужество
сталью и свинцом.
Чтоб земля суровая
кровью истекла,
чтобы юность новая
из костей взошла...

Почему содружество с вороном? Почему будущее — из костей?!

Во Дворце пионеров «Артека» висят картины, видимо, еще 30—40-х годов, где изображены пионерки в черных сатиновых трусах. Крупные, мускулистые «девушки с веслом». Да, в обществе лагерного типа требовался спартанский идеал женщины. (Хотя для жен вождей, творческой и коммерческой элиты делалось исключение. Но — чисто материальное. Еда и тряпки получше, даже в военное время.)

Английский журналист Томас Катерин написал в 1943 году великолепную книгу «Женщина в нацистской Германии», где он рассуждает о том, что вся эта бивуачно-лагерная жизнь в милитаристском обществе приводит к тому, что даже такой мощный инстинкт, как материнский, притупляется, разлагается, исчезает. Все призывы терпеть лишения и служить абстрактным идеалам — ловушка и обман. У германских женщин, призванных рожать детей для рейха, этих детей должны были забирать на войну.

С 34-го года немецких девочек начали обучать в школе военной службе. Потому что Гитлер в «Майн Кампф» настаивал: «Школьное образование лишь главное средство для подготовки к дальнейшей службе в армии». Увы, и у нас в газетах можно было увидеть портреты очаровательных пионерок с наганами, с текстовками наподобие этой: «Пуля стала мне другом...»

Во времена, когда пионеры считались элитой и вслед марширующим отрядам громыхали бочки с бесплатным квасом, решено было создать столицу детской империи. Выбор пал на «Артек», маленький лагерь, организованный другом В. И. Ленина Соловьевым для детей, больных туберкулезом. Туберкулезников «попросили», и в «Артек», занявший гигантские площади, хлынули пионерские активисты.

Костры, песни, речевки, нескончаемая политучеба. На костерной площадке — 6-метровый портрет Сталина. Визиты вождей мировых коммунистических партий. «Колонны лагерников идут вдоль трибун»,— пишет о таких парадах «Пионерская правда». Железная дисциплина, ощущение своей избранности, постоянная бодрость духа, презрение к слабым, массовость во всем.

Сталин и Молотов лично участвовали в создании этого грандиозного образа детского процветания. Молотов в 37-м году подарил «Артеку» свою дачу. (Где до недавнего времени жило начальство лагеря.)

Сейчас «Артек» — уникальная выставка всего, что мы дали детям за 70 лет. Контрасты его поражают. Да, таврический пейзаж неизменен, он продолжает воспитывать своей красотой, как хотел того Зиновий Соловьев. Но на нем — угрюмые сталинские постройки, скульптуры. А потом появились хрущевские вольные элементы и работы Эрнста Неизвестного, а потом — брежневские серые корпуса, где дети спят по 12—20 человек в комнате. Гигантская пионерская линейка — каскад ступеней, и в центре почти двадцатиметровая скульптура Ленина. Редкий пионер добежит до середины... Немного электронных игр, которые восхищают детей из провинций, и 200 километров полусгнивших коммуникаций. Несколько «видиков» — и двери, срывающиеся с петель, бедная и скучная пионерская форма. Детей в этом пейзаже встретишь редко. Они, как наши за границей,— отрядом или по нескольку человек. По пляжу проносятся строем. Детей не видно, потому что они, по артековской традиции, крайне заняты. Чем? В плане-сетке (тут свой «новояз») — политбои, вахты, походы, возложения венков, некоторые происходят в пять утра. «Я бы пожелал «Артеку» здоровья, успехов во всем и спать хотя бы 7 часов...» — пишет в анкете после пребывания в лагере Сережа Постников из Свердловска. Многие сборы и линейки, правда, отменены. Нет конкурса горнистов и барабанщиков. Но есть «политбои». Это когда вожатый играет западного журналиста, а дети доказывают ему преимущества нашего образа жизни. После таких боев появилось в анкете такое заявление француженки Каре Ди Биасси: «Я узнала много нового о своей стране, что скрывает наше правительство. Я чувствую, что я сейчас испытываю больше неприязни к своему правительству, чем раньше». Так что мы — в своем амплуа.

Есть дела хорошие: помочь детям из соседнего санатория больных и калек. Но помощь опять-таки разовая. Показательная. Но есть и совершенная «липа» — два мальчика рассказали мне, как стояли на страже у монумента, чтоб никто не писал глупостей. И все равно пишут.

В 40-е годы в «Артеке» в месяц был один День памяти. А сейчас — три. Детям показывают, например, «Иди и смотри». Фильм, который я уважаю, но считаю для детского здоровья просто опасным. Практикуются также сожжения огромной книги «Майн Кампф», старательно изготовленной перед этим самими же поджигающими. Три дня насыщенной борьбы с фашизмом приводят к таким признаниям. «Раньше мне казалось, что война была очень давно,— пишет в анкете девочка,— но теперь нет, теперь мне кажется, что была вчера, что фашизм есть сегодня и завтра снова может быть война».

Врачи-психологи установили, что в нашей стране половина дошкольников, половина мальчиков-пятиклассников и одна треть девочек этого возраста больны неврозами. Стоит ли эти неврозы усугублять подобными накачками во время летнего отдыха?

«Мне не понравилось доведение ребят до такого состояния, что они ни о чем не могут думать, а хочется только спать и больше ничего,— пишет пионерка Эрика Буйнокайте.— Мне не понравились разговоры, которые нам еще сложны, вопросы, на которые не каждый взрослый может дать ответ».

На мой взгляд, «Артек» сейчас из столицы превратился в глубокую провинцию. Но все еще полную амбиций, по традиции из 30-х годов. Когда я приехала туда в командировку, секретарь начальника строго меня спросила: «А у вас есть РАЗРЕШЕНИЕ на посещение нашего лагеря? Мы журналиста НЕ ВЫЗЫВАЛИ...»

Кстати, несколько лет назад в лагере состоялись выборы начальника. Им стал В. Н. Шевченко, бывший работник исполкома города Навои. Как он победил 19 претендентов, мне, честно говоря, понять трудно. Особенных нововведений в «Артеке» не видно. С квартирами для работников стало легче... И уже через короткое время начальник сделал попытку баллотироваться на вакантное место в ялтинском партаппарате. Что касается новой программы пионерской работы, которую здесь считают радикальной, то — знает о том начальник или нет — она чуть ли не полностью взята из 30-х годов. И тогда пионерскую организацию и «Артек» хотели сделать республикой. И тогда все эти игры, искусственные и неограничные, ни к чему не привели, только еще больше запутали детей.

— Что же будет с «Артеком»? — спросила я у одного из самых интересных педагогов лагеря, известного всей стране Евгения Александровича Васильева.

— После посещения «Артека» Хрущевым и Броз Тито атмосфера в лагере начала гуманизироваться. Шестидесятники вкладывали в работу душу. Потом пришли брежневские функционеры и всякий, кто много работал, стал называться придурком. Опять гонимся за количеством детей и не думаем о качестве воспитания. И для тех, кто сюда приезжает, не создана достойная культурная среда. Когда-то Клара Цеткин настаивала на том, чтобы этот лагерь был показательным, чтобы отдыхающие здесь иностранцы видели, как умеют жить бедные русские, и сами к этому стремились. До сих пор мы заботимся о какой-то мифической показательности, а иностранные дети просто над нами смеются. Сын нынешнего президента Франции Жильбер поразил наших детей, имеющих смутное представление о жизни богатых людей за границей, тем, что показал костюм, на который заработал сам. И спросил: а что можете заработать вы?

В США самые большие лагеря насчитывают 1—1,5 тысячи детей. Они рекламируют свою программу, и родители решают, в какой лагерь отправить детей на лето. А нам что рекламировать? И какой выбор у наших родителей?!

Кстати, о программе лагеря. В райотделе милиции Гурзуфа мне рассказали о нескольких громких делах — когда в «Артеке» были разоблачены гомосексуалисты. Хватит скрывать — в подобных «аркадиях» детям это угрожает. Сюда едут на работу любители такой эротики и задерживаются здесь годами, до облысения. Мать совращенного пионервожатым мальчика все пишет письма из Рязани, все не может понять, что стало с ее сыном в таком солидном месте...

На поддержку пионерского духа государство и профсоюзы дают более 1 миллиарда 200 миллионов рублей. Поделим их на 33 миллиона пионеров. Получается колоссальная сумма. Так где же деньги?! Возьмем все тот же «Артек». Летом на 4 тысячи детей здесь 2600 взрослых. Осваивать деньги тоже умеют странным образом. Гигантская линейка стоит 3 миллиона 257 тысяч. Подозрительная и зловещая скульптурная группа с земным шаром обошлась в 185 тысяч. (Авторам дали Государственную премию.) Вокруг «Артека» построили забор — вроде китайской стены, чтоб не лезли воры и чтоб не убегали дети. Забор обошелся почти в миллион рублей. Бывает так, что лагерь штрафуют за сверхнормативные запасы. Сейчас дорог бензин. А по территории «Артека» носятся порожняком «Икарусы». Бедность бедностью, а в лагере открыли многотиражку, где можно прочесть, например, о том, как движется очередь на машины для сотрудников.

День пребывания пионера в лагере стоит 11 рублей 16 копеек. Почти два рубля идет на питание. Шесть копеек на медицинские нужды, сорок две копейки на одежду. Но мои знакомые пионеры все время просили привезти им чего-нибудь поесть из Гурзуфа, а девочки жаловались, что из-за похудения пришлось два раза менять форму. Я попыталась проникнуть в детскую столовую, где, кстати, питались все взрослые, приехавшие на смену, но меня не пустили, сказав, что именно журналистам санэпидстанция запрещает и приближаться к котлам и тарелкам...

Заработная плата сотрудников поглощает из бюджета ребенка 3 рубля 50 копеек. Как справедливо замечает журнал «Смена», «один каравай печется для пионера, два — на поддержание взрослого».

Все это достаточно очевидно. Но если отбросить такие сугубо бытовые формы оправдания необходимости пионерской организации? Что тогда останется по большому счету? И не в этих миллиардах, конечно, дело. На святое в конце концов не жалко. Но на святое ли? Не подкладываем ли мы сегодня кирпичики в основание той стены, верхушку которой начинаем разрушать? Ведь если пионерская организация сформировалась по образу и подобию пресловутой административной системы, если она должна была выпускать в свет законопослушных детей этой системы, которые ничем не нарушали бы движения... этого движения в форме, а точнее, формы движения, а по сути, глубокой спячки...

Так нужна ли нам пионерская организация вообще? Пора бы этот вопрос задать.

Все, кому я его задавала, прогрессивно отвечали: организаций должно быть много. (В Эстонии создан новый Детский союз с палатой взрослых и детских представителей. В Литве — уже несколько десятков детских организаций. Чем занимаются дети в Прибалтике? Например, движение «гедиминайчей» борется за реставрацию башни Гедиминаса. У нас, оказывается, в Москве еще раньше возникло такое движение, когда школьники вышли защищать Щербаковские палаты.)

В том числе и пионерская. Но все меня и предупреждали: вы никогда не напечатаете статью с призывом к такому детскому плюрализму. Партия не позволит образовывать много детских союзов, ведь из них может получиться много партий.

Что тут скажешь? Если партии все еще нужны 33 миллиона неверующих, то какой разговор? А если миллион верующих все же лучше, то процесс будет идти здоровее и легче для нас всех. Ведь чего стоит коллективизм без веры? Это все равно, что соборность без Бога. Впрочем, мы уже каждый день читаем о таком коллективизме, мы пожинаем его плоды.

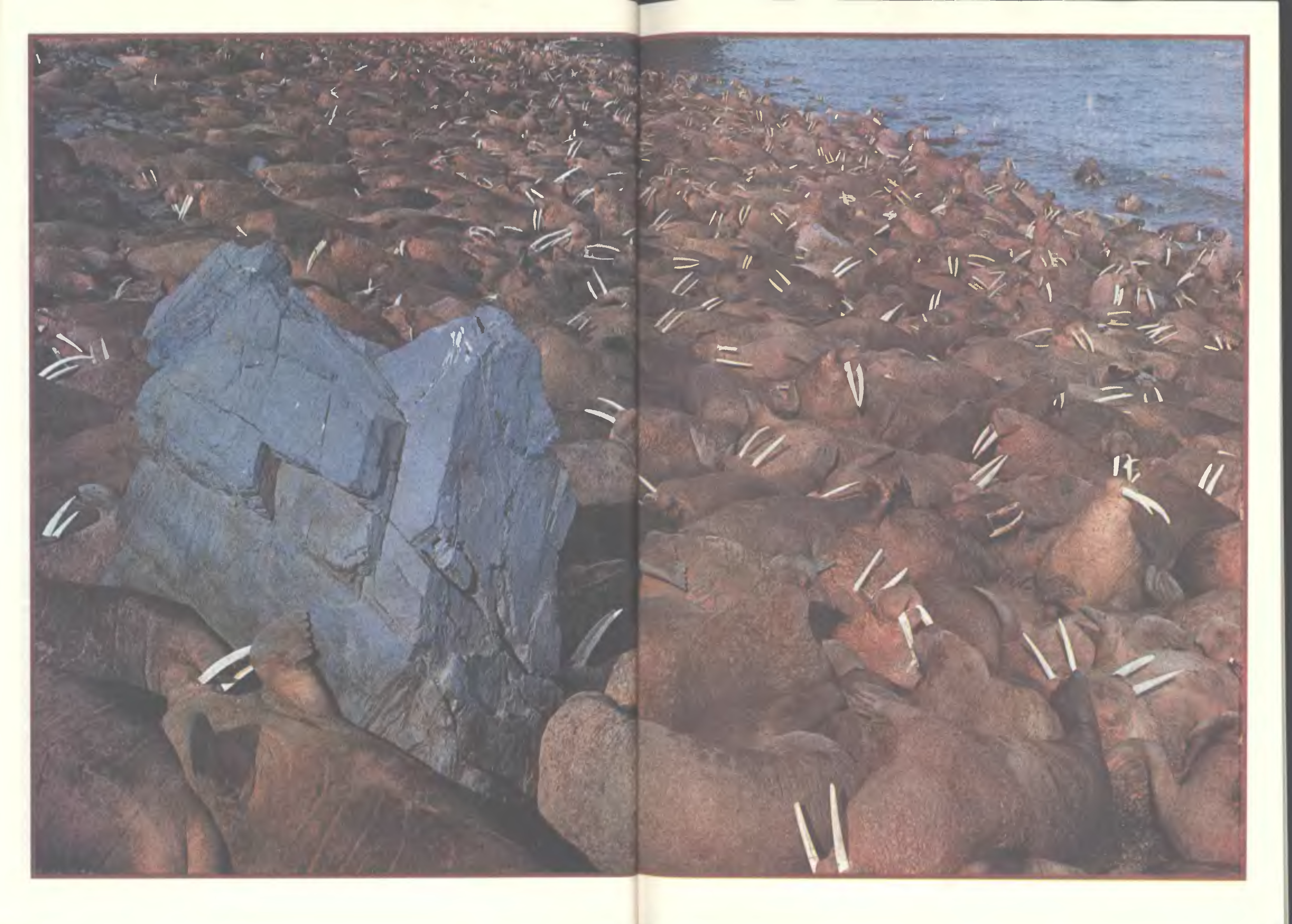
К сожалению, на пленуме ЦК комсомола о кардинальных переменах в детской жизни речи не было. Пионерскую организацию собираются «оживлять», омолаживать и так далее. Но как спасти то, что отжило свой век? Ведь изменились цели государства, меняется его внешняя и внутренняя политика. О какой полувоенной детской массовой организации может идти речь? Неужели мы по-прежнему будем воспитывать детей под барабанный бой и на «политбоях»? А может быть, остановив барабан, мы услышим что-то более нужное, что-то самое важное сейчас для наших детей?

ЗВЕРОБОИ

Фото Владимира СЕМИНА

Здесь, у меридиана, которым астрономы отделяют вчерашний день от сегодняшнего и где Евроазиатский материк почти касается Американского континента, на побережье ледовитых морей испокон веков обитают народы, чья жизнь и благополучие во многом зависят от удачи в морском промысле. От века в век водоплавающее зверье обеспечивало чукчей и эскимосов не только мясом, но и светом, одеждой, топливом, жильем. Даже байдары — морские лодки — шили раньше из моржовых шкур.

Машинная цивилизация явилась в эти суровые широты не только со светом электричества и алюминиевым блеском самолетных крыльев. Но и с гарпунными пушками, с гигантскими сетями, с многотысячетонными флотами, черпающими бесконтрольно из моря «ничейные» богатства. Результат печален. Сегодня моржи — огромные морские млекопитающие, основной объект промысла прибрежных народов Берингова моря, занесены в Красную книгу. И только здесь, и только для тех, кто по-прежнему живет у кромки ледовитых морей, существует этот безмерно трудный и древний промысел морского зверя.

НАРОД — ПОЭТ

В Нижнеиргинск Красноуфимского района я езжу много лет. Встречают приветливо:

— Ягодничать приехала?

Согласно киваю, хотя на самом деле не столько ягодничать, сколько послушать деревенскую речь.

Знакомая моя Лидия Ивановна Красноперова — дома. И вот после призрачной суеты дымного, шумного города эта ясная явь: тишина, парное молоко, блеяние овец, жаркое томное марево огорода. А там — мальвы, алые мальвы, воплощение деревенского лета. Да ради одного только этого слова «мальвы» — пряного, нежного, жеманного, как провинциальная барышня,— стоит сеять мальвы по русским огородам!

Июль на редкость жаркий: чуть не к сорока градусам. Клубники на Шипицинской сопке назрело видимо-невидимо. Идем с деревенскими бабами на гору. Корзинка наполняется быстро.

— У! Да ты уж дивно нашшолкáла! — Так и слышишь, как шелково шелкает клубничка, отрываясь от стебля.— Да ты сбирай внизу, а то вверху ее много, да она мелкая, что чешуя.

Грибы попались хоть и немудрящие — сыроежки,— подбираем и их.

— Летом пну, зимой в пирог загну.

Немало выразительных слов, поговорок, присказок еще живет и дышит по нашим деревням. Разговор двух баб:

— Ладно, внуки-то у тя кроткие.

— Кроткие, да уж начинали чéкать.

Кроткие! Мы уже и слоао-то это в городе позабыли, нам оно вроде и ни к чему...

Ведро, хорошие покосы, ягоды, грибы... А разговоры у нас с Лидой невеселые. Все те же, давние — об упадке русской деревни, о застое и падении нравов:

— Ноне одним днем люди живут.

И опять вспоминаем любимое Пантино, исчезнувшую деревню, что красовалась вблизи на косогоре; там сейчас только почерневшие остовы изб в бурьяне. «Исбесчестили деревню»,— так говорят здесь, бвспощадно и точно. Соседние деревни и села тоже в опасности: от них «покойником пахнет».

О деревнях, реках, лесах говорят как о живых, как о людях. Все больше тревожное. «Смеются над речкой!» — восклицает Евдокия Михайловна Балдина, возмущенная безграмотными манипуляциями с плотиной на реке Иргине. То откроют шлюзы и затопят берега, то закроют напрочь, так что речка превращается в полувысохший ручеек. Говорят, отлаживают плотину...

— Акуля, почто шьешь не оттуля? — Ак я еще пороть стану...— так комментирует ситуацию Лидия Красноперова. Ей пятьдесят, но сколько же пословиц знает она, старинных песен, прибауток! А еот дети ее пословиц уже не знают, и мало в их речи слов таких, что как «припечатают», так ничего и добавлять не надо.

— Что его слушать, зто же хлюст!

Хлестко, как удар хлыстом. «Хлюст» — значит лгун, лжец, враль, вралина, пустобай, пустоболт. Так определяет его диалектологический Словарь уральских говоров, выпускаемый Уральским университетом под редакцией профессора А. К. Матвеева.

По звучанию слово «хлюст» близко к глаголу «хлестать». Однако редкое для русского уха «ю» выводит слово в иной эмоциональный, интонационный пласт, придает оттенок выморочности, неестественности, ложной лихости.

Наряду с резким и знергичным словом «хлюст» в ходу и длинное слово «полыгало». Эмоциональная выразительность здесь достигается противоположными средствами: преувеличенной протяженностью звучания: о-ы-а-о. Это делает слово похожим на презрительную реплику, целое маленькое высказывание. Так ведь и в самой живой речи краткие выражения сменяются протяжными репликами, создавая интонационный рисунок, живой и гибкий. Народная речь отличается большой чуткостью к ритмике, и говорящий не преминет употребить то слово, которое не только ближе по смыслу, но и лучше подходит для ритмического завершения фразы.

Народ необычайно чувствителен к оттенкам звучания слова, одарен в отношении звукоорганизации языка. Народ — поэт.

Назавтра в Лидином доме несчастье. Когда муж возвращался с покоса на «лошадиных граблях», сзади наехал на него пьяный на мотоцикле. Володя упал на дорогу спиной, отшиб почки. Теперь в разгар летних работ лежит дома.

Беду Лида встречает с привычным деревенским стоицизмом, без оханий и причитаний. Идем с нею по хлеб в центр села и то и дело останавливаемся по дороге: все уже слыхали о происшествии, но хотят знать подробности. Лида рассказывает:

— Сижу я. Вот уж двенадцать, полпервого... Нету. Вдруг слышу: цок-цок-цок. Ну, думаю, приехал. Выхожу, смотрю: стоит лошадь, к забору привязана, вот эк-то понурилась... (Лида изображает понурость). Ак че же это?! Где он?! А потом в коляске-то на мотоцикле и везут...

Раз семь мы останавливаемся, и всякий раз Лида заново изображает зто «цок-цок-цок» — поразивший ее звук в ночной тишине среди тревожного ожидания. Огромную роль в этой живой и яркой новелле из нескольких фраз играет интонация — по сравнению с городской экстенсивная: голос так и летает вверх и вниз.

— Тут встъ припадочный. А во дворе-то его сосед живет, и зтот опять — алкаш. (Желчно и горько смеется). И вот он все над больным-то подфигуривал. Как-то дрова на дворе колет, а тот ходит, и алкаш-то все над им зубы моет. Вот он над им все подфигуривал, все подфигуривал, а тот подошел сзади да его ломом и охоботил.

Грешно, наверное, в таком драматическом рассказе (не по-людски живут люди!) примечать редкие диалектические слова. Но уж больно выразительны!

...Володя начал понемногу вставать. Стоит у печной заслонки, курит. Переживает — летняя страда, а мужик вышел из строя. Парень-то приходил извиняться, да из извинений шубу не сошьешь.

— Все пычишь, все пычишь,— недовольно бросает Лида.

Вот и еще одно словцо, созданное на основе звукоподражания: пых-пых.

Перебираем сельские новости, вспоминаем одну пантинскую старушку. Кто-то ошибочно объявил ее умершей.

— Да жива она, живехонька!

— Так не умерла?

— Не умирывала!

Не умирывала... Говорят: не слыхивала, не нашивала. Но умирать можно только раз, и употребленная форма глагола придает ему юмористическое звучание. Слово-юморвска.

Да уж, говорит моя знакомая — что сваха из свадебной песни, которую сама Лида мне и напела:

Она слово-то молвила —
Как каймочку раздернула,
Она друго-то молвила —
Мелкий бисер рассыпала,
Она третье-то молвила —
Весь мир изукрасила

Народная способность к словотворчеству изумляет. Евдокии Михайловне Балдиной за восемьдесят. Она выросла как раз в маленькой исчезнувшей деревеньке Пантино, так сказать, в локальной языковой среде, и, казалось бы, в таком возрасте должна закоснеть в языковых стереотипах. Ничего подобного! Каждое лето слышу от нее множество новых слов. Не всегда зто к лучшему. Так, вместо милого «бассенька» (она произносит мягко «бассенькя»), я теперь, к своему огорчению, слышу «красивенькя». А этим летом я вдруг услыхала от нее: «Смородины ныне до фига!» — и чуть не прыснула. Моя степенная тетя Дуся с ее старинными оборотами речи!

Разумеется, в деревне приходится не только радоваться. Язык беднеет, засоряется. Родная речь больна. Десятилетиями подтачивали ее выхолощенный, заштампованный язык псевдолитературы, унылые газетные трафареты, стерильный и бесцветный городской сленг, обескровленный штампами и канцеляризмами. Навязанные обществу процессы работали не в пользу народной речи. Исчезают деревни, а с ними и жизненный уклад, целые языковые гнезда разоряются и вымирают. Уходят живые носители языка.

Автор этих заметок далек от идеализации сарафанной России и меньше всего хотел бы видеть язык застывшим и неизменным. Тревогу вызывает не утрата устаревших слов, а оскудение словарного запаса, падение культуры речи, утрата высоких достоинств народного языка — сжатости и выразительности. Как тут не вспомнить уже знакомое: «Ноне одним днем люди живут...»

Да что же? Ведь и сами деревенские сплошь да рядом речи своей стыдятся, считая ее «второсортной» по сравнению с городской, которой они подражают. Особенно уезжая из села и торопясь заимствовать у города все его повадки. Так возникает искусственный, выморочный, мертвенный язык... Только осознав народное слово высочайшим национальным достоянием,— а с ним прямо связаны интеллектуальный потенциал и нравственное состояние общества,— можно бороться за неумирающее богатство родной речи.

Ольга ЩЕРБИНИНА
Свердловск

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ В ПАРТИЙНОМ ДОМЕ

Виктор ТРУШКОВ, руководитель кафедры Московской Высшей партийной школы

К сожалению, настроения пораженчества среди членов партии, как говорят, получили прописку. Самое убедительное тому свидетельство — готовность всерьез рассматривать вопрос о превращении массовой коммунистической партии в парламентскую. Думается, пораженчество для политической партии равнозначно самоубийству. Но, чтобы остаться массовой, партия должна четко определить: чья она, интересы каких «масс» выражает? Сегодня Устав определяет КПСС как «боевой испытанный авангард советского народа». В спокойную пору подобные расплывчатые определения терпимы, в пору обновления — вредны, ибо они не вскрывают, а скрывают политическую сущность партии.

В самом деле, что такое «народ»? Если все население, то в него входят не только рабочие, крестьяне, трудящаяся интеллигенция, но и дельцы теневой экономики и спекулянты всех мастей. И у всех единая партия? Абсурд! Можно, конечно, нуворишей и спекулянтов не включать в понятие «народ», ибо их интересы **анти**народны, о чем ярко свидетельствует массовое отношение к торгово-закупочным кооперативам. Но партии целесообразно в нынешнее строгое время пользоваться лишь строгими понятиями, одновременно недвусмысленно и публично противопоставляя себя всем нуворишам и спекулянтам. Значит, придется уточнить собственные границы: КПСС — партия союза рабочего класса со всеми трудящимися.

Думаю, вектор обновления партии — в отказе от рассуждений об интересах вообще, вообще народа, вообще государства, вообще общества и даже вообще социализма. КПСС должна выражать, защищать, проводить в жизнь интересы советских трудящихся, основу которых составляет индустриальный рабочий класс. В этом нет третирования ни крестьянства, ни трудовой интеллигенции. Они не менее рабочих заинтересованы в обществе людей труда, если хотите — в культе труда, единственно допустимом культе. Раздающиеся порою, как бы под видом перестройки, претензии выражать в равной мере интересы всего населения, всех производителей на практике обычно связаны со стремлением скрыть корпоративные интересы либо дельцов теневой экономики, либо государственно-бюрократического аппарата (подобных его представителей В. И. Ленин презрительно называл «совбурами»), либо пристроившихся к перестройке политиканоа и выдать эти корпоративные интересы за общенародные.

Это уточнение не игра в слова. Партия может защищать интересы трудящихся, лишь **организуя** трудящихся. Значит, поле ее деятельности не столько парламенты, сколько трудовые коллективы. Парламентская партия может ориентироваться лишь «на территорию», ибо всеобщее избирательное право реализуется прежде всего через территориальные округа (это не исключает возможности и производственных округов). Для коммунистов интересы «территории» — это тоже интересы трудящихся и их коллективов. Поэтому, с одной стороны, возможен «двойной учет», с другой — недопустимо пренебрежение партячеек трудовых коллективов работой на «территории».

Заботясь об интересах трудящихся, КПСС предстоит провести придирчивую и тщательную инвентаризацию всего партийного хозяйства. Все, что для политической работы сегодня необязательно, все, что может выглядеть как излишество, должно быть перепрофилировано по инициативе самой партии. Например, интересны задумки мордовских партийцев, которые, потеснив Дом политического просвещения, создают на частично освободившихся его площадях центр художественного воспитания детей. Кстати, в том же Саранске стоило бы подумать и о более рациональном использовании здания обкома партии. И не только в Саранске. Речь идет не о монашеском аскетизме, но о тщательной ликвидации излишеств.

В стране идет интенсивная либерализация общества. Надо видеть, что ее направленность не во всем совпадает с социалистической демократизацией. Либерализация ориентируется на равноправие индивидов в формировании представительных органов власти. У демократизации более серьезные цели — обеспечить участие трудящихся в повседневном управлении общественными делами. Этот процесс в жизни идет трудно. Прорыв в нем может осуществить только КПСС, обеспечив демократизацию внутрипартийной жизни.

Демократизация норм Устава, возвращение от бюрократического централизма к демократическому — это лишь одно из направлений прорыва. Важнейшей предпосылкой и результатом обновления КПСС должно стать преодоление отчуждения многих партийцев от партии. Но есть еще два направления главного удара. Прежде всего я имею в виду определение границ компетенции различных уровней парторганизаций. Хватит изрекать призывы к самостоятельности и инициативе первичек и комитетов. Надо создавать условия для них. Каков круг вопросов первичной, которые, кроме нее и за нее никто не решит? Его надо очертить срочно. А какой круг компетенции районной парторганизации, областной, республиканской? Нужны точные ответы.

При чем здесь демократия? Да при том, что в рамках компетенции руководящая роль будет принадлежать соответствующему выборному партийному комитету и никому более. Аппарат при этом лишь выполняет волю своего комитета. При таком подходе разрушится иерархия аппаратов, которую вынужденно заменят взаимоотношения самих парторганизаций и их выборных комитетов. В определении же структуры аппарата и его состава соответствующие комитеты должны быть суверенны.

И еще. К направлениям главного удара перестройки партии я бы отнес повышение роли выборных партийных комитетов, для чего необходима не только отмена властных функций аппарата, но и существенное сокращение делегирования функций партийных комитетов их бюро. Вероятно, в первую очередь это относится к делегированию функций Центрального Комитета партии его Политическому бюро и Секретариату. Пора и в этой сфере преодолеть традиции сталинщины. Формально выполнив ленинский наказ об увеличении числа членов ЦК, Сталин, по существу, его тут же нарушил. Произошло не расширение круга видных партийцев, а их... сужение. Все основные прежние функции ЦК оказались сосредоточенными в Политбюро. Между тем принципиальные вопросы управления могут быть только в руках всего партийного комитета.

Демократизация внутрипартийной жизни способна повысить авторитет партии и через формирование и выдвижение партией ярких политических лидеров. Авторитет кресел себя исчерпал, нужен авторитет личностей. Качество партийных лидеров, открытых всем трудящимся, подсудных им, известных массам каждым нюансом своей политической позиции,— один из важнейших резервов наступательности КПСС во имя социализма.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

— Вы упрекаете в консерватизме других, но согласитесь, Борис Николаевич, вы сами тоже не святой. Один из зарубежных философов считает, что раз, мол, Ельцин — порождение системы, старый партиец, он не может правильно понимать демократию...

— Да, действительно, я — порождение того периода, в котором работал. Человек со всеми недостатками административно-командной системы, которая существовала. Недостатки системы, как это ни странно, я стал понимать, начав работать в Политбюро.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЕЛЬЦИН

Известный общественный деятель, народный депутат СССР, председатель Комитета Верховного Совета СССР по вопросам строительства и архитектуры — собеседник обозревателя журнала «Родина» Юрия МАКАРЦЕВА

I. СЛУХИ, ТОЛКИ, ЛЕГЕНДЫ ВОКРУГ ИМЕНИ ЕЛЬЦИНА. УТОЧНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

— Борис Николаевич! Ваши суждения, оценки, высказывания нередко доходят до нас с Запада. По моим наблюдениям, вы больше публикуетесь в местной и региональной печати, нежели в центральной. Получается так: все кругом говорят о Ельцине, а его системы взглядов мы толком не знаем. Чем это объясняется? Занятостью? Тем, что корреспонденты главных изданий страны обходят вас стороной? Или вы обижены на центральную прессу?

— Нет, не обижен. Приоритет, безусловно,— нашим средствам массовой информации, здесь нет никакого вопроса. И никаких обид. А если действительно получается, что я больше выступаю в западной прессе, так это сложилось после известных событий, связанных с октябрьским (1987 года) Пленумом ЦК КПСС, когда нашим средствам массовой информации сказали: на фамилию Ельцина наложить табу. Понимаете? Потом, праада, когда меня избрали народным депутатом СССР, стало свободнее... Избрали председателем Комитета по вопросам строительства и архитектуры, я стал членом Президиума Верховного Совета СССР — ну, тут, кажется, ограничений вообще не должно быть. И стали поступать предложения от многих редакций. У меня брали интервью «Известия», «Строительная газета», не один раз — «Комсомольская правда». Постоянно обращаются ко мне ленинградское телевидение и ленинградская газета «Смена».

Понимаете, как бывает... Приходит корреспондент, договаривается об интервью. Я, допустим, даю согласие. Но спрашиваю: «А вы уверены, что напечатают?» Журналист не уверен.

Полтора месяца тому назад корреспондентка газеты «Семья» Мария Решетникова подготовила материал. Получилось симпатичное интервью, ну, таков оно, знаете, я бы сказал, вне моего амплуа. Политики совсем немного, в основном житейские, человеческие, бытовые дела. Однако в редакции Решетниковой сказали: печатать не будем. Маша оказалась человеком принципиальным, из газеты ушла.

Или «Аргументы и факты». Мы добросовестно с корреспондентом работали. Потом, когда я болел, журналист заглянул ко мне домой, мы с ним совместно выправили гранки. На следующий день — совещание в ЦК. Редактор уже не рискнул ставить материал.

Ситуация, впрочем, меняется. Главный редактор «Семьи» Абрамов извинился и предложил: давайте, мол, возобновим отношения. Но теперь я уже не хочу корреспондентов подводить. Я говорю так: «Давайте! Но только печатайте в полном объеме. С купюрами — не согласен».

— Вокруг вашего имени — толки и кривотолки, слухи, легенды, политические измышления. Людей, в частности, продолжают интересовать некоторые обстоятельства вашей поездки в Америку. В сообщениях западных радиостанций промелькнул такой факт: «Ельцин подписал полумиллионный контракт на издание своей книги». Что же это будет: мемуары, политический трактат или чтиво для всех и каждого? Увидит ли книгу советский читатель?

— В США никакого контракта я не подписывал. Ни с одним американским издательством. Я действую через юриста. Это первое. Однако верно и то, что ко мне действительно обратились с просьбой — написать нечто по моему усмотрению. Вещь должна быть частично автобиографического характера, но упор, конечно, на последние годы. Взгляд на то, что происходило в нашей стране последние 4—5 лет, когда я был в составе Политбюро, работал первым секретарем Московского горкома партии, еще раньше — первым в Свердловском обкоме КПСС. Мой взгляд на часть наших кадров, нашу элиту.

Я занимаюсь книгой, наговариваю ее на диктофон. Подвигается тяжело, поскольку времени не хватает. Работаю упорно по воскресеньям. А как там получится, не знаю. Если получится — я это оговорил в документах — весь гонорар пойдет на борьбу со СПИДом в СССР.

— Мы не были, Борис Николаевич, с вами в аудиториях, где вы отвечали на вопросы американцев, не слышали ответов. Однако кое-что из того, что дошло до нас в русском переводе, требует пояснений. Что вы, допустим, имели в виду, когда высказывали зарубежным слушателям предположение, будто через год М. С. Горбачев «не останется на своем посту». Дома нам, несмотря на всю остроту социально-экономической обстановки, так не кажется...

— Интерпретация или перевод не точны... Идет пятый год перестройки, и люди начинают понемножку уставать и терять веру в партию и руководство. Так беспредельно продолжаться не может. Вот уже и «первые ласточки» в образе шахтерских забастовок и межнациональных конфликтов. Если не произойдет — а пока не произошло — реальных сдвигов в повышении уровня жизни населения, то через год — это мое предположение — начнется мощное движение снизу. То есть перестройка, которая задумывалась как революция сверху, превратится в движение снизу. Вот о чем шел разговор в Америке.

Горбачев был инициатором перестройки, хотя, как мне кажется, потом он допустил ряд тактических ошибок и, может быть, несколько иссяк по идеям. В Америке я везде говорил, что стратегический курс Горбачева на перестройку в целом поддерживаю. Хотя тактически, повторяю, у меня другое мнение о реализации перестройки в нашей стране.

— На пресс-конференциях вы говорили буквально следующее: «Горбачеву надо избавиться от представителей консервативного крыла в руководстве. Вывести из Политбюро Лигачева, Чебрикова, Воротникова, Щербицкого, Зайкова». Но особое внимание за океаном вы уделили одной фигуре. Газета «Дейли телеграф» даже написала: «Кроме того, многие из тех, кто обычно не считает для себя необходимым выступать в защиту Лигачева, должны были почувствовать неприятный осадок от слов, которые употребил Ельцин в своих нападках на него. Это служит слишком неприятным напоминанием о прежних временах». Надо ли это понимать так, что вы, Борис Николаевич, считаете Е. К. Лигачева одним из главных своих политических оппонентов?

— Лигачев первым употребил это слово по отношению ко мне. Это он первый начал нападки, сначала на Политбюро, потом на XIX партконференции — выступление его вы прекрасно помните. Мне пришлось защищаться.

Я считаю, что Лигачев сейчас олицетворяет силы аппарата. Понимаете? И в прошлой предвыборной кампании, и в предстоящей — перед выборами в республиканские, местные Советы — опять предстоит жесткая борьба избирателей. кандидатов в депутаты с аппаратом. А его олицетворяет Лигачев.

Личных антипатий, неприязни к Лигачеву я не испытываю. Я исхожу лишь из интересов дела, нашей страны, нашего народа и партии, конечно. Она явно отстает от демократизации всего общества. Об этом я говорил два с половиной года назад. Меня били. А сейчас уже Горбачев признается: да, партия где-то «отстала от общества». Два с половиной года назад мер не приняли. А надо было уже тогда начинать перестройку политической системы общества — тогда бы партия авторитета не потеряла. Шла бы впереди перестройки.

— Вы упрекаете в консерватизме других, но согласитесь, Борис Николаевич, вы сами тоже не святой. Один из зарубежных философов считает, что раз, мол, Ельцин — порождение системы, старый партиец, он не может правильно понимать демократию. На посту первого секретаря Московского горкома партии он пытался наводить порядок сугубо административными методами. А теперь, дескать, Ельцин добивается единомыслия в межрегиональной депутатской группе. Вы часто меняете свои взгляды? У вас бывают ошибки?

— Да, действительно, я порождение того периода, в котором работал. Человек со всеми недостатками административно-командной системы, которая существовала. Недостатки системы, как это ни странно, я стал понимать, начав работать в Политбюро. Я остро ощутил социальную несправедливость и социальное расслоение, увидел разные уровни жизни. 48 миллионов человек в нашей стране находятся за чертой бедности, в то время как другие купаются в роскоши. Находясь в составе Политбюро я решил для себя, что это недопустимо. Надо что-то делать. Так складывалась моя позиция, и ее я не меняю по крайней мере последние пять лет.

Есть у меня, конечно, и ошибки, я не отрицаю. Были они у меня и в Свердловске, и в Москве. В нашей столице сложилась непростая ситуация. Москва, оставаясь многие годы под руководством Гришина, захирела, просто «заржавела». Чтобы запустить гигантский маховик и придать ему хоть какую-то инерцию, требовалось немало усилий. Ну и приходилось действительно пользоваться командно-административными методами, я не отрицаю. В борьбе с мафией — довольно жесткими методами. Но чуть-чуть этот ржавый маховик тронулся, дальше он уже станет наращивать обороты сам. Постепенно, постепенно, и его трудно будет остановить...

— До сих пор на слуху у людей, Борис Николаевич, также инцидент из вашей личной жизни, случившийся на Успенских дачах и оглашенный публично на сессии Верховного Совета СССР. Тогда же, в октябре, в вашем личном «Заявлении для печати и других средств массовой информации» вы расценили эту историю как «ноаый политический фарс», как факт «травли» и попытку переноса екцентов «с методов политической борьбы на безнравственные, беспринципные методы уничтожения оппонентов». Крутое заявление. Когда я ознакомился с листовкой за вашей подписью, подумалось: вероятно, Ельцин больше не собирается подавать Горбачеву руки... Вы в политике не первый день — почему такая вспышка эмоций?

— Я понял вопрос. Придется вернуться к событиям 1987 года, история началась тогда, она длится по сей день. Почему я говорил о травле? Выдержать столько нокаутов и столько нокдаунов, сколько довелось мне, для одного человека тяжело. Я лежал в больнице, в реанимации. Меня накачали лекарствами, вытащили на пленум, чтобы снять с работы. Как это расценивать? Сколько на московском пленуме на меня было вылито грязи — читать об этом сегодня неудобно, в том числе, думаю, и Горбачеву. А потом была XIX партконференция. Кто организовывал все эти выступления против меня?!

Приближаются новые выборы. Не известно, где и куда я буду на них выдвигаться. Вот и подогреваются вокруг меня страсти.

А в отношении того, подам ли я руку Горбачеву...

Я несколько раз делал попытку протянуть ему руку. Одна из последних была предпринята накануне первого Съезда народных депутатов, когда мы встретились с Горбачевым и беседовали около полутора часов. Беседовали по делу, в основном по тем вопросам, где у нас разные точки зрения или мы по-разному смотрим на решение проблем нашей страны, перестройки.

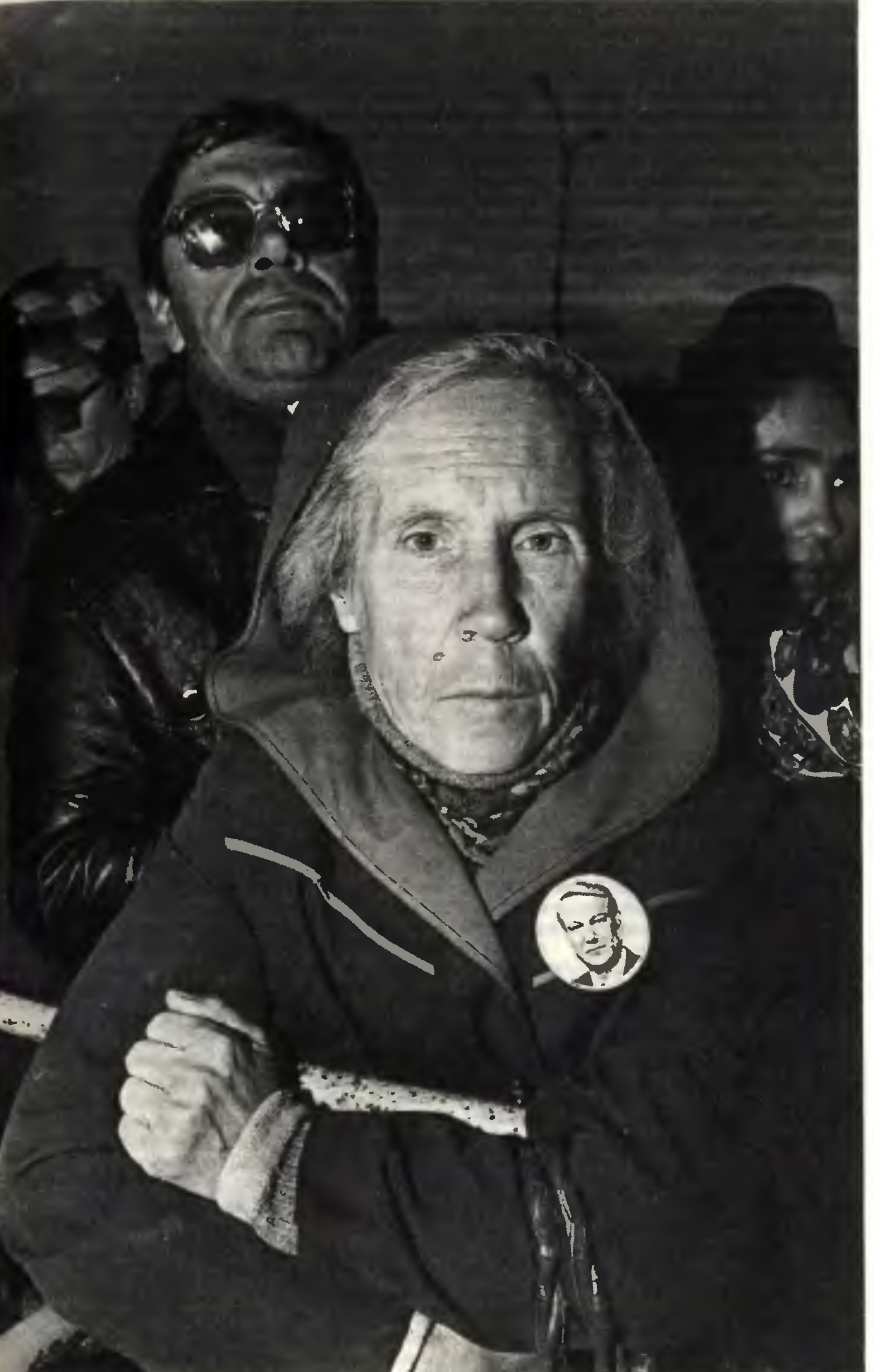

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

В чем-то согласились. Но в большей степени не согласились друг с другом. Как я уяснил для себя, он тоже понимает, что, если бы у нас был союз, перестройка от этого только бы выиграла. Я-то согласен. А вот ему или мешают сделать такой шаг, или он по каким-то причинам не видит в этом смысла — судить трудно.

Я старался аккуратно обходиться с его именем, когда был в Америке. Я всегда говорил, что в целом линию Горбачева поддерживаю. Считаю, что он — лидер. Но зачем, скажите, было обсуждать инцидент из моей личной жизни на сессии? Что, мало в стране проблем? При межнациональных столкновениях льется кровь, экономика в упадке, кризис в финансах, в социальной сфере. Нет, еще стенограмму в «Известиях» напечатали — как будто это важнейший вопрос в государстве.

Может быть, все это делается для того, чтобы отвлечь внимание людей от настоящих бед? Ведь у нас не хватает одного, второго, третьего. Или хотят дискредитировать меня в глазах избирателей? Тем не менее я ни в коем случае не говорю, что не поддерживаю Горбачева в перестройке, его стратегической линии, в вопросах демократизации, гласности.

— Одно время в Москве ходили слухи, будто накануне первого Съезда народных депутатов вам, Борис Николаевич, предлагалась должность одного из заместителей Н. И. Рыжкова, вроде бы вас снова звали на высокий партийный пост. Звали?

— Нет.

— Хотели бы вы снова войти в Политбюро?

— Мне предлагался пост, который я и занял. То есть председателя Комитета Верховного Совета по вопросам строительства и архитектуры. В отношении того, хотел бы я снова попасть в Политбюро или нет. Что значит: хотел — не хотел? В нынешнем его составе — нет. Я считаю, этот состав вряд ли сумеет «вытащить» перестройку. Нужно серьезное и мощное интеллектуальное обновление.

— Однако, когда вас, Борис Николаевич, в Америке спрашивали, желаете ли вы занять пост президента страны, по-моему, вы апеллировали к воле народа...

— Не может существовать несколько правд — одна, вторая, третья. Что я здесь говорю, то и там говорил. Подобные вопросы мне задают избиратели, а с ними я встречаюсь каждую пятницу. Я отвечаю так: «Не провоцируйте меня!» В Америке я отвечал так же.

II. ВЛАСТЬ И ЕЕ СОИСКАТЕЛИ. ОТЧЕГО МНОГО ШУМА В ГОСУДАРСТВЕ

— Вы, Борис Николаевич, ссылались на события 1987 года. Давайте тогда вспомним, что вы заявили на пленуме Московского горкома: «Я должен сказать, что я верю, убежден попартийному абсолютно твердо, в генеральную линию партии и в решения XXVII съезда. Я абсолютно убежден в перестройке и в том, что, как бы она трудно ни шла, она все равно победит... И любой мой поступок, который будет противоречить этому моему заявлению, конечно, должен привести к исключению из партии». Видимо, Борис Николаевич, за два прошедших года произошла эволюция ваших взглядов на партию?

— «Исключение из партии»? Такого не было, нет. В стенограмме такого нет.

— Я цитирую «Московскую правду» от 13 ноября 1987 года. Номер газеты у меня с собой. Показать?

— Газета?.. Может быть. Тут я должен повторить, что меня привезли на пленум все-таки больным. Я не мог встать, меня накачали таблетками...

— В данном случае, Борис Николаевич, интересно услышать от вас вот что. В той же Америке вы не раз повторяли: «Я считаю, что словосочетание «партия и власть» — несовместимое сочетание. Я считаю, что шестую статью Конституции надо или убрать вообще, или серьезно модернизировать». Так какое же место, на ваш взгляд, должна занять партия в нашем быстро меняющемся обществе?

— Так ведь я об этом говорил, представляя избирателям свою предвыборную программу: партия должна отдать власть высшему органу власти в стране — Съезду народных депутатов и быть ему подотчетной. Как и в любом другом цивилизованном государстве, она должна действовать в рамках закона. Или закона об общественных организациях, если партия хочет считаться общественной организацией — так, впрочем, и произошло на прошлых выборах. Или в рамках закона о партии. В правовом государстве любая организация обязана действовать в рамках закона. Нарушила партия или кто-то еще закон — будьте добры: отчитайтесь Съезду народных депутатов, почему так случилось.

— Невооруженным глазом видно, что в стране, в центре и на местах, идет борьба за перераспределение власти. «Вся власть — Советам!» — пока лозунг, а не реальность. Зато ряд соискателей и претендентов, подбирающихся к механизму власти, отчетливо зрим: бюрократия, отрасли, республики, традиционные общественные организации и неформальные объединения. Наконец, сепаратисты, националисты, конформисты... Кто-то в том же ключе рассматривает и образование в рамках Верховного Совета межрегиональной группы, объединяющей многих народных депутатов. Кто-то считает это демаршем против М. С. Горбачева в ответ на его призыв к консолидации сил общества. На Западе эту группу называют прообразом оппозиционной партии, а вас, Борис Николаевич, считают вместе с А. Д. Сахаровым одним из ее руководителей. В чем смысл образования межрегиональной группы? Какие у нее цели?

— Мне понравилась опубликованная в одном из номеров «Юности» статья Станкевича с заголовком «Там, где начинается единство, там заканчивается парламент». Мысль такова: парламентаризм включает в себя разнообразие мнений, существование различных точек зрения. Наша межрегиональная депутатская группа — конституционное образование. У нее нет претензий на какую-то особую роль, это отнюдь не параллельно действующий Верховный Совет — ни в коем случае.

Мы хотим, чтобы межрегиональная группа имела свой официальный статус. Пока его нет, и это у всех вызывает беспокойство, в том числе и у товарища Горбачева. Я допускаю, что его ход мыслей таков: а не перерастет ли группа в оппозиционную партию? У нас таких мыслей нет.

Наша цель — выбор и выработка альтернативных предложений, проектов законов, поправок и так далее. Сопоставление различных точек зрения будет способствовать принятию на Верховном Совете и на Съезде народных депутатов более качественных и прогрессивных законов. Других целей, допустим, превратиться в партию, группа перед собой не ставит. Мне кажется, Горбачев беспокоится зря.

— Однако, Борис Николаевич, мы с вами, находясь в зале заседаний второй сессии Верховного Совета, слышали выступление А. Д. Сахарова и его предупреждение: «Фактически в нашей стране возникает уже многопартийная система». Впрочем, эту тему «жмут» сегодня многие — какая тут у вас точка зрения?

— Слова «оппозиция» мы пока не применяем. Я выступал на межрегиональной группе перед сессией. В ответ на упреки многих, дескать, почему я четко не заявляю о том, что мы оппозиция, я возразил: не надо этого делать, зачем? Мы только насторожим руководство, отпугнем депутатов. У нас и в платформе группы слово «оппозиция» отсутствует. Нет его и в официальных документах.

Свое отношение к многопартийности я тоже уже высказывал. Вопрос в обществе зреет, об этом кругом говорят. Так давайте полемизировать в открытую, а не проводить страусиную политику. Прежде за народ решала группа людей. Или вождь. Он мыслит, а всем остальным иметь свое мнение не полагается. Пусть теперь народ сам решает. Так и у себя на межрегиональной группе мы пришли к выводу: не надо нам одного лидера в руководстве. У нас пятеро сопредседателей с равными правами.

— Западные специалисты, наблюдая за ходом нашей перестройки, удивляются: дескать, в СССР процессы, связанные с совершенствованием надстройки, опережают развитие базиса. У них-то самих, в развитых странах Запада, экономика работает четко, как часы, и потому общество терпимо к любым формам выражения демократии, даже к самым крайним. Наши люди устают от дискуссий, ведь от этого товаров в магазинах не прибавляется, очереди не исчезают. Устает от советов слева и справа правительство. Уже Л. И. Абалкин взмолился: не мешайте! Когда вы, Борис Николаевич, говорите о том, что перестройка идет медленно, как именно надо понимать ваше «нетерпение»?

— Надо понимать так: мы потеряли четыре года, мы серьезно ошиблись в тактике перестройки и особенно — в продвижении экономической реформы. Я предлагал приостановить пятилетку, закончить ее, допустим, 1987 годом. Сразу принять пакет из семи-восьми законов, без которых реформа не могла двигаться вперед. О собственности, о земле и землепользовании, об аренде и арендных отношениях. О социалистическом предприятии — этот закон хотя и был принят в числе первых, но, увы, с большими ошибками. Я предлагал также сосредоточить усилия в первую очередь на вопросах, связанных с благосостоянием и уровнем жизни народа, продовольствием, товарами. К большому сожалению, мы потеряли время...

— Закон о собственности — действительно ключевой. Самое больное его место — как это обнаружили дискуссии в парламенте — допускать нам частную собственность или нет. А вы, Борис Николаевич, как? Вероятно, не видите ничего дурного в том, чтобы продавать землю частным лицам, даже представителям капиталистических фирм. Кажется, вы об этом где-то говорили. А вдруг землю скупят наши домашние и зарубежные миллионеры?

— Нет. В отношении продажи земли лицам из капстран — я об этом не говорил. Я говорил о том, чтобы сдавать им землю в аренду. У нас в стране плохо с белком. Десятилетиями каждый год мы покупаем за рубежом миллионы тонн зерна, в том числе кукурузу, сою. Нам сои не хватает в качестве белка для детского питания, а в основном — белка для мясного и молочного животноводства. А в Америке есть крупные специалисты, они получают высокие урожаи и решают вопрос производства белка в комплексе. Почему бы не отдать им в аренду на двадцать лет миллион гектаров пустующих у нас, брошенных земель? Когда я высказал такое предложение (конечно, от своего имени, поездка в США была частная), американцы проявили к идее интерес. Аренда — да, но ни в коем случае не продажа земли. Это я исключаю.

А вот что касается права на частную собственность для наших граждан, этого, я считаю, пугаться не стоит. Другое дело, что ее доля среди других форм собственности не должна достигать, допустим, 80 или 90 процентов. Но если пять, шесть, десять процентов — тогда что, социалистического государства уже не будет? Колхоз хорошо работает — пусть работает и дальше. Но если крестьянин хочет владеть землей, надо ему ее дать — продать или предложить в аренду.

— Борис Николаевич! Некоторые журналисты считают, что вы, выступая на митингах и с высоких трибун, по-прежнему делаете ставку на «логику отрицания». Предупреждая о трагизме свалившегося на страну кризиса, сами при этом не выдвигаете конструктивной программы оздоровления общества. Так это или не так?

— Не так. Моя программа была выдвинута перед выборами, и серьезная программа: политическая, социальная, экономическая. Сейчас она еще больше обогатилась.

У нас существует склонность к эйфории, мы начинаем все разводить розовой водичкой. Так, собственно, мы начинали. Перестройка — вглубь! Перестройка — вширь! А результатов-то никаких. Об этом я предупреждал, выступая на Политбюро: не надо обольщаться! Вот кто хорошо сработал на первом этапе, так это средства массовой информации. Не надо и сегодня бояться критического настроя, он только мобилизует. А в панику народ впадает из-за того, что на прилавках пусто.

Подобное мнение у меня сложилось давно. Если посмотреть мои выступления того времени, когда я работал первым секретарем Свердловского обкома партии, в них вы тоже обнаружите процентов на 70—80 критику. Конечно, в любом выступлении должна быть и конструктивная, позитивная часть. Без этого нельзя. Иначе получается разрушение. Посмотрите, бюрократический слой, аппарат не сдают своих позиций. Выходит, критикуются мало.

— Наверное, вы знаете: некоторые буржуазные органы массовой информации отмечали, что в своей политике вы подыгрываете массам, народу и тем самым укрепляете свой авторитет политического деятеля. Как вы относитесь к обвинениям такого рода, дескать, Ельцин следует тактике популистов?

— Как бы меня ни называли, популистом или кем-то еще, главное, я полагаю,— позиция. А моя позиция остается твердой. Популист — я не считаю это слово ругательным. Как раз многим руководителям не хватает связи с массами, они не знают, как к этой проблеме подступиться. Прежде бытовали уличные, сельские сходы, были популярны митинги. Почему бы не выйти на митинг в Лужниках, где собирается до 100 тысяч человек, члену Политбюро или самому Горбачеву? Почему бы не поговорить с людьми? Разве это популизм? На митингах остро чувствуешь, что принимают избиратели, а что им не нравится. Это сильно влияет на депутата, способствует формированию его позиции.

— Вы всегда говорили правду? В 1979 году в Свердловске случилась загадочная и вместе с тем трагическая история. Ядовитые выбросы одного из предприятий привели к гибели десятков людей. Однако в официальной версии это получило другое объяснение — вспышка сибирской язвы. Впрочем, все это вы знаете лучше меня: в ту пору, вы, Борис Николаевич, были в Свердловске первым лицом...

— Абсолютно честно, о существовании предприятия я ничего не знал. Когда случилась беда, я не понимал, что и откуда берется. Из Москвы приехала авторитетная комиссия, в составе которой находился даже заместитель председателя КГБ СССР. Нам доложили: дескать, в результате раскопок могильников в городе распространилась опасная инфекция. И все-таки на душе у меня было неспокойно: что-то тут не так. Позже я приехал в Москву к Ю. В. Андропову, когда он занимал пост Генерального секретаря ЦК КПСС. «Юрий Владимирович,— говорю.— Помогите разобраться». Андропов при мне позвонил министру обороны Д. Ф. Устинову. Сказал, мол, убирай свое «хозяйство» из Свердловска. Тот ответил: есть. После этого у меня появились более серьезные сомнения по части выводов комиссии.

III. ПОЛИТИК В ДОМАШНЕМ КОСТЮМЕ

— Борис Николаевич, широко известно, что вы противник привилегий для должностных лиц, выступаете за их отмену. Однако историк, народный депутат СССР Рой Медведев в интервью итальянской газете «Унита» (в перепечатке «Собеседника») представля-

АНКЕТА «РОДИНЫ»

В девятом номере нашего журнала читателям было предложено ответить на серию вопросов социологической анкеты. В редакцию поступило несколько тысяч заполненных анкет, которые сейчас обрабатываются, и в ближайших выпусках журнала результаты опроса будут опубликованы. Ответы эти показали, что наибольший интерес и своего рода дискуссию вызвали вопросы, касающиеся нашей истории, прошлого страны. Поэтому представляется целесообразным продолжить исследование мнений, затрагивающих данный круг проблем. Просьба к читателям пометить в анкете те пункты, которые отвечают их точке зрения на задаваемые вопросы, а затем, вырезав текст анкеты, переслать его в редакцию.

1. Укажите, пожалуйста, ваши:

Пол______________________
Возраст__________________
Национальность___________
Образование______________
Профессию________________
Партийность (участие в других, неформальных, организациях)________

2. В нашей истории было немало и великих, и трагических страниц. С какими мнениями об этих последних вы согласны?

— 2.1. В нашем прошлом (и далеком, и близком) были в основном насилия, преступления, произвол, невежество, отсталость: его надо раз и навсегда осудить, забыть и строить жизнь заново, так, как того требуют потребности сегодняшнего и завтрашнего дня.

— 2.2. Конечно, в минувшем нашей родины было немало всякого, в том числе и дурного; однако в целом вся это история великого народа — ее следует изучать, знать, помнить и с открытыми глазами использовать ее уроки в нынешней жизни.

— 2.3. Историю своей страны следует принимать такой, какая она есть.

— 2.4. Мы слишком долго восхищались историческими заслугами нашей страны; теперь же настала пора сконцентрировать внимание народа на самых мрачных и нелицеприятных фактах из ее прошлого, ознакомить с ними всех и каждого.

— 2.5. Другое мнение (какое, обоснуйте)________

3. Если бы вы жили во времена революции и гражданской войны, как бы повели себя вы в тех обстоятельствах?

— 3.1. Приняли бы активное участие в событиях, встав на сторону большевиков.

— 3.2. Скорее стали бы помогать Временному правительству.

— 3.3. Были бы со сторонниками монархии.

— 3.4. Во время гражданской войны встали бы в ряды красных.

— 3.5. Присоединились бы к белым.

— 3.6. Пошли бы за национальными движениями (петлюровцами, дашнаками, мусаватистами и пр.).

— 3.7. Вам были бы ближе идеи и дей-

ет вес совсем другим человеком. «Каждый день я вижу, как Ельцин возвращается домой на «Чайке», которая ему положена как члену ЦК». Так вы против каких привилегий и почему?

— Я против любых привилегий. Однако не надо путать их со льготами — допустим, для шахтеров, для людей, работающих на Крайнем Севере. Льготы определяются законом. При этом существуют привилегии, ни на каком законе не основанные. Кто-то когда-то их придумал, так и идет...

Это ложь, будто я езжу на «Чайке». Да, я читал... О Рое Медведеве прежде я был очень высокого мнения, сейчас понял: он не всегда в ладу со своей совестью. Он мог бы поточнее проверить факты и убедиться — «Чайкой» я не пользуюсь.

Нередко, добираясь до работы, я езжу общественным транспортом. Сажусь у Белорусского вокзала на троллейбус под номером 20 или 12. Привык. Нет, я не утверждаю, что отказался от служебного транспорта вообще. Иногда я вызываю «Волгу». Полагаю, что в принципе вопрос со служебным транспортом надо решать так, как это принято в цивилизованном мире. Или ты плати за машину, или води ее сам и тогда плати за ремонт, бензин...

— Считаете ли вы себя выходцем из народа? Кто ваши родители?

— В моей родословной все поколения — крестьяне. Родился я в селе Бутка Талицкого района Свердловской области. Когда у нас сдохла последняя коровенка, мы начали голодать. В 1935 году вся наша большая семья, побросав барахлишко в телегу, запряглась в нее и — в путь. А до железнодорожной станции 32 километра. Куда мы собрались? Мой папа, Николай Игнатьевич Ельцин, завербовался на строительство Березниковского калийного комбината.

Отец умер, а мама, ее зовут Клавдия Васильевна, жива.

— Велика ли у вас, Борис Николаевич, семья? Вы женились по любви?

— У меня две дочери, соответственно два зятя, две внучки и один внук — Боря Ельцин. Жена, как и я, оканчивала строительный факультет Уральского политехнического института. Вместе учились, как говорят в народе, хороводились, полюбили друг друга. И все-таки, получив дипломы, мы договорились на некоторое время разъехаться — в места назначения молодых специалистов. Меня оставили в Свердловске, ее распределили в Оренбург. Мы решили: год не видимся. Останутся наши чувства или нет? Действительно, через год созвонились, встретились на нейтральной территории — в Куйбышеве. Оказалось, наши чувства не остыли, я забрал ее в Свердловск.

— Быт у вас, Борис Николаевич, тяжелый. Мы помним, прежде должностные лица высокого ранга берегли своих жен. Вместо них, как водилось, по магазинам или по рынкам мотался персональный шофер начальника. Вам знакомо это явление?

— Терпеть не могу!.. У нас в семье за продуктами обычно ходит жена или кто-то из членов семьи. Иногда, если есть время, за пропитанием отправляюсь сам. Тяжело с продуктами, москвичей нетрудно понять.

Сейчас я состою на учете в районной поликлинике. Как-то простудился, температура 39. Участковый врач выписала рецепт, но попробуй купи лекарство. Жена обошла с десяток аптек, нет антибиотиков, и все тут! Врач посоветовала: «Борис Николаевич! Да обратитесь вы в 4-е управление, вам всегда помогут...» Нет! Категорически — нет! Лечился домашними средствами.

Я шучу: когда был первым секретарем Московского горкома партии и работал порой до 12 ночи, болела голова. Перешел в обычную поликлинику — голова не болит. Может быть, потому, что знаешь: в «районке» очереди, нет хорошего оборудования — что там без особой крайности появляться?

Когда я нанес визит участковому врачу в первый раз, у нас произошла любопытная беседа. Оказалось, у доктора куда больше вопросов ко мне, нежели у меня по поводу болезни. Угля нет, кочегаров нет, трубопроводы сгнили, пол провалился. И пошло, и пошло. Конечно, я пытаюсь помогать. Я считаю, когда министры и другие руководители начнут лечиться в районных поликлиниках, вот тогда они и займутся по-настоящему проблемами здравоохранения.

— Рост национального самосознания в стране поднял массу проблем у различных народов России, в том числе у русских. Как вы чувствуете свой гражданский долг перед Россией?

— В моей семье, за исключением мужа младшей дочери — он украинец по национальности — все русские. Российская Федерация, правильно, у нас как-то принижена, авторитет ее надо поднимать. Каждая республика, каждая нация, малая или большая, имеет право на суверенитет, на территориальный суверенитет, на экономическую самостоятельность, на свой язык и культуру. Все это надо ценить. Тут наши истоки. А то — все общенародное, все советское! В итоге нанесен ущерб национальным языкам и традициям.

— Согласитесь, «запасной Родины» у нас нет. Бывает ли вам горько за Отечество? Ощущаете ли вы себя тем человеком, который способен указать нашему народу путь к лучшей жизни?

— Горько, очень горько мне было за Отечество, когда я находился в Америке. Все-таки неплохо живут люди, хотя и там не без проблем. После поездки я чувствую себя перед народом еще большим должником. Наш народ, конечно, заслужил большего. Но не везло нам раньше на руководителей. Были искривления в политике. Другие деформации в обществе. Сегодня все это, конечно, надо выправлять. Тяжело. Но надо.

Запись беседы с Б. Н. Ельциным, состоявшейся 19 октября 1989 года в гостинице «Москва», публикуется с незначительными сокращениями.

АНКЕТА «РОДИНЫ»

ствия Махно и ему подобных.

— 3.8. Соблюдали бы нейтралитет.

— 3.9. Предпочли бы скорее всего эмигрировать из страны.

— 3.10. Другое поведение (какое, обоснуйте)__________

4. Как, по-вашему, исходя из опыта нашей страны и других государств, целесообразно перестраивать наше общество?

— 4.1. Сразу и самым радикальным образом сломать все старое, чтобы очистить «территорию» для будущего строительства нового общества.

— 4.2. Надо действовать решительно, но не опрометчиво: расставаясь со старым, тянущим назад, сохранять и кое-что полезное из нашего прошлого, использовать достижения и завоевания народа для дела обновления страны, для поступательного движения к социализму.

— 4.3. Радикальные ломки, как правило, очень дорого обходятся стране, простым людям. Изменения следует осуществлять постепенно, не забегая вперед и не нарушая равновесия общества, его устойчивости.

— 4.4. Перестройка вообще не нужна.

— 4.5. Следует не перестраивать существующее — это бессмысленно, а возвращаться к «нормальным» капиталистическим отношениям, при которых способный и сильный человек может иметь все, а бездарности занимают причитающееся им место.

— 4.6. Другое мнение (какое, обоснуйте)__________

5. Что думаете вы о причинах и последствиях Октябрьской революции?

— 5.1. Не будь Октября, наша страна скатилась бы на положение третьеразрядной державы, утратила бы свою экономическую и, возможно, политическую независимость.

— 5.2. Октябрь был исторически неизбежен в силу тех глубоких противоречий, которые раздирали Российскую империю.

— 5.3. Революция была во многом случайным делом: и без нее развитие страны пошло бы на подъем, она быстро двигалась бы вперед, обгоняя все другие страны; одновременно улучшалось бы и положение всех живущих в ней людей.

— 5.4. Не будь тогда мировой войны, голода, общего озлобления, люди не поднялись бы против существовавшего строя, так как в принципе многим жилось не так уж и плохо.

— 5.5. Судить о том, была ли или нет неизбежна революция,— дело напрасное, ибо Октябрь — исторический факт, и его надо признавать как реальность.

— 5.6. Иное мнение (какое, обоснуйте)__________

Уважаемые читатели, если предлагаемые варианты ответов не совпадают с вашей личной точкой зрения или вы хотите обосновать свое мнение,— присылайте замечания и примечания вместе с заполненными анкетами. Мы внимательно изучим эти дополнения и будем учитывать их при обработке материалов всего опроса.

МНЕНИЕ ОППОНЕНТА

ПОЛИТИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРЕДСКАЗУЕМ,

считает доктор экономических наук, профессор, проректор Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, автор многих книг по проблемам Запада Валентин ФЕДОРОВ

Восхождение Б. Ельцина по ступеням партийной иерархии, вплоть до Политбюро (кандидат в члены), было тривиальным и не обращало поначалу на себя особого внимания — хотя и новый человек, но в то же время — трафаретный образ аппаратчика. Бунт на партийном Олимпе заставил людей заговорить о Ельцине, а падение оттуда превратилось в его крупнейший (до сих пор) успех.

Вошедший в историю нашего государства «феномен Ельцина» объясняется, на мой взгляд, во-первых, рядом личных качеств Бориса Николаевича. Одно из них — готовность к самопожертвованию. Конечно, он не мог не сознавать во время своего московского секретариатства, что, выступая против могущественных коллег, он совершает, согласно господствовавшим тогда канонам, политическое самоубийство. От материальных преимуществ, от права на почетную и обеспеченную старость после ухода на заслуженную пенсию в будущем — от всего этого Ельцин мысленно отказался, взойдя на трибуну октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, а потом их лишился фактически. По житейским меркам такой акт не мог не вызвать симпатии в народе. Популярность Ельцина особенно возросла после его публичных выступлений против незаконных привилегий для сильных мира сего.

Должен заметить, однако, в данной связи, что главной добродетелью облеченных властью деятелей являются вовсе не аскетизм и не самоуравнивание в потреблении, а благотворные идеи, разумное управление государственным кораблем.

Бойцовская косточка Ельцина тоже впечатляет. Он восстал как одиночка, ни на что не рассчитывая, апеллировал не к народу, а к партийным руководителям разного ранга, но они осудили его.

Есть системы ценностей, где посты дороже всего — друзей, единомышленников, правды, совести. Всего не перечислить. Это сейчас у Ельцина есть соратники, но каково ему было биться по принципу «один в поле воин», мы, возможно, подробнее узнаем из ныне наговариваемых им на диктофон мемуаров. Так что популярность досталась Ельцину дорогой ценой во всех отношениях и, если кто-нибудь ему завидует, пусть вспомнит об этом.

Во-вторых, беспрецедентное возвращение Ельцина в большую политику стало возможно благодаря резкому изменению общественно-политических условий в стране. Случись прозрение с Ельциным не в 1987-м, а несколькими годами раньше, он «сгорел» бы в одночасье и без следа, оказавшись задвинутым на какую-нибудь неприметную хозяйственную работу за пределами столицы (в Свердловск его бы тоже не пустили). Неугодных или провалившихся политиков у нас наказывали переводом на должность по специальности или назначением послами в другие страны, даже если они до этого путали Австрию с Австралией.

Популярности Бориса Николаевича способствуют, помимо своей воли, и сами власти, прибегающие в общении с ним к приемам, не отмеченным печатью высокой этики. Лишенный прежних рычагов расправы, так сказать, с укороченными руками, но не привыкший к новым нормам политической жизни, административный аппарат упорствует в своих преследованиях, пытается скомпрометировать обличителя, но делает это неумело, по-топорному, хотя и с шумом, и тем самым бросает на Ельцина тень мученика. Аппарату следовало бы знать две вещи. На Руси мученики всегда были в чести и до сих пор крепко удерживаются в памяти народной. Далее, в нашем обществе разверзлась пропасть отчуждения между самим аппаратом и населением. Люди, не искушенные в сложностях и хитросплетениях политики, отвыкшие от уважения к себе, подобно камертону, благодарно улавливают все, что хоть как-то созвучно с их интересами.

Наша политическая культура, определенно, вступила на путь оздоровления, и за какие-то недели и месяцы мы увидели и признали таланты, которые всегда существовали, но не могли проявиться в условиях идеологического деспотизма. Да что таланты! Появись в годы «верных ленинцев» Хрущева и Брежнева политический гений, подобно Ленину, и его в лучшем случае отправили бы в сибирскую ссылку. К слову сказать, царское самодержавие было куда более терпимым к своим откровенным противникам, чем последовавший за ним авторитарный режим к своим оппонентам и сподвижникам. Блестящая плеяда общественных деятелей, народных депутатов, таких, как Алексеев, Собчак и другие, стала приобретением перестройки.

В политике, как в спорте, легче завоевать титул, чем отстоять его. Как писал Трумэн в своих мемуарах, став президентом, он обнаружил, что оказался верхом на тигре. В дальнейшем Ельцину придется приложить немало усилий, чтобы удержаться на гребне общественного интереса. Тот же самый народ, который вознес его в своих предпочтениях почти на самый верх (первое место в тех же самых предпочтениях остается за М. С. Горбачевым), отвернется от своего кумира, как только почувствует, что тот не оправдывает его надежд и, пусть простят меня за низкий слог, что тот «не тянет». Между тем себя не перепрыгнешь. Если с помощью личных качеств Ельцин завоевал себе имя в политике в условиях высокого спроса на критику, на гражданский поступок, то сегодня, в новых условиях, когда требуются другие способности — конструктивного плана — его же личные качества могут подрезать полет. Бульдозерист рушит, архитектор создает, оба нужны обществу, оба могут быть героями труда. Но тому и другому трудно поменять свой род занятий. Молва «неконструктивного критика» уже потянулась за Ельциным.

Можно поддержать ряд чрезвычайно важных пунктов, выдвигаемых Борисом Николаевичем на повестку дня. Его предвыборная программа нашла положительный отклик у миллионов москвичей, вручивших ему мандат народного депутата, и жителей в разных частях нашей страны, один из которых отказался в его пользу от членства в Верховном Совете. Но изучение программы и последующие выступления Ельцина не оставляют впечатления о наличии целостной концепции общего развития Советского государства.

Мы имеем сейчас уникальную возможность не только критиковать, но и конструировать новые модели общественного прогресса, создавать новые теории, выдвигать гипотезы, словом, действовать творчески. А эту работу не заменишь механическим набором популярных лозунгов. Более непозволительно любоваться красивой, но безжизненной статикой, ныне требуется созидающая динамика. На горизонте появилась тревожная угроза распада государства на национальные составляющие, что значительно усложняет продвижение вперед.

Где тот ельцинский меморандум, который бы дал пищу для глубоких раздумий, споров, осознанного одобрения или столь же обоснованного отвержения? Увы, мы его не знаем. Если бы он преподнес его с такой же убедительностью, с какой он громит просчеты в ходе перестройки! Ответами на вопросы не заменить отсутствие продуманной концепции. На зияющие высоты (по выражению философа Зиновьева) взобраться невозможно. Конечно, нельзя от одного человека требовать слишком многого. От частного лица нельзя. От лидера — можно и нужно. Кажется, Киссинджер высказался однажды в том смысле, что для государственного мужа самой важной чертой являются дух, сила воли. Знания еще можно получить от консультантов, а вот силу воли позаимствовать не дано.

В силе воли Борису Николаевичу Ельцину не откажешь, следовательно, остается совсем «немного» — создать концепцию. Может быть, его мини-тра-

гедия заключается в том, что он стоит один перед миллионной аудиторией, но без научного штаба (по крайней мере его советники пока серьезно не проявились в деле).

Большую помощь в состоянии оказать ему экономисты — народные депутаты, но, похоже, эти экономисты сами имеют нешуточные политические амбиции, не обладая, однако, ельцинским политическим шармом. Кто будет утверждать, что в межрегиональной депутатской группе нет соперничества за лидерство? Как представляется, именно поэтому там так и не смогли прийти к согласию относительно председателя. Можно предположить, скоро в межрегиональной группе отчетливо проступят острые противоречия, начнутся споры о том, кто больше прав, это, кстати, извечный плюс и одновременно минус интеллигенции.

Отсутствие у Ельцина собственного интеллектуального окружения, мозгового треста, необходимого любому политику, снижает его шансы как перспективного общественного деятеля.

А случайно ли, что у него нет интеллектуальной команды, почему его притягательная сила не берет в полон и не заставляет работать на себя носителей «серого вещества»? Не оттого ли, что с ними труднее? Окончательный ответ, думаю, сейчас никто дать не может, и меньше всего сам Борис Николаевич. Придется подождать.

Теперь о взглядах на методы руководства. Вспоминается первая осень московского градоначальничества Ельцина. Она надолго останется в неофициальной летописи. Повсюду продавались овощи и фрукты, на прилавках появились даже ягоды. На улицах и площадях были быстро возведены легкостенные деревянные торговые ряды. Общая атмосфера напоминала праздник урожая в хорошем смысле. Между тем фундамент той прекрасной осени весьма непрочен, так как он административно-командного качества. Все делалось силой, по принуждению, путем разносов и изгнания с работы. Приняты хорошие решения, но они саботируются, заявлял первый секретарь горкома и опять применял тот же арсенал сильнодействующих в персональном плане карательных мер. То был экономический робеспьеризм. Одну осень, от силы две можно продержать город на хорошем снабжении сельскохозяйственными товарами, завозимыми извне. А потом? Дальше, думается, картина приблизилась бы к нынешнему унылому пейзажу в торговле овощами и фруктами. Судьба преподнесла Ельцину своеобразный подарок: его заставили покинуть свой пост. При этом за ним сохранился «флер славы и загадочности», хотя с течением времени неумолимо бы сгущались доказательства самой обычной бесхозяйственности и неэффективности правления в Москве. Ежели Ельцин ушел сам, то заслуживает восхищения еще одна его особенность — прозорливость и чутье момента.

Так вот, неудовлетворительными были хваленые решения, потому-то и приходилось их пробивать кулаком, ставшим символом рычага нашего научно-технического прогресса. Можно затерроризировать всю страну, можно объявить войну другому государству и наголову разбить его, но нельзя поставить на колени собственную экономику. Чем больше насилия в экономике, тем менее она эффективна. Непонимание этого можно простить отдельным профессорам-экономистам, которые возвысились на своих идеях о дальнейшем тотальном совершенствовании социалистического планирования, а сейчас немножко подхваливают рынок, отдавая дань моде, но претендент на лидерство должен адекватно сознавать силу и бессилие власти.

Есть и другая разновидность экономистов, которая недавно оказала медвежью услугу правительству, побудив его принять постановление о плате своим крестьянам за сданное зерно в долларах по рекомендациям научных экспертов. Развивается наступление на рубль, это делается не из-за злого умысла, а вследствие отсутствия экономического мышления. Овладевшая всеми прямо-таки одержимость заполучить доллар вытесняет рубль из внутреннего оборота, а это еще более затрудняет и оттягивает во времени перспективную цель конвертируемости нашей национальной денежной единицы. Противоречивость официальной политики бьет в глаза. На одном фланге мы вроде бы накапливаем предпосылки хотя бы частичной обратимости рубля, толкуем о валютных аукционах, а на другом фланге собираем силы с отрицательным зарядом, затем приводим оба крыла во взаимодействие. Результат аналогичен тому, как если бы автомобилю одновременно дали газ и тормоз.

Это небольшое отступление от темы потребовалось для того, чтобы показать двойную проблему Ельцина. Конечно, важно иметь советников, но еще важнее — правильных советников.

Борис Николаевич не раз демонстрировал смелость своего мышления на благо демократии, нарушил много табу, полученных нами с молоком матери. И все-таки его политическое кредо не вполне ясно по сей день. То, что мы слышим из его уст, скорее отрывочно и не взаимоувязано между собой, чем недоговорено. Вряд ли у кого возникают сомнения в его открытости. Ведь он без обиняков делится обескураживающей новостью о том, что, лишь начав работать в Политбюро, стал понимать недостатки административно-командной системы, тогда же остро ощутил социальную несправедливость и социальное расслоение, увидел разные уровни жизни. Вот уж поистине лучше поздно, чем никогда. А то ведь многие наши герои, десятилетиями проруководив областями, министерствами, партийными комиссиями и отделами, так и сходят со сцены с благой верой, будто приблизили торжество социализма. Поездка в США принесла ему еще одно личное открытие относительно нашего самообмана «о загнивании Запада». Сомневаюсь, чтобы Ельцин был единственным подобным открывателем среди руководящих товарищей, бывших и настоящих.

Его взгляды на политическое устройство Советского Союза страдают пробелами, и приходится фиксировать снова: сумма точек зрения есть, законченной системы нет. А политик должен быть предсказуем и регулируем, чтобы не занесло нас под колеса истории.

Не будем строить прогнозы относительно карьеры Ельцина, она в его руках. Отдавая ему должное, нельзя, однако, упускать из вида главное: феномен Ельцина стал возможен благодаря феномену Горбачева.

•

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

ВОРОНОВО

На Старокалужском шоссе, в семидесяти трех километрах от Москвы, расположена усадьба Вороново. В начале XVI века ею владел внук героя Куликовской битвы боярина Боброка Вороной-Волынский. В 1740 году последний в этом роду хозяин усадьбы Артемий Волынский был казнен за борьбу против императрицы Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона, а вотчины конфискованы.

Со второй половины XVIII века Вороновым владел граф И. И. Воронцов. При нем был создан прекрасный архитектурный ансамбль: дворец (архитектор Николай Львов); новая Спасская церковь; большой конный двор, выложенный кафелем; в огромном парке на берегу пруда — каменные беседки, многочисленные скульптуры и Голландский домик — двухэтажный павильон с высокой черепичной крышей. Все здания, кроме дворца, проектировал архитектор Карл Бланк, который работал преимущественно в стиле барокко. Тогда же провели потайные подземные тоннели от дворца к беседкам и другим постройкам.

Следующим владельцем Воронова, уже в XIX столетии, стал граф В. Ф. Растопчин, градоначальник Москвы во время Отечественной войны 1812 года. Осенью усадьбу заняли французские войска. Перед их приходом Растопчин собственноручно поджег все постройки и оставил записку: «Я украшал в течение восьми лет это владение. Жители этих мест, в числе 1710-ти, покидают его при вашем приближении, и я поджег свой дом, чтобы он не был осквернен вашим присутствием, французы, я вам оставил свои дома в Москве с убранством на полмиллиона рублей. Здесь вы не найдете ничего, кроме пепла». Наполеоновский генерал Брандт рассказывал, что при входе во дворец нашел еще одну записку: «Я поджег свой дворец, который стоил мне миллион...» Но граф не был безумным фанатиком, каким его объявил Бонапарт, и знал цену деньгам. Существует предположение, что свои несметные богатства (золотую и хрустальную посуду, мебель, полотна знаменитых живописцев) Растопчин спрятал в лабиринтах подземелий, многие из них достигали шести километров в длину.

После пожара 1812 года дворец был восстановлен, а затем реставрировался в 1949 и 1986 годах.

Фото и текст Вадима ИВАНОВА

ОБСУДИМ

ПОГОНЫ ДЛЯ СЛЕСАРЯ?

Гелий РЯБОВ,
лауреат Государственной премии СССР,
заслуженный работник МВД СССР

Несколько месяцев назад я присутствовал на встрече с руководителями подразделений МВД СССР — речь шла о методах и способах реализации идеи по созданию рабочих отрядов охраны порядка (РООП). Был рассказан некий положительный опыт, имеющий место быть в одном из районов Москвы, и главным образом опыт города Горького: появление отрядов на улицах резко уменьшило хулиганские проявления, оздоровило криминогенную обстановку.

Возможно, так оно и есть, но не могу удержаться от вопроса: доколе наша общественно-политическая система под любым предлогом и любыми способами будет уходить от решения самых насущных, самых острых социальных вопросов и коллизий, перекладывая свои обязанности на кого угодно, лишь бы оградиться от критики и неприятностей реальности?

Не мною сформулировано, что государство есть своего рода общественный договор, по которому обыватели (в высоком смысле; я должен это уточнить во избежание кривотолков и обид) всех состояний, степеней и рангов (рабочие, крестьяне, интеллигенция, ИТР) «делегируют» некоторые свои полномочия (и проблемы одновременно) властям, которые, в свою очередь, обязуются организовать достаточную защиту подданных от преступных и иных противоправных посягательств.

Власть всех времен и народов (и наша, Советская, в том числе) и делает это, создавая специальный аппарат охраны общественного порядка и борьбы с преступными посягательствами на все виды сегодня признаваемой собственности, аппарат охраны государственной безопасности, состоящий (в принципе) из разведки и контрразведки и подразделений, обслуживающих их деятельность внутри страны и за рубежом.

Но вот ведь странность: за семьдесят два года Советской власти только однажды были созданы Части Особого Назначения, в которые привлекались (по возможности) преданные и идейно убежденные дилетанты, учившиеся делу своей и вражьей кровью (чаще — первой). В дальнейшем никому и в голову не приходило создавать отряды содействия органам государственной безопасности (хотя, признаем, что в двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы этим отрядом являлась — без оформления — весьма значительная часть советского народа, доносившая на всех и про всех из чувства садистского наслаждения и упоения собственной неосознанной неполноценностью).

Сегодня руководство КГБ СССР тактично призывает нас всех работать сообща, на благо народа и государства, но, честно говоря, мне было бы интересно узнать, а сколько резидентур противника вскрыто и агентов обезврежено, сколько изъято шпионских тайников с помощью живого и непосредственного участия народа в чистом, так сказать, виде, при выполнении гражданского долга?

По моему мнению, последний такой чистый опыт состоялся где-то в разгар гражданской войны, когда некая женщина (из рассказа Ю. Германа о первых чекистах) подобрала на мостовой бумажку, оброненную шпионом, в результате чего Петрогубчека раскрыла заговор, угрожающий революции.

Итак, КГБ СССР в силу специфики своей работы к созданию рабочих отрядов охраны порядка не призывает[1].

Тогда почему загорелось этой идеей МВД СССР?

Ответ здесь, увы, однозначен. Всему виной либо полная и несомненная некомпетентность, либо нечто гораздо худшее: желание умышленно ввести в заблуждение общественность, ибо реальных средств борьбы с преступностью, как мне представляется, сейчас нет, а имидж — сколь ни скоротечен и бессмыслен он в конечном счете — удержит общественное мнение в состоянии необходимого недоумения на какой-то (хорошо бы побольше!) срок.

В чем же эта некомпетентность?

В том, что могучее порождение нежизнеспособной экономики и системы — организованную и иную преступность руками рабочих и крестьян не остановить и даже не удержать ни на миллиметр общественного бытия!

Преступность имеет четкую и суровую структуру, инфраструктуру (внедренность во все системы жизнедеятельности общества), дисциплину, материальную базу (новейшие образцы техники прослушивания и проглядывания, компьютеры, оснащенные специальными программами, и т. п.— при том, что правительственные службы не пользуются западными разработками — в целях безопасности, а «ОП» пользуется, ибо западные на 100 лет опережают доморощенные), тактику и практику вознаграждения за содеянное на пользу системе «ОП» — и что же могут противопоставить всему этому чистые рабочие руки (пишу без малейшей иронии), светлые лица?

Убежденность в своей правоте?
Что же еще?

Время, когда нас молодость водила в сабельный поход, безвозвратно прошло. Действительность ужасающе сурова и бескомпромиссна. Когда-то брат В. И. Ленина Александр Ульянов написал в прокламации: «Грубой силе, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, только опирающуюся на сознание нашей духовной солидарности».

В реалиях сегодняшней бескомпромиссной борьбы, когда вопрос стоит просто и ясно: кто кого — организованной силе преступности можно и нужно противопоставить не беспомощные рабочие отряды, способные в лучшем случае без толку и пользы умереть на посту, а специальные подразделения внутренней службы, в которые будут отобраны сотрудники по специальной медицинской и профессиональной программе и которые одни только и смогут дать бой теневой экономике и ее проекциям.

Они не победят, ибо слишком разные потенциалы. Но они сдержат страшную, нарастающую лавину профессионально, а Верховный Совет за это время, надеемся, повзрослеет и примет такие решения о собственности и рынке, которые хотя бы уравняют в обозримом будущем потенциал государственный и «антигосударственный». Но к этому времени аппарат борьбы тоже повзрослеет и найдет себя: способы, методы и т. п.

Здесь снова необходимо вернуться к органам госбезопасности, о которых я уже упоминал. Дело в том, что при

[1] Очень тревожит, что КГБ в «чистом», так сказать, виде принимает участие в борьбе с организованной преступностью. Это сфера «ВД», и КГБ должен передать в МВД СССР своих людей и технику — это вопрос отнюдь не формальный!

создании в 30-е годы общесоюзного НКВД милиция вошла в него составной частью наряду с госбезопасностью и под влиянием этого могущественного подразделения была «чекизирована», то есть директивно восприняла способы и методы оперативно-розыскной работы чекистов, но только со знаком «минус», я бы определил это так. Принцип, согласно которому вора или любого другого асоциального типа ловят на преступлении, а затем предлагают альтернативу — идти по этапу или «освещать» деятельность «малины», группировки и т. п.,— несомненная мерзость. Естественно, что на удушении получить искреннего, честного помощника невозможно, приходится довольствоваться принципом «с паршивой овцы хоть шерсти клок». А эта паршивая овца — всегда и безусловно — двурушник, предатель, негодяй. Вор (да и любой преступник вообще) не может предавать вчерашних товарищей на «идейной основе», руководствуясь постулатом «человек человеку друг, товарищ и брат». Все это цинизм самой высокой пробы, он разлагает людей милиции, губит их, в среде МВД исторически властвует принцип «тодо модо» — все дозволено. Не так давно я встретился с матерью бывшего сотрудника МУРа, отбывающего наказание за попытку убийства собственной жены. Мать этого человека рассказала мне, что парень был одним из лучших в подразделении, имел «на связи» чуть ли не самое большое количество «помощников» и однажды поручил одному из них организовать «ликвидацию» собственной жены...

Единичный случай? Нет, я убежден в этом... О «раскрытых» МВД предпочитает помалкивать, а нераскрытых... Сколько их, кто это знает?

Зачем я это все пишу?.. С единственной целью: работать надо не только «при сейчас», но и на далекую перспективу (решается все и там, не только сегодня), в далекой же перспективе МВД обязано отказаться от порочного наследия «чекизации» и найти иные способы и методы контроля за преступными сообществами.

Что касается организованной преступности — принцип «из среды», ненадежный и подлый, как я уже сказал,— для «ОП» вообще не подходит. Что может предложить оперативный сотрудник представителю «ОП» самого низкого уровня? (Других МВД не знает и знать пока не может — средняя линия «ОП» и ее «верх» скрыты весьма основательно.) Пересмотреть свой преступный путь? Исправиться? Деньги? (Откуда они возьмутся? МВД — организация, прямо скажем, небогатая.) Можно, конечно, взятому с поличным рэкетиру предложить сотрудничество взамен тюрьмы, но...

«Сообщество», осведомленное через своих людей о задержании, не допустит бывшего товарища до серьезного дела, поэтому милиции этот человек бесполезен. Еще и потому, впрочем, что «верхних» людей рэкетир не знает и знать не может.

Как же «выйти» на «верхних»? Это архизадача... Я думаю, что сегодня она неразрешима, потому что, возможно, работники «службы безопасности» организованной преступности сотрудничают с отдельными работниками «шестой службы»[1] и не позволят ей выйти слишком уж высоко. Здесь нужен другой путь, достаточно сложный, трудоемкий, требующий весьма длительной подготовки. Но ведь нужно когда-нибудь начинать...

Не хотел бы обрушивать на себя критику аппарата МВД СССР, но мне кажется, что «шестая служба», созданием которой так гордится министр Вадим Викторович Бакатин,— бледное, раздетое, босое и несчастное существо, которому и поесть-то не на что, не то чтобы задрать обожравшегося противника и трубно объявить о победе.

До этого и вообще далеко. Предстоит изнурительная, кропотливая, не приносящая, как правило, никаких ощутимых результатов борьба, и Бог в помощь, как говорится, тем беззаветным и храбрым профессионалам, которые поднимут на свои плечи страшный груз войны с организованной преступностью.

Еще один, совсем не простой вопрос. Защищен ли работник милиции? Разумеется, при исполнении служебных обязанностей. Несомненно, на мой взгляд. Работнику милиции, предъявляющему законные требования по охране общественного порядка или в связи с оперативно-розыскной деятельностью, проведением расследования и так далее, обязаны подчиняться все граждане и должностные лица. Неподчинение законным требованиям допускает применение работником милиции силы, сопротивление же наказывается сурово. Уважение же к милиции воспитывается не столько пропагандой, сколько положительной деятельностью самой милиции.

Что касается умышленных преступных посягательств на жизнь и здоровье работника милиции — разве суд дает кому-либо поблажку? Есть такие случаи в практике? Во всяком случае, такие, о которых следовало бы говорить?

Не знаю...

Думаю, что в настойчивом хоре руководителей МВД всех степеней и уровней, все настойчивее звучащем в последнее время и требующем какой-то экстраординарной защищенности работника милиции, невооруженным глазом просматривается другое: сделать, поелику возможно, представителя систем и подразделений МВД СССР неуязвимым по отношению к Закону и эту неуязвимость узаконить. Покупатель всегда прав — есть такая неписаная формула во взаимоотношениях продавца и покупателя, работник милиции в своих взаимоотношениях с гражданином — тоже всегда и безусловно прав. С милицией не спорят, вот и все. Такова мечта.

Вряд ли она найдет отклик в сердцах, умах и душах нормальных людей.

Что касается физической незащищенности — она налицо, но преступник тут почти ни при чем. Он нападает, работник же милиции защитить себя не может, потому что не умеет. То, что показывают в кино, зачастую миф. Работник мало что умеет, не научен... Дело именно в этом, а вовсе не а «туманных» формулах инструкции по применению оружия. Знающий, умеющий, нравственный работник и при действующей инструкции применит оружие и будет прав!

...Тяжкие мысли тревожат меня снова и снова... Не получится ли так, что упоенные властью (достаточной, замечу в скобках) работники рабочих отрядов начнут ею — как это и бывало не раз — злоупотреблять?

Получится. И тогда отвечать перед законом снова будет не милиция, развалившая работу, а рабочие, некомпетентные ровным счетом ни а чем, разве что в том, чтобы произнести: «Как вам не стыдно, гражданин?»

Преступники расстреливают своих противников из автоматов.

Значит, вооружить рабочих?

Нет, конечно... И получается именно то, о чем я написал выше: идет прямое и неприкрытое убаюкивание общественного мнения.

Этой же цели служат, на мой взгляд, и Временные комитеты по борьбе с преступностью в СССР. Что и как они могут, заседая, «скоординировать»,— представить трудно, но звучит более чем солидно, почти как робеспьеровский Комитет общественного спасения.

Так зачем созданы Комитеты?

Все для того же: капнуть маслом на разбушевавшуюся стихию народного негодования и неверия.

Надолго ли хватит и что будет придумано потом, когда беспомощная «инициатива» испарится?

...Есть одна устрашающая закономерность во всем этом: часто некомпетентные, беспомощные сотрудники из верхних эшелонов власти МВД предлагают разного рода «естественные» идейки (идей нет, увы). Например: поскольку законы у нас-де плохие и не обеспечивают милиции возможность легко и просто штамповать уголовные дела на сограждан, законы эти надобно срочно изменить, а точнее — упростить. «Законодательстао должно отвечать реалиям дня». Некое упрощенное делопроизводство времен «ограниченной» соцзаконности: в доме у гражданина обнаружено сто пачек сахара (двести, триста — где предел?), вот и пожалуйте к ответу. К чему выяснять — как, при каких обстоятельствах и зачем оный сахар к оному гражданину попал,— достаточно х пачек, чтобы наступила ответственность для индивида и удовольствие для БХСС, например. Упоительная отчетность: пошевелил пальцем — и человек покатил на лесоповал. Ничего не надо доказывать (например, умысел на последующую перепродажу. За 60 лет существования службы БХСС это вообще ни разу не было доказано. Просто изобрели «довод»: количество предметов, обнаруженных при обыске, уже само свидетельствует об умысле. Легко и непринужденно, не правда ли?). Не надо мудрствовать лукаво: «в порядке» вечернего обхода территории вошел в любую квартиру — и пожалуйте в дамки: у одного слишком много сахара, у другого — соли, у третьего — книг, у четвертого — картин и так далее и тому подобное. Недавно очаровательная девушка в форме утверждала в популярной телепрограмме: милиция, дорогие сограждане, задерживает вас для вашей же пользы, так что нечего возмущаться. Остается просить Верховный Совет издать простенький закон: милиция имеет

[1] Речь идет о шестом управлении МВД СССР, призванном бороться с организованной преступностью. (**Прим. ред.**).

право входить в квартиры граждан СССР а любое время суток. Что касается обоснований — записать лапидарно, в духе древних: «по усмотрению». И сразу никаких проблем, не правда ли?

Выдвинуто и такое предложение: поскольку милиция наша бедная, предоставить ей право обращать в служебную пользу подавляющий (или небольшой хотя бы) процент от стоимости изъятых ценностей. Можно за счет этих ценностей и пансионат построить, и профилакторий, и санаторий, купить необходимую технику на Западе. И даже перейти от бесплатного «патриотического» доноса к нормально оплачиваемому. Сообщил гражданин информацию — «касса, пробейте гражданину дефицит!». Или выдайте наличные, что хуже, но тоже вполне приемлемо. Еще можно организовать выдачу анонимных талонов — по типу недавних березковских чеков, для чего создать специализированные магазины по обслуживанию платных осведомителей.

А если серьезно, то можно ли гарантировать, что, получив право на процент с добытого нечеловеческим трудом, милиция не начнет злоупотреблять этим, «шить» и «кроить» необходимые дела (бывало таков, и не раз, в истории, рожденной революцией), и посему все будет провалено с оглушительным грохотом еще раз, и снова не за счет милиции, а за счет слез неповинных ни в чем сограждан?

Агент сообщил «куда надо»: «Сосед, сволочь, богатейший человек!» Сообщил и (по правилам игры) ушел в тень, получив четвертачок или талончик. К соседу пришли: «Откуда деньги?» Сосед мычит от страха и растерянности и... Как просто все...

И совсем уж просто: практически в каждой советской семье, ни сном ни духом не причастной к организованной и простой преступности, всегда есть сколько-то денег, объяснить происхождение которых ни семья, ни ее достопочтимый глава никак не смогут. Не сойдется дебет с кредитом. Есть дорогостоящие вещи, которые подарила некогда бабушка, но чему бдящий представитель правоохранительных органов не поверит никогда и будет даже по-своему праа, ибо доказать подобное невозможно (у нас практика бремени доказывания лежит на гражданине, последнее доказательство сему — декларация о доходах. Пожелай милиция реально — она на этих декларациях, если их и на самом деле сделать обязательно-ежегодными для всех без исключения граждан,— построит себе новую и очень счастливую жизнь).

Вспомним о слезе ребенка, ставшей в наши перестроечные дни трюизмом. И тем не менее: если призыв к разуму, доносящийся с высоких трибун, не демагогия и обман, а нечто искреннее, как же совместить его с пострадавшими от родной милиции гражданами?

Утверждаю: милиция войдет в квартиру самого честного человека, скомпрометирует его на самых законных основаниях, и человек этот скорее всего умрет в ожидании справедливости. Или сильно состарится, во всяком случае. А уж неврастеником станет — а результате общения с органами внутренних дел — всенепременно и безысходно.

Эти предложения — беспроигрышная (в случае реализации) игра в одни ворота. Легкая и беспощадная. С очевидными для власти предержащей последствиями: утраты со стороны граждан последнего оставшегося еще доверия; жесточайшего разочарования и окончательного исчезновения ценностной ориентации и, наконец, объединения тех, кто борется с преступностью, с теми, против кого идет борьба. И тогда наше общество станет первой в мире «воровской малиной», основанной, естественно, не на законе, а живущей «в законе». А это, увы, совсем не одно и то же...

Последний перл создания, так сказать,— убежденный призыв применять при допросах «детектор лжи» и гипноз. Основание: на Западе применяют, и ничего, все живы, а преступления раскрываются лучше и чаще.

На Западе — возможно. У нас...

А почему бы не выяснить с помощью детектора взаимоотношения соседа с собственной женой или еще что-нибудь в этом роде?

Или не вступить в альянс с гипнотизером и не заставить (по данным, полученным от верных помощников) некоего имярек сдать все свое достояние в доход сотрудника и гипнотизера?

Клевещу на родную милицию?

Нисколько. Товарищ Бакатин с грустью признает наличие в славных рядах взяточников, воров, перерожденцев, предателей и тому подобное. И пока этих мерзавцев в милиции много — о каком гипнозе идет речь, о каком полиграфе, в чьи чистые руки при холодных, расчетливых головах все это попадет и куда приведет?

И когда уважаемый министр призывает печать вообще, и журналистов в частности, обличать конкретных аиновников, бесчестящих МВД, но не распространять бесчестье на всех,— никогда не соглашусь я с таким призывом, ибо рубашку с грязными манжетами бросают в стирку, а бочку с медом, в которую попала ложка дегтя,— выливают.

Это, разумеется, не означает, что МВД СССР следует расформировать,— подобной мысли у меня никогда не было, но МВД СССР должно знать, что санитарских своих функций, по моему глубокому убеждению, оно пока не выполняет и, оставаясь в рамках мышления XIX века, не может выполнять.

И здесь все неистовые призывы к увеличению рядов, укрупнению функций (приобретение всего следственного аппарата под крыло) не должно встретить поддержки у законодательной власти. Ибо числом никогда еще не удавалось сделать ничего серьезного, только умением, вспомним знаменитую фразу — «Лучше меньше да лучше!», поэтому выход, на мой взгляд, здесь один: уменьшить ряды многократно, многократно же увеличив содержание. По нынешним ценам — до тысячи рублей для рядового милиционера и двух тысяч для самого министра. Остальным — по мере деятельности и результативности.

Что касается еще одного предложения — сосредоточения всего следственного аппарата в МВД,— то этого нельзя делать ни в коем случае, скажу я. Ибо МВД СССР прежде всего организация оперативно-розыскная (при всех нюансах), поэтому следствие здесь никогда не будет достаточно объективным. Кроме того, немыслимо сосредоточить столь огромную власть над гражданами в одних руках. Должны быть реальные гарантии проверки и перепроверки данных розыска, а это возможно только при полной разделенности служб. Следствие должно быть отделенным от МВД и совершенно самостоятельным.

Пора перестать возводить турусы на колесах, изобретать зазеркалье, парить в эмпиреях. Пора понять: псевдосоциализм не придумал ничего положительного и нового в нравственной сфере, но многократно усугубил негативные и центробежные тенденции, в экономике прежде всего. И среагировала на эти тенденции самая чуткая вторичная система — правоохранительная.

Сегодня экономика пытается вырваться из пут казармы и отчаяния, и, как нелепый парадокс на этом фоне, правоохранительная система отрицательно, бессмысленно пульсирует, подвигая себя самое к краю такой пропасти, из которой возврата просто не может быть.

Маргарет Тэтчер однажды заметила, что в кресло премьер-министра ее привели вера в Бога и безмерное уважение к полиции.

Этому уважению на Западе сотни и сотни лет.

Нашей неприязни — семьдесят.

Совсем небольшой срок, чтобы перевоспитаться.

Но очень большой, чтобы захиревшая система, беспомощная система, угасающая система «ВД», нищая духом и деньгами, пересмотрела свои ошибки, заблуждения, покаялась в преступлениях, отреклась от них, и, как говорят, отряся прах с ног своих, обрела в результате новое качество — стража правопорядка, защитницы народа и государства.

Этого не достичь наскоком, утешающим некомпетентных.

Это достигается терпеливым, кропотливым трудом, долгим усовершенствованием личности, индивида.

Это давно уже придумано: одним только улучшением нравов и без всяких насильственных потрясений.

Пока же люди в форме должны изловить и обезвредить фантом.

Смогут ли они это?

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя этот материал, мы не разделяем категоричность и даже резкость отдельных положений автора. Но, учитывая особую напряженность криминогенного положения в обществе, считаем своим долгом предоставить страницы журнала и для столь пристрастной оценки правоохранительных органов. Надеемся, что эта публикация не столько обидит, сколько вызовет на серьезный, заинтересованный разговор представителей милиции, общественности, всех, кто заинтересован в действенной борьбе с организованной преступностью.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПОЧЕМУ Я ВЫШЕЛ ИЗ КПСС

Юрий ВЛАСОВ, народный депутат СССР

Два противоречивых начала определяют роль партии в нынешних условиях.

Партия остается сегодня единственной силой, способной обеспечить порядок и дисциплину в обществе. Она тот рычаг, который способен удерживать общество от сползания в хаос и анархию.

Но дело в том, что партия же (а точнее, аппарат) и во многом противодействует обновлению страны — всестороннее и глубокое обновление грозит ей утратой политической монополии.

Демократический процесс в стране все больше отрывается от сложившегося десятилетиями характера и смысла деятельности партии.

Лозунг партии — «самоочищение, самообновление, перестройка своих рядов», — думается, не ведет пока к коренному изменению ее облика. Это все та же догматическая авторитарная организация.

Партия в перестройке занимает весьма специфическую позицию. Да, она ее вызвала, но только в условиях, когда государству начал угрожать экономический крах.

Крах государственный означает для партии небытие. Так что, обратившись к перестройке, партия прежде всего открыла борьбу за собственное выживание.

И именно поэтому партию занимает не столько последовательность реформ, обновление, возрождение страны, сколько стремление остаться политическим монополистом любой ценой. Эта установка на выживание все чаще и чаще ставит ее поперек процесса обновления страны, вносит в этот процесс существенные нарушения. Особенно убедительным доказательством является обсуждение Закона о печати в Верховном Совете СССР. Все, что угодно, но только не свободная и независимая печать. Все, что угодно, но сохранение цензуры, контроль над сознанием общества. Все, что угодно, но исключить независимую мысль.

Да, партия за перестройку, но такую, которая не поколебала бы ее позиции — партии, осуществляющей единовластное правление. Эта особая роль партии закреплена и конституционно.

Отсюда и особенность, непоследовательность поведения партии. Она — за широкие реформы. Но и она же — за создание условий, при которых прежняя структура власти сохраняется, лишь обрастая различного рода демократическими атрибутами. Должно произойти приспособление старого аппарата принуждения и диктата к новым условиям.

Первые годы революции основным догматом партии являлся принцип диктатуры пролетариата, проще говоря — диктатуры одного класса над всем народом. Этот догмат ставил партию в исключительное положение, то самое, которое пришло на Съезд скромными напоминаниями: «Мы — правящая партия». Надо понимать это так: диктат по-прежнему за нами. Мы так и понимаем и эти слова, и шестую статью Конституции. Да, все права на одной стороне, все обязанности — на другой.

Часть общества (в том числе и коммунисты) хочет избавиться от диктата партии, сознавая гибельность такого положения. Партия ищет, собирается с силами и... нарушает последовательное движение на пути демократизации разными средствами. Тут и обработка умов — вся пресса, что называется, в кармане. Только вдумайтесь: ни одной газеты вне влияния партии, все поставлены под контроль, все так или иначе зависимы. Какая уж тут дискуссия, какая другая точка зрения?

Народ видит, что во многом идет не обновление страны, а игра вокруг обновления.

Вот эта особая роль КПСС в обществе и определяет характер, странности и непоследовательность движения.

Вывод из этого однозначный: КПСС, оставаясь единственной политической силой, превращается в тормоз сложных преобразовательных процессов, не сплачивает общество, а раскалывает.

Аппарат искренен лишь до того момента, когда ничто не грозит его главенствующему положению в обществе. С того момента, как ему что-то начинает угрожать, он поворачивает на сто восемьдесят градусов и возвращается на свои прежние авторитарные позиции, позиции диктата, подавления свободы.

Подлинно демократическая прогрессивная партия не монополизирует власть, не стремится держать народ в подчинении, она не боится вступить в борьбу с любой другой демократической силой.

Нормальная политическая жизнь в стране, нормальный политический климат возможны лишь при равном выражении всеми группами населения и каждым человеком своих экономических и политических воззрений. Эти взгляды, требования на пути развития государства порой существенно отличаются и не могут быть насильственно сведены к одному мнению, к одной партии.

Не надо страдать по единомыслию. Единомыслие — это насмешка над здравым смыслом. Убежден: нужны и иные политические организации, которые способны вобрать политическую инициативу масс, организовать эти массы, выражать их мнение.

КПСС может выражать интересы лишь части народа. Ставя под запрет другие общественные организации, партийное руководство оставляет существенную часть общества без возможности превращения своего мнения, своих взглядов, убеждений в соответствующие партийные программы — есть, и всегда существует какой-то иной подход, взгляд на те или иные события, пути движения общества.

Конституция страны должна допустить законодательное оформление других партий. Надо создавать правовое государство, следовательно, иметь в нем такие общественные институты, которые исключали бы монополию на политическую жизнь. Только такие партии способны внести оздоровление в наше больное общество.

Дабы не повторять ошибки прошлого, нужна коренная политическая реформа. Такая реформа должна раскрепостить все общественные, государственные и прочие системы страны. Такая реформа должна исключить политический диктат одной партии; именно тогда будут созданы такие институты власти, которые сделают невозможным насилие в обществе, исключат насилие из общественной, политической, государственной практики. Никто не смеет ограничивать право граждан на создание общественных и профессиональных организаций. Противное положение или мнение означают сохранение несправедливого устройства общества и, как следствие, затягивание кризиса на неопределенный срок.

К этому подошло развитие демократического процесса. Это не забегание вперед, это не левизна, грозящая обернуться беспорядками. Это как раз нормализация политической и общественной жизни.

Еще раз повторю: партийный аппарат скомпрометировал себя в глазах людей, он становится сейчас тормозом на пути демократизации. Вот почему я вышел из рядов КПСС.

Галина ЛИТВИНОВА,
доктор юридических наук

БЮДЖЕТ НЕ ПО РОСТУ

Национальный вопрос занял место в ряду острейших проблем современного мира. Не является исключением и наше государство. Неоднократно звучавший на Съездах народных депутатов СССР тезис о том, что корни обострения политической ситуации лежат в экономике, в полной мере относится и к межнациональным отношениям.

До сих пор ученые, публицисты, государственные и политические деятели, теоретики и практики, рассуждавшие о национальном вопросе, ограничивались, как правило, анализом проблем нерусских народов СССР, словно забыв, что русские тоже нация, у которой могут быть и есть свои серьезные проблемы. Республика и народ, волею исторических судеб призванные стать основой прочности, нерушимости и благополучия Союза ССР, по ряду важнейших показателей социально-экономического и культурно-политического развития оказались на последнем месте среди других народов и республик. И это несмотря на то, что на территории РСФСР усилиями ее народов создается основная доля национального дохода СССР.

Нельзя не согласиться с академиком Н. Н. Моисеевым, который в журнале «Коммунист» (1989, № 8) пишет: «Русским, как, кстати, и всем другим, необходимо ощущение равенства. А его-то как раз и нет в экономической прежде всего сфере. В некоторых регионах Урала или Центральной промышленной зоны производство валового национального продукта на душу населения не уступает ведущим промышленным государствам и значительно превосходит ряд западных регионов страны. А уровень жизни и социальной обеспеченности здесь несопоставимо ниже».

В последнее время при выработке принципов экономического и социального развития СССР и законодательства о собственности раздаются голоса о том, что все природные богатства, находящиеся на территории союзных республик, должны быть в их собственности, кроме лесов общесоюзного значения и топливно-энергетических ресурсов, то есть основные богатства РСФСР предлагается сделать всеобщими! Эта идея четко сформулирована в опубликованном законопроекте «Общие принципы перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав», где, кроме того, предусматривается, что удельный вес продукции промышленных предприятий, полностью находящихся в ведении республик и регионов, составит в общем объеме промышленного производства: в РСФСР — 27%, на Украине — 40%, в Белоруссии — 49%, в республиках Закавказья — 50—71%, в Средней Азии и Казахстане — 50—73%, в Прибалтике — 57—72%, в Молдавии — до 75%.

Эти цифры показывают, что децентрализация управления экономикой в крупнейших республиках — РСФСР и на Украине — будет наименьшей, хотя именно они в ней особенно нуждаются.

Вдумайтесь в эти цифры — 27 и 75 процентов! Процентные различия по данному показателю, разумеется, возможны. Но разрыв не должен быть таким громадным. Кроме того, наибольший процент отчислений следовало бы, думаю, предоставить самой крупной республике, ибо значительную часть своих ресурсов она вынуждена передавать в распоряжение автономных республик, краев и областей, многие из которых по численности населения и экономическому потенциалу крупнее иных союзных республик. Почему Татарии должно доставаться 10%, а Молдавии—более 70%? Где здесь принципы хозрасчета? Почему не действует принцип социализма «каждому по труду»?

Ставя РСФСР в худшие по сравнению с другими союзными республиками условия, ей существенно урезают бюджетные возможности. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть законы о бюджетах за все семь десятилетий, в том числе Закон о бюджете на 1990 год, по которому России (да еще Украине) предоставляется самый низкий процент отчислений от доходов находящихся на их территории предприятий общесоюзного значения — 12% вместо 20%, выделяемых другим республикам.

Закон о бюджете на 1990 год предусматривает также выплату субвенций (финансовой помощи) республикам Средней Азии и Казахстану для выравнивания, как там сказано, уровней развития и компенсации несбалансированных цен. Да, жизнь сельского населения этих республик с быстрорастущим населением тяжела, но разве легче она в вымирающих, деградирующих селах центральной России, три четверти которых не имеют школ, больниц, здравпунктов, детских дошкольных учреждений, домов быта? Почему им не помочь? Ведь для этого достаточно предоставить РСФСР равные с другими республиками экономические и бюджетные права и равные возможности их реализации. Да и от несбалансированности цен страдает больше всего Центральная Россия, где по этой причине убыточно производство основных сельскохозяйственных культур. Во всем мире, например, картофель и цитрусовые стоят почти одинаково. В Финляндии и некоторых других северных государствах цитрусовые стоят в 2—3 раза дороже. У нас — в 20—35 раз!

Стабильно из года в год темпы развития РСФСР планируются ниже среднесоюзных. Удивительно ли, что поразивший страну социально-экономический кризис с особой остротой проявился в РСФСР, поставив под вопрос сам факт дальнейшего существования России и населяющих ее народов, прежде всего русского?

У русских произошло самое резкое падение рождаемости. Если уровень ее не изменится, то численность русских уже через полвека сократится в два раза. Сегодня в общеобразовательных школах РСФСР обучается гораздо меньше детей, чем их было в предвоенном 1940/41 учебном году, когда обязательным было лишь семилетнее (а не одиннадцатилетнее, как сейчас) обучение.

Ежегодно с карты России стирается около трех тысяч сельских населенных пунктов. Ускоренно идет процесс вымирания сел, веками не только кормивших Россию, но и поставлявших продовольствие за рубеж. Не остановив этого гибельного процесса, нам не решить продовольственной проблемы и не выйти из зависимости от зарубежных поставок продовольствия.

Продолжительность жизни в русских областях существенно меньше общесоюзной, особенно продолжительность жизни мужчин на селе (на 4—5 лет). (Для сведения: в США различие в продолжительности жизни негров и белых — 2 года.) Разрушается генофонд нации. Быстро растет удельный вес детей с дефектами умственного и физического развития. Увеличивается преступность.

Россия заняла первое место по числу лиц, проживающих в общежитиях и в неблагоустроенных помещениях, не приспособленных к жизни в суровых климатических условиях. Как это ни парадоксально, наихудшие жилищные условия имеют жители тех районов, где по принципу социальной справедливости требуются наилучшие. Так, газовики и нефтяники Севера, работая в суровых климатических условиях и давая стране огромный доход, нередко живут в бараках, балках, бочках.

Русские имеют большие потери в сфере культуры: варварски разрушена значительная часть исторических памятников, Россия лишилась национального научного центра — Российской Академии наук. Нация, как справедливо отмечал Н. Моисеев, потеряла практически всю интеллигенцию. На ее возрождение потребуется не одно поколение: подготовить специалиста и воспитать интеллигента — не одно и то же.

Чтобы оздоровить создавшуюся в России ситуацию, необходимо прежде всего покончить с преступным невниманием центрального аппарата к судьбам и нуждам республики.

Думается, одна из основных причин низких темпов развития России и ее демографической деградации — в усеченной общественно-политической структуре РСФСР, лишенной республиканских партийных, комсомольских, профсоюзных и других организаций, а стало быть, и возможности воспитания своих национальных политических лидеров, отсутствие которых наглядно продемонстрировал первый Съезд народных депутатов СССР.

Вспомним, что из многочисленного корпуса депутатов-москвичей ни один не выразил серьезной озабоченности судьбами России и русских. Озабоченность и тревога прозвучали в выступлении В. Распутина из Иркутска, В. Белова из Вологды, В. Ярина из Нижнего Тагила... У москвичей были другие заботы. Даже Б. Н. Ельцин забыл, что избран депутатом от Российского национально-территориального округа. Вместе с двумястами другими депутатами он обратился в президиум Съезда с предложением создать при Верховном Совете СССР особую комиссию по защите прав евреев. Права евреев, разумеется, защищать надо, но, думается, не в меньшей защите нуждаются убиваемые, избиваемые и изгоняемые с мест постоянного жительства турки-месхетинцы, азербайджанцы, армяне.

Создание российских общественно-политических организаций необходимо для оздоровления всех сфер жизни в России. Ведь никто не станет отрицать, что 14 ЦК республиканских компартий, комсомола, профсоюзов и другие республиканские общественные организации сыграли существенную роль в обеспечении социально-экономического и культурно-политического развития республик. А раз так, то пора и Российскую Федерацию поставить по этому параметру в **равное** положение.

Бюро ЦК по РСФСР этой проблемы, на мой взгляд, решить не может. Такая попытка уже предпринималась при Хрущеве, но оказалась обреченной на провал, так как созданное Бюро лишь дублировало центральный аппарат.

Можно предвидеть активное сопротивление центрального аппарата общественных организаций СССР справедливому решению вопроса — уже в силу того, что это потребует резкого сокращения союзных органов. Но цель стоит жертв. А цель — прекратить дискриминацию РСФСР по всем параметрам, в том числе предоставить ей право на полнокровную, неусеченную общественно-политическую структуру **наравне** со всеми другими советскими республиками.

Есть и еще один аргумент в пользу справедливого решения этого вопроса. Общесоюзные органы на уровне обыденного сознания отождествляются с русскими. Поэтому их просчеты, ошибки, недостатки воспринимаются как просчеты, ошибки и недостатки русских, что ведет к осложнению межнациональных отношений, недовольству русскими.

Обсуждая пути развития советской федерации, подавляющее большинство теоретиков и практиков видят выход в децентрализации управления посредством расширения прав союзных республик.

Децентрализация безусловно необходима. Это важное условие демократизации государства и общества. Однако думается, что для децентрализации управления экономическим и социальным развитием следует одновременно расширять права мест, территорий. От расширения прав республик выиграют лишь небольшие по территории и численности населения республики. Малоэффективной эта мера окажется для Украины и совершенно неэффективной — для РСФСР, которая по-прежнему будет управляться из центра, хотя именно она в наибольшей мере нуждается в децентрализации.

Надо ли доказывать, что из Таллинна управлять любым маленьким районом Эстонии гораздо проще, чем из Москвы управлять огромной Тюменской областью или Сахалином, отстоящими от Москвы на тысячи километров?

Демократизацию управления территорией целесообразно проводить не сверху, а снизу. Этот принцип следовало бы заложить в правовые акты, регламентирующие самоуправление территории. Такой путь будет содействовать расширению прав мест, не ущемляя интересов республик.

Проведение экономической реформы РСФСР, перевод ее на хозрасчет предполагает серьезную реформу цен. Именно в политике цен одна из основных причин нерентабельности и низкой рентабельности колхозов и совхозов России. О каком хозрасчете картофелеводческого района может идти речь, если каждая тонна почти бесплатного по нынешним ценам картофеля приносит его производителям только убытки?

Много лет ждет своего решения проблема земельных кадастров, хотя всем ясно, что без учета специфики и плодородия почв не может быть рационального планирования сельского хозяйства, справедливой налоговой системы.

Необходима реформа бюджетных и распределительных отношений, строящихся по принципу «каждому по труду». Пора преодолеть централизацию в формировании республиканского и местных бюджетов, разработав правовой механизм формирования бюджета снизу вверх, а не наоборот, как это делается сейчас: доходы идут в центр, а затем спускаются на места.

Важным звеном в обеспечении равенства социально-экономических и культурно-политических прав и возможностей России в ряду других республик должно стать возрождение Российской Академии наук с ее глубокими традициями.

Чрезвычайная острота создавшейся в РСФСР, особенно в ее центральных районах, демографической ситуации диктует необходимость срочной разработки научно обоснованной демографической политики, а также экономических, юридических, политических и иных гарантий ее реализации.

В большинстве республик усилиями республиканских академий наук и общественных организаций разработаны планы развития народонаселения. В РСФСР, более других в этом нуждающейся, такие планы отсутствуют, да и некому их разрабатывать.

Пора создать, как это сделано во многих государствах, при высшем органе власти Комитет по народонаселению, к компетенции которого должна быть отнесена выработка основных целей и задач демографической политики, путей и методов их достижения.

Целесообразно сделать такой орган союзно-республиканским, способным обеспечить оптимальное для всего Союза ССР развитие населения с учетом региональной демографической ситуации и национальных традиций.

К его компетенции следует отнести и выработку основных принципов миграционной политики. Проводя массовое заселение центра России выходцами из республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья, неплохо было бы учитывать опыт миграции в Прибалтийских республиках, которая послужила поводом к межнациональным конфликтам.

Сегодня многие выходцы из России, проживающие в других республиках, вернулись бы в родные места, если бы там были созданы нормальные жизненные условия. Постройте в Новгородской, Псковской или Смоленской областях столь же благоустроенные сельские поселки с дорогами, школами, больницами, какие есть в соседней Прибалтике, гарантируйте хорошие заработки — и многие русские с удовольствием туда переедут.

В последнее время все чаще раздаются голоса о переводе столицы РСФСР в другой город и о придании Московской области статуса союзной территории (по примеру США, где столичный округ Колумбия находится в федеральном подчинении и финансируется из общефедерального бюджета).

Москва действительно не справляется с функцией двух столиц, и проигрывает от этого Россия. Однако при решении этого вопроса следует учитывать, что Россия, в отличие от СССР, существует не несколько десятилетий, а много веков. И Москва была ее столицей не один век.

СССР как молодое государство может построить себе новую столицу. Такие предложения высказывались в 30-е годы. Предлагалось сделать столицей СССР город, который территориально был бы ближе к центру государства: Свердловск или Куйбышев. Тогда эти предложения были отвергнуты, а их авторы репрессированы. Сегодня следует, думаю, вернуться к подобным предложениям. И в любом случае надо опросить россиян, согласны ли они исключить Москву из состава РСФСР. Судьба Москвы не может решаться волей одних москвичей.

Важной причиной нерешенности целого узла российских и русских проблем представляется сравнительно низкий уровень национального самосознания русских, которые смирились даже с утратой названия Центральной России, обозванной бюрократами Нечерноземной зоной.

В отличие от народов других союзных республик русские не осознали еще в полной мере остроту своих экономических, демографических и иных проблем. А если национальный вопрос четко не обозначен и не осознан народом, то надеяться на его успешное решение нет оснований.

Важную роль в формировании национального самосознания играют средства массовой информации, каковых в РСФСР почти нет. Загляните в каталог республиканских изданий, и вы увидите, что каждая республика имеет 14—15 своих газет. В РСФСР их всего три. При этом одна на финском языке («Советская Карелия»), одна — на еврейском («Звезда Биробиджана») и только одна, выходящая раз в неделю («Литературная Россия»),— на русском. Выходящие на русском языке центральные газеты не являются русскими. Они всего лишь русскоязычные.

Давно назрела необходимость иметь русские национальные средства массовой информации в объеме не меньшем, чем их имеют другие союзные республики, в том числе республиканское радио и телевидение. Обещанный телеканал «Говорит и показывает Россия» республику удовлетворить не может. Телеканалы на российском телевидении должны иметь другие народы многонациональной РСФСР.

Национальные проблемы не существуют в рафинированном виде, они тесно связаны с проблемами экономическими, социальными, демографическими. Положение России и русских тесно связано с положением промышленного рабочего класса, ибо русские и россияне составляют в нем подавляющее большинство не только в РСФСР, но и в СССР в целом (61% всех промышленных рабочих страны). Поэтому улучшение социального и экономического положения России и россиян — необходимое условие улучшения положения промышленного рабочего класса и упрочения Союза ССР.

Не предоставив РСФСР и ее народам **равных** с другими республиками и народами прав и возможностей, нельзя обеспечить не только процветания, но и стабильности Союза ССР. Союз равноправных республик не может считаться таковым, если крупнейшая из них — РСФСР — находится в дискриминированном положении.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПЕКИНСКИХ СТУДЕНТОВ

(май 1989 год)

В прекрасном солнечном мае мы начали нашу голодовку. В лучшее время нашей жизни мы расстаемся со всем прекрасным, что есть в ней. Нам жаль покидать ее, мы не хотим расставаться с ней.

Но наша страна продолжает оставаться в кризисе: серьезная инфляция, продажность чиновников, тирания, коррумпированная бюрократия. Люди с высокими идеалами вынуждены искать убежище за океаном... В это время жизни и смерти нации соотечественники, те, в ком жива совесть, пожалуйста, прислушайтесь к нашему зову:

Эта страна — наша страна.
Этот народ — наш народ.
Это правительство — наше правительство.

Если мы не крикнем во всеуслышание, то кто же?

Кто сделает это, если не мы?

Хотя наши плечи слабы, хотя смерть слишком тяжела для нас, мы остаемся здесь. У нас нет альтернативы, история торопит нас.

Мы хотим спросить всех честных граждан Китая — рабочих, крестьян, солдат, интеллигенцию,— а также тех, кто обвиняет нас: в чем наша вина? В мятеже? В студенческой забастовке? В голодовке или демонстрации?

Что лучше: скрыться, спасти свою шкуру бегством?

Почему в самом деле мы делаем это? Наш энтузиазм снова оказался глупым, мы снова остались в дураках. Мы терпим голод ради правды, а получаем за это жестокие побои бронированной милиции. Наши студенческие представители умоляли о демократии — их игнорировали. Наши требования справедливого диалога с правительством натолкнулись на выжидательную тактику. Нашим студенческим лидерам угрожает опасность.

Что же нам делать?

Демократия — это возвышенная жизненная страсть, свобода — это наследственное и инстинктивное право каждого. Но состоятся они могут только в обмен на наши молодые жизни. Сможет ли китайский народ поддержать это?

У нас только один путь, нам не из чего выбирать — у нас только одна дорога. С мужеством глядя в лицо смерти, мы должны сражаться за жизнь.

И все-таки мы еще очень молоды, мы очень молоды. Матери, посмотрите внимательно на ваших детей! Смерть настигает их! Как можете вы оставаться безучастными?

Мы не хотим умирать, мы хотим жить, мы — в расцвете жизни. Мы не хотим умирать — мы хотим учиться. Смерть — это совсем не то, чего мы искали. Но если смерть одного или нескольких может сделать лучше жизнь многих и помочь процветанию родины, мы не имеем права оставаться в живых.

Когда мы умрем, родители, не скорбите о нас. Мы имели только одно желание — чтобы жизнь стала лучше. Пожалуйста, не забывайте: смерть — это совсем не то, чего мы искали! Демократия — это не забота нескольких, и она определенно недостижима в пределах одного поколения.

Смерть — это ожидание более обширного и вечного эха; слова умирающего человека — почетны...

Прощайте, собратья, берегите себя! Мертвые и живые должны быть равно честны.

Прощайте, любимые, берегите себя! Хотя мы не достигли цели, у нас не было другого выбора.

Прощайте, отцы и матери! Ваши дети не могли оставаться верноподданными государства, но мы всегда были послушны вам.

Прощайте, люди! Пожалуйста, позвольте нам продемонстрировать нашу лояльность таким единственно возможным способом.

То, в чем мы клянемся нашими жизнями, непременно будет под ясным небом республики!

Причины голодовки.

Первое: протест против безразличия правительства к забастовке пекинских студентов.

Второе: протест против выжидательной тактики правительства в ответ на просьбу о диалоге студенческих представителей Автономной федерации Пекинского университета.

Третье: протест против искажений в правительственных сообщениях о студенческом движении, навешивания ярлыков, объявления студенческой забастовки «мятежной».

Требования голодающих.

Первое: мы просим правительство о немедленном диалоге с представителями Автономной федерации Пекинского университета как с равной стороной.

Второе: мы просим правительство исправить ошибки в определении студенческого движения как «мятежа», относиться к движению корректно и впредь именовать его «Патриотическим движением студентов за демократию».

Начало голодовки: 13 мая, 2 часа дня.

Место голодовки: площадь Тяньаньмэнь.

Это не мятеж. Признайте ошибку немедленно! Начинайте диалог сейчас же, не откладывая! Мы голодаем ради людей, и у нас нет выбора!

Пусть все демократические силы поддержат нас!

Перевод с английского

Александр ЯНОВ

РУССКАЯ ИДЕЯ И 2000-й ГОД

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

Чуть больше года назад в Нью-Йорке вышла на русском языке книга эмигранта, и вот уже о ней пишут в наших журналах, по поводу ее собираются за «круглым столом» наши ученые, ее обложку даже показывают по телевизору. Причиной этому, конечно, прежде всего общественная ситуация в стране. Еще недавно даже наши ученые-обществоведы (не говоря уже об остальной части населения) могли только смутно догадываться, что «там» что-то пишется и издается. Новинки зарубежных авторов шли в залы научных библиотек годами. Что же касается эмигрантской литературы, то ею, как правило, занимались специалисты совсем другого профиля... Но отметим и такой факт: именно сегодня, когда наш книжный рынок переполнен выпущенной из-под ареста литературой, книжка Александра Янова «Русская идея и 2000-й год» (Liberty Publishing House, New Jork, 1988) все-таки выделена, отмечена, вокруг нее разгорелись баталии. Кто-то припечатал ее ярким словцом «русофобия». Кто-то отвернулся от нее как от поделки, не стоящей внимания просвещенного ума. Но все равно читают, и даже те, кто не имеет возможности прочесть, спорят! Дело тут, вероятно, во «взрывчатой» (по слову Янова) теме.

В прошлом автор статей в советской периодике, а ныне профессор политических наук в Нью-Йоркском университете, А. Янов пишет об опасности, которую, на его взгляд, представляет для всего человечества «русская идея». В русской истории он видит череду сменяющих друг друга реформ и контрреформ при сохранении в течение многих столетий одной и той же политической системы — ***автократии.*** *Ни многочисленные реформы, ни кровавые революции не могли преобразовать или разрушить эту сущность, ведя лишь к появлению новых подсистем. Таковы, по Янову,* ***Московская*** *подсистема (1564—1700), сменившаяся* ***Петербургской*** *(1700 — февраль 1917), на смену которой пришла, в свою очередь, подсистема* ***Советская*** *(с октября 1917). Исторический упадок очередной подсистемы сопровождается всякий раз надеждой на реформы, которые освободят Россию от ярма «гарнизонной» жизни, введут ее в круг цивилизованных государств. Появляются и реформаторы — Василий Голицын в эпоху Петра I, Александр II, Петр Столыпин... Но в силу неблагоприятного стечения обстоятельств всякий раз побеждали «лидеры гарнизонных контрреформ»: Петр I, Александр III... В наше время, когда, на взгляд Янова, Россия переживает очередной кризис и дала нового реформатора — Горбачева, «слишком многое в судьбе мира зависит от того, каким путем она будет выходить из своего кризиса — путем реформ или контрреформ».*

Не будем более рассуждать об этой книге (слишком много мы читали в свое время недобросовестных комментариев, не имея возможности познакомиться с оригинальными текстами). Читатель сможет отчасти сам судить о ее достоинствах и недостатках по отрывку, который мы, с разрешения автора, перепечатываем. А заключит публикацию дискуссия, которая состоялась по поводу книги А. Янова в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР.

Еще одно необходимое предуведомление. И автор книги, и спорящие о ней нередко цитируют или по крайней мере подразумевают источники, которые либо не дошли до отечественного читателя, либо знакомы ему только по «самиздату». Ссылки на эти источники мы здесь, как правило, опускаем.

Сергей ЯКОВЛЕВ

Судьба «русской идеи» прошлого века была моей специальностью. В конце 1960-х гг. я готовил к защите диссертацию, которая так и называлась: «Славянофилы и Константин Леонтьев: вырождение русского национализма: 1856—1891 гг.». Я не стану, однако, уверять, будто мною руководил только научный интерес (хотя и с чисто академической точки зрения тема была взрывчатой: Леонтьев был табу в советской историографии с 1930-х гг., а изучение славянофильства — на мертвой точке). Самый замечательный аспект моей темы заключался вовсе не в ее академическом потенциале. Он был в самой русской действительности конца 1960-х гг., когда история словно бы оживала перед нашими глазами. Из-под глыб замшелой официальной идеологии вдруг стали пробиваться свежие удивительные голоса, толковавшие о необходимости национального возрождения, о возвращении к национальным корням и спасении России. Новое настроение, как вихрь, закружило Москву. Оно возникало стихийно, снизу, не только не по указанию властей, но порою было направлено прямо против них. В домах интеллигентов, в клубах и университетах появились люди самого разного возраста — и старики, и юноши,— призывавшие вернуться «домой», к «святыням национального духа», торжественно декламировавшие о «земле» и «почве»,— словно ожили славянофилы 1830-х гг. Один из самых популярных московских журналов, «Молодая гвардия», присоединился к этому хору, опубликовав серию громовых статей. Модной темой дискуссий стало вдруг вымирание русской деревни, ужасающее запустение колыбели нации — Северо-Восточной Руси (т. е. то самое, чему ужаснулся я, объездив пол-России и написав об этом самые горькие свои статьи).

Интеллигенция вдруг устремилась проводить отпуска в деревнях, у могил далеких предков — вместо модных еще недавно Крыма, Кавказа и Прибалтики. Молодежь бродила по вымирающим деревням, собирая иконы, и очень скоро не осталось почти ни одного интеллигентного дома в Москве, не украшенного символами православия. Писатель Владимир Солоухин появился в Доме литераторов с перстнем, на котором был изображен расстрелянный император Николай Второй. На черном рынке возник бешеный спрос на книги «контрреволюционеров» и «белогвардейцев», умерших в эмиграции.

Впоследствии Солженицын так сформулирует это настроение: «Бездумное заблуждение — считать русских в СССР «правящей нацией»... Русские — главная масса рабов этого государства. Русский народ изможден, биологически вырождается, его национальное сознание принижено, подавлено».

Эта естественная забота о своем страдающем народе не вызвала бы ничего, кроме сочувствия, если бы в общем националистическом хоре не пробились вдруг странно знакомые и зловещие голоса. Ходила по рукам вышедшая из недр Московского горкома комсомола одна из первых ласточек «самиздата» — листовка «Устав нравов», написанная видным комсомольским функционером Валерием Скурлатовым. Автор утверждал, что «нет более подлого занятия, чем быть мыслителем, интеллигентом». Он призывал «настраивать молодежь на смертельную борьбу», связанную «с космической миссией нашего народа», и попутно «ввести телесные наказания для женщин, отдающихся иностранцам, клеймить их и стерилизовать». Поначалу это показалось курьезом, хоть и зловещим. Но когда весною 1968 г. стало известно об аресте националистической группы А. Фетисова, идеи которой представляли собою «критику советской системы с позиций крайнего тоталитаризма и шовинизма», сомнений в том, что возрождающаяся «русская идея» отбрасывает мрачную шовинистическую тень, больше не оставалось. Оказалось, что в работах этих диссидентов-националистов «историческое развитие человечества представлялось как борьба порядка с хаосом, воплощенным в еврейском народе, создававшем беспорядок в Европе на протяжении двух тысяч лет, покуда Германские и Славянские принципы — тоталитарные режимы Гитлера и Сталина — не положили этому конец». Оказалось далее, что единомышленники А. Фетисова рассматривали «эти режимы как исторически неизбежные и позитивные явления».

ИСПЫТАНИЕ ИСТОРИЕЙ

Американский мыслитель Гораций Уайт заметил однажды, что конституция Соединенных Штатов «основана на философии Гоббса и религии Кальвина. Она предполагает, что «естественное состояние человечества есть состояние войны и что земной ум находится во вражде с Богом». Хорошо это или плохо — другой вопрос. Невозможно отри-

цать, однако, что на основе этого религиозно-философского мироощущения была создана достаточно практичная политическая доктрина («парламентаризм»), ухитрившаяся пережить все великие кризисы XX в.— политические, военные и зкономические — и избежавшая, следовательно, катастрофы, предсказанной ей славянофилами полтора столетия назад. Люди, набрасывавшие конституцию летом 1787 г. в Филадельфии, «не верили в человека,— как замечает историк Ричард Хофштадтер,— но верили в силу хорошей политической конституции, способной его контролировать». Они не ожидали от зтого человека духовного возрождения или нравственной революции, одним словом, чудесного превращения в кладезь добродетели. Они не верили, что добродетель способна когда-либо нейтрализовать порок, «вместо зтого отцы конституции полагались на способность порока нейтрализовать порок».

Американской конституции не существовало бы, если бы они хоть на минуту предположили, что нравственная революция должна предшествовать политической. Даже дискуссии на эту тему, которыми уже второе столетие поглощены проповедники «русской идеи», показались бы им пустой тратой времени. Ни одной демократии не существовало бы в мире сегодня — и, следовательно, сегодняшним пророкам «русской идеи» негде было бы спасаться от отечественного деспотизма, если бы западные лидеры последовали в свое время совету их духовных прародителей и сочли парламентаризм мировым злом.

Я не берусь быть судьей в споре между философией Кальвина и Гоббса и философией отцов православной церкви. Может быть, последняя была несопоставимо благочестивее и духовнее первой. Однако идея нейтрализовать порок пороком оказалась практичной в политике, а идея возрождения добродетели, способной впоследствии нейтрализовать порок, оказалась бесплодной мечтой, способной лишь увековечить деспотизм.

При всем естественном человеческом уважении к духовным поискам отцов «русской идеи» приходится констатировать, что изначальное презрение к политике и ненависть к парламентаризму наказали их политическим банкротством. Именно парламентаризм, от которого намеревались они спасать Европу, в действительности спас Европу. Он оказался единственным известным человечеству способом обеспечить свободу. История показала, что «русская идея» была не практической альтернативой парламентаризму, но лишь утопией. Причем, как мы увидим дальше, утопией опасной.

Представим себе на минуту соседей, каждый из которых вел хозяйство, руководствуясь собственным принципом. Для одного этим принципом являлся, допустим, парламентаризм, для другого — «русская идея». Первый, хорошо ли, дурно ли, пережил сотрясавшие его хозяйство кризисы и пошел вперед, а другой — вылетел в трубу. Есть ли основания у наследников банкрота высокомерно третировать хозяйство соседа как «гниющее», как «готовое рухнуть каждую минуту», как «духовное закрепощение»?

Конечно, наследники банкрота могут возразить — и возражают,— что Россия была бы сейчас во главе мировой культуры, если бы только не завоевал ее в 1917 г. западный коммунизм, если бы только православие получило возможность свершить предначертанное ему Богом, если бы только у пророков «русской идеи» были развязаны руки.

Но в распоряжении их политических предшественников было достаточно времени — с 1830-х годов до начала двадцатого века. Все зти годы Россия была лидером мирового антикоммунизма, православие было ее государственной религией и, следовательно, у сторонников «русской идеи» были развязаны руки. У них были десятилетия для того, чтобы поставить исторический зксперимент, и они действительно попытались его поставить.

Чем он закончился? Тем, что сегодняшним их идейным наследникам приходится повторять все те же обанкротившиеся призывы и несостоявшиеся прогнозы.

Мы еще вернемся к зтим вопросам. Сейчас суммируем лишь главные положения первоначального катехизиса славянофильства, выработанного отцами «русской идеи» и повторяемого сегодня их наследниками.

МИССИЯ РОССИИ

Катехизис зтот исходил, как мы уже знаем, из того, что современный мир переживает глобальный духовный кризис, который, говоря словами сегодняшнего пророка, «стремительно увлекает человечество к катастрофе».

«Русская идея» указывала на неспособность секуляризованного, материалистического и космополитического Запада справиться с этим духовным кризисом, устоять перед «анархией, безверием и динамитом» (в старой антидеспотической редакции), или перед «кучкою сопливых террористов» и глобальным коммунистическим натиском (в новой редакции, антикоммунистической).

«Русская идея» видела историчвский источник этого кризиса в секулярном Просвещении — в отказе Запада от религии как духовной основы политики, в его неспособности осознать, что не индивид, а нация является фундаментом задуманного Богом миропорядка, что «человечество квантуется нациями» (опять-таки говоря словами сегодняшнего пророка).

«Русская идея» указывала на провиденциальную роль православия, единственно способного спасти мир на краю бездны, и на Россию как на носительницу зтой великой миссии.

Она отрицала «вмешательство правительства в нравственную жизнь народа» (полицейское государство). Но в равной степени отрицала она и «вмешательство народа в государственную власть» (парламентаризм). Обоим противопоставлялся «принцип власти *авторитарной*». Власть, учили пророки «русской идеи», должна быть неограниченной, потому что «только при неограниченной власти монархической народ может отделить от себя государство, предоставить себе жизнь нравственно-общественную, стремление к духовной свободе».

«Русская идея» не признавала центрального постулата западной политической мысли о разделении властей (как институциональном воплощении нейтрализации порока пороком). Она противопоставила ему принцип *разделения функций* между светской и духовной властями — государством, охраняющим страну от внешнего врага, и православной церковью, улаживающей внутренние конфликты нации. Мизантропической философии Гоббса противопоставила она пусть наивную, но чистую веру в отношения любви и добра во всей иерархии человеческих коллективов, составляющих общество,— в семье, в крестьянской общине, в монастыре, в церкви и в нации. Нация-семья, не нуждающаяся в парламентах, ни в политических партиях, ни в разделении властей, стала ее идеалом. Как и семье, нации не нужны правовые гарантии или институциональные ограничения власти. Как и в семье, на первом месте у нации должны быть не права, но обязанности ее членов. Как и в семье, конфликты нации должны улаживаться духовным авторитетом, а не конституцией.

Идеал нации-семьи предполагал необходимость избавления от порочных влияний «улицы» (Запада) и, следовательно, духовное возрождение, нравственную революцию, в ходе которой Россия вернется «домой», к своим чистым сельским истокам, в царскую, т. е. допетербургскую (в старой редакции) или докоммунистическую (в новой), Русь, предположительно не ведавшую ни деспотизма, ни полицейского террора, ни официальной государственной лжи.

ФОРМУЛА СВОБОДЫ

Можно соглашаться или не соглашаться с зтим первоначальным катехизисом «русской идеи», который, на первый взгляд, столь неожиданно возродился совершенно неизменившимся столетие спустя в коммунистической России, но нельзя отказвть ему в благородстве замысла и чистоте намерений. Славянофильство было движением оппозиционным. Хотя первые его пророки были националистами, они ненавидели *официальный* национализм, идеологию николаевской диктатуры. Они страстно сопротивлялись человеческому угнетению во всех его формах, будь то крепостное право, цензура или официальная ложь. Они призывали «жить не по лжи». И хотя они, естественно, не могли удержаться от констатации духовного, культурного и потенциального политического превосходства России над Западом, они не желали употребить зто превосходство во вред Западу. Они желали лишь открыть вму глаза на то, что есть истина, и тем самым великодушно протягивали ему руку помощи.

Это правда, что славянофильство было «ретроспективной утопией» (Петр Чаадаев). Это правда, что оно было реакционно и реактивно (т. е. в одно и то же время представляло романтическую реакцию на банкротство европейского рационализма восемнадцатого века и политическую реакцию на начавшийся в 1830—1850-е гг. новый упадок русской империи). Это правда, наконец, что оно было неспособно исполнить ни одного из своих торжественных обещаний, т. е. ни спасти Россию от действительно надвигавшейся на нее катастрофы (которую оно — и зто грех забывать — первое почувствовало и отразило в своих пламенных писаниях), ни спасти Европу от парламентаризма (к счастью). И при всем том было бы крайне несправедливо забывать, что исходным пунктом политичвского поиска славянофильства была свобода (пусть лишь духовная, а не политичвская).

Его катехизис был удручающе беден.

Двспотизм и парламентаризм — на отрицательном полюсе; «принцип авторитарной власти» (т. е. неограниченная власть, каким-то образом обеспечивающая духовную свободу) — на положительном.

Рационализм — на отрицательном полюсе; вера — на положительном.

Индивидуализм — на отрицательном; коллективизм — на положительном.

Космополитизм — на отрицательном; национализм — на положительном.

Поскольку одна формула: «свобода равна рационализму плюс индивидуализм, плюс космополитизм» к началу девятнадцатого столетия оказалась несостоятельной, отцы «русской идеи», перетасовав зламенты, получили новую формулу свободы: свобода равна религиозной вере плюс коллективизм, плюс национализм.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Современники славянофилов — и либералы-западники, как А. Герцен, и народники, как Н. Чернышевский, прекрасно понимая реакционность ретроспективной утопии, ценили тем не менее движущее ею стремление к свободе (подобно тому, как академические попутчики сегодняшней антикоммунистической «русской идеи» на Западе понимают и ценят А. Солженицына и его соратников).

Герцен признавался: «Мы видели в их учении новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболепной византийской церкви». И продолжал: «Да, мы были противниками их, но очень странными: у нас была одна любовь, но не одинакая... мы, как Янус, или, как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время, как сердце билось одно». Менее метафорично, но не менее твердо повторял ту же мысль Чернышевский: «Мало сказать в оправдание славянофильства, что оно приносит относительную или отрицательную пользу. Есть в нем некоторые стороны и безусловно хорошие... Что же касается до его стремлений, нельзя не отдать ему полной справедливости».

Ничего похожего не найдем мы, однако, в отношении современных либеральных московских мыслителей к сегодняшней антикоммунистической «русской идее». Андрей Сахаров, Леонид Пинский, Григорий Померанц, Андрей Синявский, Валерий Чалидзе, Борис Шрагин, Андрей Амальрик единодушно отнеслись к возродившейся «русской идее» с подозрением, чтоб не сказать, с откровенной враждебностью. Во всяком случае, никто из них не сказал бы, подобно Герцену, что у него была «одна любовь» с русофилами (как тотчас окрещены были в Москве современные поклонники «русской идеи»). Зато «новая цепь, налагаемая на мысль», была замечена ими мгновенно, и против «нового подчинения совести раболепной византийской церкви» возникли страстные протесты. Почему? Откуда зта разница?

Никто из зтих людей не испытывал ни малейшей симпатии к коммунизму. Напротив, многие из них стали известны благодаря диссидентской борьбе, и все они — против «душевредного деспотизма». Соблазнительно было бы объяснить их враждебность к возродившейся «русской идее» нетерпимостью, отличающей советскую либеральную интеллигенцию от дореволюционной. Однако если мы попробуем сравнить то, что говорили о ней лучшие из лучших русских либеральных мыслителей, такие, как С. Н. Трубецкой, М. М. Стасюлевич, А. Д. Градовский, П. Н. Милюков или В. С. Соловьев, в 1880—1890-е годы, мы должны будем с удивлением констатировать, что сегодняшние русские либералы несопоставимо более толерантны к русофилам, нежели их дореволюционные предшественники.

Что же такое узнали о «русской идее» ее критики 1880-х и 1980-х годов, чего не могли знать люди поколения Герцена и Чернышввского и чего до сих пор не знают ее западные попутчики? Почему так немедленно и без колебаний подняли они против нее меч? Что случилось с благородной ретроспективной утопией после Константина Аксакова?

Мы никогда не поймем этого, если не обратимся к ее генезису и к процессу ее идеологического развития.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА?

В обсуждении книги А. Янова, состоявшемся в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР, принимали участие:

Яков БЕРГЕР,
заведующий отделом ИНИОН,
доктор исторических наук;

Леонид ВОЛКОВ,
старший научный сотрудник ИНИОН,
кандидат юридических наук;

Рената ГАЛЬЦЕВА,
старший научный сотрудник ИНИОН;

Игорь КЛЯМКИН,
ведущий научный сотрудник ИЭМСС АН СССР,
доктор философских наук;

Сергей ЛЁЗОВ,
старший научный сотрудник ИНИОН;

Валентин ОСКОЦКИЙ,
публицист;

Григорий ПОМЕРАНЦ,
публицист;

Виктория ЧАЛИКОВА,
старший научный сотрудник ИНИОН,
кандидат философских наук.

Записала беседу кандидат исторических наук
Галина КОВАЛЬСКАЯ.

Л. Волков. Национальный вопрос шел к нам медленно. Когда-то он незаметно уступил место вопросу государственному, приняв облик великодержавного интернационализма в годы сталинского послевоенья. Набирал пузырьки протеста в эпохальном благополучии застоя. И вдруг закипел. И закипел кровавой пеной Казахстана, Сумгаита, Тбилиси, Ферганы, вздулся налитыми кровью речами и манифестами некоторых «патриотических» движений в самой России. Откуда это кипение? Что на самом деле выражает национальный протест: волю гибнущей культуры к своему спасению или волю нескольких людей к господству и власти посредством нового сильного мифа? Или, быть может, ревнители национальной культуры не видят иного способа ее утверждения, кроме как с помощью мифологии сильной власти?

А. Янов — среди тех, кто давно уже бьет тревогу по этому поводу.

Несколько слов об авторе. В 60-е годы А. Янов был хорошо известен у нас как историк, переводчик поэзии и публицист. Его статьи об экономическом эксперименте Худенко печатала «Литературная газета». Особый интерес вызвали публикации Янова о славянофильстве, в которых он вопреки доминировавшей традиции отстаивал оппозиционный характер этого течения по отношению к охранительной идеологии и политике официальной самодержавной «народности». В 70-е годы А. Янов вынужден был эмигрировать, поскольку его острые публикации вызвали резкую реакцию официальных кругов. Незадолго до отъезда он закончил работу над книгой, посвященной анализу русской автократии. В понимании Янова российская автократия не тождественна абсолютизму. Абсолютизм в Европе опирался на экономическую автономию личности, русская же автократия, счет которой автор ведет от Ивана Грозного, не оставляла, по его мнению, ни экономической, ни какой-либо иной самостоятельности личности.

Ныне Янов, доктор политических наук в США, выступает как один из горячих сторонников нашей перестройки. В случае ее провала он предвидит наступление контрреформы, последствия которой могут оказаться апокалиптическими не только для России, но и для мира.

Участвуя в полемике с русской эмиграцией, нередко вступая в споры с А. Солженицыным, Янов и сам подвергается довольно резкой критике. Но, независимо от отношения к его взглядам, я считаю необходимым подчеркнуть, что это человек, влюбленный в Россию. Янов пишет, не сообразуясь с конъюнктурой, пишет, что думает. Такого рода интеллектуальное мужество, по-моему, тем более заслуживает признания, что для нашей эмиграции оно не столь уж характерно.

И. Клямкин. Мне не близка книга Янова своими историческими построениями. Однако мне тоже хочется отметить, что образ Янова в работах так называемых «правых» совершенно неадекватен. У них получается, что Янов — бывший активист-коммунист, конъюнктурщик, который сначала преуспел здесь, а теперь преуспевает на Западе. На самом деле он всегда оставался самим собой — и здесь, и за рубежом,— был, во всяком случае, честен и последователен. Он не сменил один комфортный статус на другой, он был выслан.

Г. Померанц. Сейчас в публицистике (и советской, и зарубежной) стали довольно много говорить и писать о проблеме русского фашизма. Мне не кажется убедительным отождествление русских черносотенцев с фашистами. Здесь может быть одна точка сближения: и черносотенцы, и гитлеровцы были антисемиты. Но итальянские фашисты антисемитами не были, и, скажем, Муссолини, пока был еще от Гитлера независим, с презрением говорил об антисемитизме как о варварстве. У черносотенцев не было и нет никакого плана радикального переустройства общества. У фашистов он все-таки был. Фашизм вырастает из разочарования в демократии и несет в себе некоторые остатки демократии (например, умение завоевывать общественное мнение). В нашем обществе мы переживаем, наоборот, период очарования демократией. Далее, фашизм, как мы знаем из истории, складывался не в имперских странах.

Наша страна, как мне представляется, больше напоминает Францию периода алжирского движения за независимость. В этом смысле наши крайние националисты ближе не к фашистам, а к оасовцам. Мы встали сегодня перед фактом деколонизации. Наша пропаганда внесла немалый вклад в популяризацию методов, применяемых в уличных схватках. Из года в год нам показывали, как надо кидать камни в колонизаторов, из года в год в нас воспитывали восхищение стихийными формами антиколониального протеста, и роль программы «Время» здесь не надо недооценивать. Свой вклад внесла и антисемитская пропаганда «Памяти». Национальные меньшинства типа месхов — это, конечно, не евреи. Но нельзя забывать, что подобно тому, как есть общие черты у всех народов диаспоры, так есть и общий стереотип отношения к диаспоре. Образ любого народа диаспоры обладает более или менее одинаковыми чертами, будь то китаец, или турок-месхетинец, или еврей. Кроме того, улица, по-видимому, откликнулась на различия в реакции официальных кругов на события в Алма-Ате и в Сумгаите. В Алма-Ате погром был подавлен с жестокостью, многократно превышавшей жестокость самого погрома. Тысячи были арестованы, тысячи исключены из университета. А в Сумгаите арестованы всего несколько десятков. Общественное сознание отозвалось на эту ситуацию просто: легче бить представителей меньшинства — за это меньше наказывают. Если эта волна будет нарастать, то может действительно возникнуть угроза сталкивающихся народных движений, хотя мне лично более вероятной кажется угроза хунты.

Русское националистическое народное движение не обязательно должно носить антисемитский характер. Могут быть использованы антиисламские настроения или какие-нибудь другие. Сегодняшняя «Память» — это не широкое народное движение, а скорее вспомогательные силы право-консервативного истэблишмента. Антисемитизм советского времени у самых своих истоков был связан с официальной политикой. Я помню, например, какая жуткая вакханалия развернулась вокруг «дела врачей». И когда потом без объяснений дело было прекращено, то подавляющее большинство трудящихся (кроме евреев, интеллигентов и антисоветски настроенных людей) решили, что евреи дали взятку, чтобы откупиться от справедливого возмездия. Тогда были созданы самостоятельные молодежные антисемитские организации, ставившие своей целью восстановить справедливость в отношении евреев-взяткодателей.

При каких условиях сегодняшние националистические настроения могут перерасти в широкое народное движение? Прежде всего для этого нужно, чтобы какая-то совокупность обстоятельств привела народ в состояние полной растерянности. В таком состоянии были немцы в начале 30-х годов. Один мой знакомый, живший в это время в Германии, говорил, что если бы тогда кто-то крикнул: «Да здравствует творог!» или еще какую-нибудь подобную бессмыслицу, то люди бросились бы за ним, потому что готовы были идти за любым лозунгом. Далее, нужен харизматический лидер, способный воспользоваться этим состоянием растерянности. Я пока, слава Богу, не вижу такого лидера среди сегодняшних «правых». Наконец, нужны все же популярные лозунги, связанные, допустим, с борьбой за экологию, борьбой с наркоманией, преступностью,— лозунги сами по себе вполне здравые...

Наша дальнейшая судьба целиком зависит от того, насколько удастся найти разумный выход из кризиса, не дать народу растеряться, утратить веру в разум.

С. Лёзов. Я считаю вполне реальной угрозу агрессивного русского национализма. Размышляя над национализмом (не только русским — национализмом вообще), я пришел к убеждению, что национальное образует замкнутый в себе комплекс, то есть в рамках национально-ориентированного самосознания «национальное» обретает самостоятельную ценность, и с ним с трудом уживаются ценности вненациональные. Поэтому национальное сознание не имеет того различения добра и зла, которое присуще, например, религиозному или светскому гуманистическому сознанию. Отсюда возникновение в рамках национального сознания такой преемственности: патриотизм — национализм — шовинизм — расизм. Я убежден, что все эти элементы с неизбежностью присущи национальному сознанию. Это происходит именно оттого, что национальное сознание вне-нравственно.

Предвижу возражения: а как укладываются в эту схему сегодняшние армянское, или грузинское, или литовское национальные движения, в рамках которых сформулированы демократические требования? Я не могу сказать, что у меня есть готовый ответ. Но, скажем, выдвинутый грузинским национальным движением лозунг «Грузия — для грузин» носит не только освободительный характер. Он предполагает, что все негрузинские народы, живущие в Грузии (а это и абхазы, и осетины, и азербайджанцы, и армяне, и множество других народов), должны все время помнить о том, что они здесь гости. Из среды этого движения были предложены условия возвращения турок-месхетинцев в Месхетию: они, во-первых, должны креститься; во-вторых, сменить фамилии и имена на грузинские; в-третьих, признать себя грузинами

и сменить свою паспортную национальность. На языке международного права это называется «национально-культурным геноцидом».

Я привел грузинский пример, чтобы не было перекоса в сторону собственно русского национализма. Указанная тенденция свойственна национальному сознанию вообще. Поэтому я считаю, что попытка А. Янова показать трансформацию русской национальной идеи от либеральных форм к агрессивным достаточно полезна. Другой вопрос, что Янов делает это неумно, неумело. Он считает, например, что все, что есть сейчас, было и до 1917 года. Как славянофилы критиковали либеральный принцип разделения властей и заменяли его идеей распределения функций между светской властью (монарх) и духовной (церковь), так и большевики, пишет Янов, установили разделение светской власти (госаппарат) и духовной (партия). Такая тенденциозность ведет к самым нелепым выводам.

Проблема русского национального возрождения, с моей точки зрения, еще никем не поставлена. Его главными предпосылками могут быть, во-первых, полная и последовательная декоммунизация (вроде той денацификации, что была после войны проведена в Западной Германии) и, во-вторых, столь же последовательная деколонизация окраин. Пока русский народ остается цементом империи, о возрождении не может быть речи.

Я не говорю, что эти предпосылки возникнут в обозримом будущем, но они должны быть сформулированы. Без этого любые разговоры о русском национальном возрождении рискуют выродиться в перемещение атаки с виноватого (власти) на безвинного (национальное меньшинство).

Я русский. В этом своем качестве я прожил в России 35 лет, и за это время мое человеческое достоинство многократно подвергалось всевозможным унижениям. Например, когда я работал в школе, меня, антикоммуниста по убеждению, загоняли на «открытые» партсобрания, а если я не шел туда, происходили унизительные объяснения с администрацией. Такого рода унижения встречались мне на каждом шагу. Но ни разу за всю свою жизнь я не был унижен потому и за то, что я русский. К сожалению, не могу сказать этого о моих армянских друзьях, о знакомых мне представителях других народов. Это различие, безусловно, существует.

А. Якобсон сформулировал в свое время «критерий отчуждения». В соответствии с этим критерием ценность той или иной идеи зависит от того, в какую сторону эта идея может отчуждаться. Например, толстовская идея в принципе не отчуждается в сторону насилия (она может отчуждаться в ином направлении — в глупость, в безответственность, но в насилие — никогда). А национальная идея легко отчуждается в сторону насилия.

Г. Померанц. Давайте поразмышляем вот над какой проблемой. Нации в Европе сложились на основе общего библейского, христианского и позднеантичного культурного наследия. Они с момента своего становления уже обладали тем, что Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью» — ориентацией на взаимодействие. Нации могут иногда враждовать, но, в отличие от архаичных племен, им не присуща цивилизационно-культурная замкнутость. В этом смысле некоторые агрессивно-националистические черты, с моей точки зрения, не национальны, а восходят к более архаичным образованиям. В этом плане, думается, может сыграть негативную роль в общем-то интересная теория этносов Л. Н. Гумилева. Эта теория обращает нас опять к морально-политическому единству. Нация — организм сложный: во-первых, открытый вовне, и, во-вторых, состоящий из совокупности более мелких образований, всякого рода «меньшинств». Другое дело — племя: племенное сознание целиком сориентировано на морально-политическое единство. Наша сегодняшняя задача — в преодолении всякого морально-политического единства, в переходе нашего сознания с квазиплеменного уровня на национальный.

И. Клямкин. Высказывая предположение об угрозе русского национализма, нельзя не задаться вопросом: на чем сегодня может держаться русская национальная идея? На чем можно удержать империю? Я думаю, что удерживать ее танками, насилием никакому сумасшедшему уже не придет в голову, и наш опыт взаимоотношений с Восточной Европой — красноречивое тому свидетельство.

Второй вопрос. Как может сочетаться национальная идея с развитием рынка? Дело в том, что эта идея принципиально неэкономична, антитоварна. Я не могу представить себе современного политика любой ориентации, который отказался бы от рыночных отношений, поскольку сама военная мощь (без которой, насколько я понимаю, немыслимо воплощение русской национальной идеи в образе империи) сегодня уже не реализуется без рынка. Мне кажется, политически у нас сегодня могут реализоваться разные варианты, но экономический путь только один — это путь к рынку. История России, по крайней мере последних столетий, складывалась как история ее взаимоотношений с Западом. И я бы рискнул определить основную тенденцию российского развития как поиск своего ответа на вызов со стороны западных технологий. Своеобразная попытка индустриализации в рамках крепостничества была сделана при Петре. Подобные попытки делались и позже. В XIX веке государство пыталось по-иному подойти к технологической модернизации, но опять же это был поиск своего пути к западным технологиям. Очень важно подчеркнуть, что российская индустриализация с самого начала шла путем, отличным от европейского. Европейская индустриализация начиналась с сельского хозяйства, затем захватывала легкую и лишь потом тяжелую промышленность. Таким образом, индустриализация развивалась в соответствии с внутренней логикой, когда каждый новый этап вытекал из требований предыдущего. И ориентирована она была на потребителя. Российская же индустриализация, которую подтолкнуло военное поражение в Крымской войне, начиналась сверху, с военной промышленности. Потому ориентирована она была не на рынок, а, условно говоря, на «государственный заказ». Когда рассуждают об уровне развития российской дореволюционной промышленности, приводят обычно цифры промышленного роста, концентрации производства и т. д. Но сам этот рост был неестественным, непропорциональным, и это обрекло страну на поражение в первой мировой войне, породило Октябрь в качестве очередной попытки ответить на западный технологический вызов, а затем сталинизм и последующие события. Мы сегодня тоже приняли вызов, идущий с Запада. Но современная ситуация имеет существенное отличие от предшествовавших: раньше собственные варианты этого ответа (пусть ненадолго) находились. Сегодня никаких своеобразных ответов уже нет. 70—80-е годы впервые за все время существования СССР поставили под сомнение возможность сохранения нашей страной конкурентоспособности даже в военной и тяжелой промышленности,— в тех областях, где она еще была конкурентоспособной. Именно это вызвало курс на перестройку. Главный вопрос сегодня перед нами: как, учитывая нашу специфику, включиться в общецивилизационные процессы, то есть перейти к рынку. Я думаю, что у нас нет выбора между демократией и сильной властью. Мы в любом случае получим только сильную власть. Вопрос только в том, родится ли она из горбачевского курса на реформу или из хаоса. Но в любом случае, хотя и в весьма различных формах, делать эта сильная власть будет одно: создавать экономический механизм для выхода на мировой рынок.

В. Оскоцкий. Работа Янова разрабатывает на современном материале те мысли, которые были им заявлены в более ранних работах о славянофильстве. Актуальность и значимость его мыслей, думается, доказывается уже самим фактом и острым характером нашего сегодняшнего разговора.

Несколько слов об оппонентах Янова, позиция которых наиболее ярко выразилась в статье И. Шафаревича «Русофобия». Шафаревич утверждает, что многие идеи, обозначенные Яновым как имманентно российские, не только не являются специфичными для России, но и вообще нерусские по своему происхождению (такова, например, с его точки зрения, социалистическая идея). Конечно, ту же нечаевщину легко выводить из Запада, найдя аналогичные явления в западной истории. Но вместе с тем нечаевщина — глубоко русское, национальное явление. Вообще мне трудно принять логику, согласно которой опричнина лучше Варфоломеевской ночи лишь потому, что последняя была не менее кровавой. Как будто русским от этого легче! И я не стал бы столь резко оспаривать тезис, что вся история России — это сплошной архипелаг ГУЛАГ. Вспомним, ведь декабрист П. Пестель был повешен не за участие в попытке государственного переворота или цареубийства, а лишь за намерение, высказанное им устно и письменно. Народоволец Т. Михайлов тоже был казнен лишь за намерение, никакого участия в цареубийстве он не принимал. Не в этом ли контексте беззаконий следует рассматривать и трагедию поэта Н. Гумилева, расстрелянного в 1921 году за участие в заговоре, которого не было...

Давайте различать национальное и националистическое. Национальное предполагает чувство самоуважения, националистическое — чувство превосходства. Исходя из этого, и патриотизм не может быть «без эпитетов». Отношение прави-

твльства к Крымской войне и отношение к этой же войне демократической общественности — это два разных патриотизма. К чему приводит стремление воспринимать патриотизм «без эпитетов», показывает недавнее высказывание уважаемого мною философа А. Гулыги: «Сталин, пусть преступник и порой явный безумец, правильно понял, что нужно пробуждать русский патриотизм». Во-первых, на мой взгляд, сама постановка вопроса абсурдна: преступник не патриот уже в силу своей преступности. А во-вторых, именно из этой «патриотической» идеи родилась шовинистическая вакханалия последующих лет.

Излюбленный нашими почвенниками тезис об открытости русской культуры для других культур можно повернуть и другим концом: ну а другие культуры? Они-то открыты ли для русских? Готовы ли русские включаться в иную культуру, иную систему ценностей?

Весенний пленум Союза писателей РСФСР продемонстрировал феномен поразительно ограниченного в этом смысле сознания. Один известный литератор, выступая, ужаснулся тому, что империя разваливается. Спрашивается, в чем же здесь трагедия с позиций здравого национального, а не националистического сознания? Пусть себе разваливается! В другом выступлении прозвучал и вовсе парадоксальный тезис о том, что наш-де путь — это не молочные реки и кисельные берега, не западное благополучие. Понимай: удел русского — оставаться голодным и босым при своем национальном самосознании.

За такими высказываниями, такими теоретическими тезисами стоит вполне политическая идея — идея государственности. И когда она обретает националистическое наполнение, последствия могут быть самыми ужасными.

В. Чаликова. Я думаю, что возрождение националистической русской идеи восходит к последнему периоду Великой Отечественной войны. Обращаясь к этой идее, Сталин решал тактическую задачу: подавить чувство национального унижения, которое неизбежно должно было возникнуть у русского солдата — в массе своей выходца из голодной, разоренной деревни — при соприкосновении с Европой. Националистические чувства Сталина не были существенны в этой кампании: он стремился компенсировать мнимым национальным превосходством комплекс глубокой национальной неполноценности. Симонов в своих мемуарах признался, что получил от Сталина задание именно с такой мотивировкой.

С. Лёзов говорил, что среди выпавших на его долю унижений не было унижения национального достоинства. Таков его личный опыт. Но есть миллионы людей, которые переживают национальное унижение именно как русские люди. Я разговорилась как-то с человеком из общества «Память» и спросила, что привело его в это общество. Он сказал, что долго не мог бросить пить и страдал от этого: «Я думал, пью потому, что я русский». Он, конечно, не мог слышать этого ни по радио, ни по телевизору, не мог прочесть в газете. Видимо, это был тот самый комплекс национальной неполноценности, из которого так легко растут шовинизм и агрессивный национализм. И когда кто-то из идеологов «Памяти» сказал этому парню, что русские раньше не пили, что их насильно стали спаивать в XVIII веке сионисты и масоны, он нашел в себе силы бросить пить и, как сам говорит, стал совсем другим человеком.

Я думаю, что главный путь борьбы с шовинизмом — это преодоление комплекса национальной неполноценности. Ведь именно из таких, как этот парень, «Память» и формирует свои ряды. А путь преодоления комплекса национальной неполноценности для русских — это в первую очередь утверждение своего равного с другими положения, то есть придание РСФСР статуса равноправной республики. Прозвучавшие на Съезде как угроза слова о выходе РСФСР из состава СССР, может быть, и утопичны, но, во всяком случае, должны обсуждаться всерьез.

Я. Бергер. Современные почвенники (воспользуюсь этим определением), будучи не в состоянии предложить нации соответствующие ее сегодняшним потребностям позитивные идеалы, направляют свои основные усилия на вытеснение комплекса вины за крушение дорогих им ценностей, на поиски козлов отпущения. Именно здесь, в сознании своего бессилия, бесплодия творческого воображения, неспособности понять и принять императивы нашего времени, а вовсе не в мнимом наследовании русской идеи, кроются главные причины растущей агрессивности этого идеологического направления.

Способно ли оно привлечь массовые национальные чувства, стать основой сколько-нибудь значительной консолидации? Однозначное суждение по этому поводу высказать очень трудно. С одной стороны, вряд ли можно считать какой-либо народ, в том числе, конечно, и русский, свободным от ксенофобии, особенно на бытовом, повседневном уровне. Попытки убедить нас в обратном — в лучшем случае добросовестное заблуждение. Известно к тому же, что такого рода чувства можно довольно легко подогреть целенаправленной пропагандой, ложью, провокациями.

Вместе с тем возникновение массового идейно-политического движения праворадикальной, шовинистической, фашистской ориентации представляется маловероятным. Прежде всего, мне кажется, сегодня трудно переключить внимание людей с истинного виновника народных бед — командно-бюрократической системы. При всей неприязни к «инородцам» начальство, пожалуй, не любят еще больше, и единения народа с правящей верхушкой под националистическими знаменами ожидать не приходится. Часто народу приписывают конформизм по отношению к властям. Это в общем-то верно. Но нельзя вместе с тем отрицать и наличия известного мятежного духа, время от времени берущего верх над покорностью властям. Русский народ в отличие, скажем, от немецкого меньше склонен подчиняться жесткому порядку и дисциплине. Сегодня же авторитет власти упал, возможно, как никогда раньше. А ведь для возникновения устойчивого и широкого движения крайнего толка одних лишь спорадических проявлений массовой ксенофобии недостаточно. Нужны не просто соответствующие чувства, но в какой-то мере отрешение от эмоций противоположного свойства: жалости, сострадания, сомнений в собственной непогрешимости. Все это дает лишь вера в некую все оправдывающую идею, олицетворенную в харизматическом лидере. Такого лидера, как и самой идеи, в настоящее время нет, и маловероятно, что они появятся в обозримом будущем.

Р. Гальцева. Выступавшие здесь были заняты в большей мере оппонентами Янова, чем самим Яновым. Это понятно. Когда я читаю идеологов «Нашего современника» (к примеру, А. Казинцева или А. Ланщикова), то тексты их кажутся настолько несимпатичными, что рождается естественное сочувствие к полемизирующей с ними стороне. Но достаточно познакомиться с другой стороной — в данном случае с Яновым,— чтобы все априорные симпатии исчезли, как дым, и выступило поразительное сходство противников по их общей незаинтересованности в истине и по единому способу аргументации: сближать дальнее и разводить ближнее. Большевизм разъединяется с марксизмом, Россия объединяется с Советским Союзом. (Любопытно, что историки не желают видеть в истории ничего нового и, пусть по разным причинам, но в унисон игнорируют факт Октябрьской революции). А. Ланщиков почти отождествляет Вл. Соловьева, страшно сказать, с Троцким — по глобальности их замыслов. Но на этом основании можно отождествлять и Бога с дьяволом: у обоих вселенский масштаб деятельности. Подобным же образом Янов объединяет соборность с принудительным коллективизмом. Но этак можно объединить и монастырь с концлагерем — ведь и тут, и там происходит отчуждение человека от «радостей жизни» и устанавливается строгий распорядок. А. Казинцев стилизует под близкую себе позицию «Наших плюралистов» А. Солженицына, и ту же операцию превращения Павла в Савла проделывает Янов, объединяя этого писателя с Чалмаевым или Шимановым. Из подобных примеров вольной комбинаторики на основании случайных признаков состоит вся книга Янова.

«Русская идея и 2000 год» претендует быть историософией — постижением исторического пути целого народа, но в основе ее лежит убогая, механически-позитивистская схема двухтактного хода (реформа — контрреформа), якобы составляющая всю «динамику» русской истории начиная с середины XVI века. Автор стремится заверить нас, что его открытие этой исключительно русской двухтактности — плод особо углубленного изучения предмета. На самом деле, если посмотреть под этим поверхностным углом чересполосицы на историю, скажем, Франции (Великая французская революция, термидор, революция 1830 года, Луи-Филипп, революция 1848 года, Луи Бонапарт, Коммуна...), то специфика России явно поблекнет, и окажется, что автор не продемонстрировал элементарной научной добросовестности, которая при вычленении одного явления из всех других требует его сравнения с этими другими. Можно догадаться, откуда взята эта

схема — она заимствована из «Краткого трактата по советологии» А. Безансона. Но у Безансона, занятого советской историей, маятник «военный коммунизм — нэп» оправдан самой исторической эпохой, социально-экономической бездвижностью новой формации. Янов же применяет подобную схему ко всей истории России, у которой вовсе не было социально-экономической предопределенности к кружению на месте, о чем свидетельствует ее фактическое движение и даже бурное «развитие капитализма» в предреволюционный период.

Для развития России не требовалось ничего, кроме отсутствия помех извне, каковой и оказалась Октябрьская революция, превратившая естественную индустриализацию в насильственную и неудачную для страны (я уже не касаюсь ее геноцидных последствий). Если и были помехи внутри режима, то они успешно преодолевались, о чем есть письменные свидетельства от Ленина до С. Н. Булгакова, с горечью констатировавшего в начале века слишком быстрые перемены в народном укладе.

Причина исключительности России, по Янову, в «автократической», «средневековой» сущности государственной системы. Но, позвольте, другие народы Европы тоже прошли через Средневековье и даже абсолютизм и вышли же оттуда! Каковы же подлинные корни такой «особенности»? Автор только упорно декларирует ее, но не объясняет. Что же является постоянной субстанцией этого исторического коловращения, а по сути — стояния? Остается признать, что это — народ, национальный склад, беспрерывно воспроизводящий условия для торжества «полувизантийской средневековой сущности». Под «русской идеей» автор подразумевает широкую национальную почву, поддерживающую режим в течение трех с половиной веков, а не какие-то верхушечные идейные течения и тем более не поведение имперской администрации, что является уже следствием и в чем Россия, кстати, не отличалась от других национальных культур с их мессианскими мечтами — Франции, Германии, Англии или Польши.

Перед нами, таким образом, не менее *расовая* идея, чем у «новых русских правых». Эти враги-единомышленники, националистический и антинациональный лагери (ведь Янов тоже не одинок), узурпировав один — любовь к России, а другой — любовь к свободе, выражают одну идеологию, вплоть до общего представления о едином потоке русской истории, неудачи которой каждая из противоборствующих сторон хочет списать за счет национального фактора. Только для одной стороны источник бед — масонско-еврейский заговор, а для другой — русский национальный характер. Обе группы, применяя одни и те же методы внушения и запугивания, апеллируют к силе. Только «патриоты» взывают к народу и Советской власти, выражая ей воинственное верноподданичество, а «интернационалисты» — к мировой интеллигенции и западным правительствам, убеждая их помочь нашей общественной истории избавиться от русского клейма. Будучи враждующими идеологиями-двойниками, они нужны друг другу, ибо только эскалация вражды укрепляет их позиции. И потому книга Янова мне кажется не только не полезной, но опасной — она разжигает вольтову дугу между двумя ксенофобиями.

Почему же мы должны предпочесть одну из этих версий неправды? Надо перестать перекидывать мяч через национальные границы и увидеть границы между содержаниями идей, например, христианского и марксистского мировоззрений.

Я совершенно не согласна со страхами перед национальным самосознанием, национальной идентификацией, бороться с которыми — все равно что бороться с поисками пропавших родственников и «отеческих гробов». Боязнь национального сознания на том основании, что из него вырастет националистическое, похожа на боязнь любви потому только, что из нее может родиться неприязнь к кому-то третьему. Логика такого страха ведет к ликвидации национальных различий, то есть многообразия и богатства мира. Благо национального своеобразия принимает уродливые формы как раз при его ущемлении, тут непосредственное национальное чувство и может перерастать в националистическую идеологию. Опасная утопия неестественного безнационального сознания уже расцветала на нашей земле и уже дает плоды. А что касается «различения добра и зла», не проистекающего из национального сознания, то ведь и из чувства семейной причастности оно тоже не следует. Значит ли это, что семья не нужна, вредна? Как известно, есть только один носитель нравственного сознания — это личная совесть, просвещенная общечеловеческой истиной и вносимая в природный порядок вещей, который по определению этически нейтрален.

Впрочем, по поводу нации и национализма лучше всего читать Вл. Соловьева, это избавит нас от изобретения велосипеда.

Л. Волков. Разумеется, яновская схема не научное построение, а всего лишь эвристический прием. Но если рассматривать ее как способ подойти к той исторической реальности, когда из столетия в столетие повторяется неспособность рациональной волны пробить толщу социокультурных и геополитических пластов прошлого, когда постоянно повторяется эффект затухания в этой толще любых реформаторских вызовов, то стоит ли так нажимать на ненаучность? Может быть, лучше от критики перейти к более детальному научному анализу яновской гипотезы? Тем более что к своей политической публицистике автор не забывает добавить довольно обширный фактический материал: выдержки из теоретических опусов Шиманова, Емельянова и др., в которых старательно выстраивалась единая линия от русско-арийской чистоты до якобы «русского социализма» Ленина вкупе с православноокрашенным великодержавным большевизмом.

Выборы 1989 года не подтвердили апокалиптических предчувствий Янова. «Память» не прошла, по крайней мере пока. Из этого некоторые делают вывод, будто Янов совершенно напрасно приписывает русскому национальному самосознанию тоталитарные идеи. Но разве Янов пишет о национальном самосознании? Разве его тема — национальный вопрос в России?

Давайте спросим себя, что же такое национальное самосознание? Думаю, что это осознание народом, живущим на определенной территории и соединенным общностью исторических судеб, стремления ощущать себя в своем времени — в своем, в привычном и понятном для него, а не в навязанном чужом. Из этого состояния можно выталкивать народ, как навязывая ему целые пласты непережитого будущего, так и насильственно возвращая его к давно прожитым пластам прошлого. Как то, так и другое — насилие над национальным самосознанием, если, конечно, иметь в виду историческое сознание нации, а не расистскую мистику.

Как же быть с памятниками, с вековыми традициями, с языком? Это в цивилизованной стране — дело свободных издательств, науки, искусства. Культура, будь то культура прошлого или настоящего, защищает себя сама (если она действительно культура). Но вот когда на культурные предметы навешивается рекламная этикетка — это уже не культура. Когда каждый культурный факт непременно сопровождают ярлыком «немецкий», «русский», «еврейский», «истинно немецкий», «подлинно русский» и т. п., то это заведомо значит, что хотят продать негодный товар подороже. Мы хорошо знаем, чего стоили «немецкая» физика и «народный» академик. Это относится и к языку. Сегодня нам под видом «истинно русского» языка навязывают диалектизмы, местные речения, а то и просто «творчески» исковерканные слова и фразы, как это делает, например, в стиле эдакой псевдоархаики писатель Личутин (не говоря уже о перлах некоторых ораторов «Памяти»). На самом деле язык так же не может быть абсолютно неизменным и чистым, как и раса. Я очень люблю «Бухтины» В. Белова, равно как и язык Солженицына. Но разве у них меньше урбанизмов и модернизмов, чем у В. Ерофеева или В. Аксенова с их особым арго? Разве все это не великолепные образцы русского языка в его развитии, в его творении?

Культура в цивилизованном обществе вполне в состоянии сама постоять за себя. Другое дело, когда под видом культуры торгуют политикой, и притом весьма далекой от цивилизованных ее форм. Тогда и получается то, о чем пытался сказать А. Янов. Вместо русской культуры возникает «русская идея», бросающая вызов русской цивилизации и русской демократии с позиций, ничего общего не имеющих со всем богатством исторического национального самосознания населения России. Опасно ли это? Опасно, если иметь в виду, насколько наша нелегкая история поистрепала и поистратила в XX столетии ресурсы нормального духовного развития. Но давайте не будем мешать в одну кучу «русскую идею» и национальное самосознание и постараемся сделать так, чтобы самосознание это свободно излилось и самоопределилось в рамках демократической цивилизации.

ПОЧЕМУ Я ВСТУПИЛ В КПСС

Андрей ЗИНЬКОВ, рабочий Хабаровского завода металлоконструкций

Компартия сегодня попала под серьезный критический огонь. Задумываюсь: почему? Можно, разумеется, все списать на тех или иных руководителей. Одни сегодня видят корень зла в сталинском наследии, другие полагают, что брежневский, аморфный и фанфарный стиль руководства привел партию к кризисному рубежу.

Я же полагаю, что сосредоточиться на поисках единоличных виновников (а их, ясное дело, проще разглядеть «наверху») — значит уходить от собственной ответственности за судьбу партии. Может, меня сочтут излишне резким, но я считаю, что не меньше урона авторитету КПСС нанесли мы сами, рядовые коммунисты, когда позволяли своим же товарищам носить партбилет в кармане — и жить, пренебрегая элементарными нравственными нормами. И позволяем по сей день! Вот совсем недавно на партсобрании обсуждали мы поведение начальника газовой службы коммуниста Ф. Казакова. Я голосовал за его исключение из КПСС, хотя понимаю всю сокрушительную силу такого вердикта. Но и меня надо понять: этому человеку я верил, именно Казаков давал мне рекомендацию... «Вот именно,— говорили мне,— а ты его топишь!» А почему я должен прощать отступничество от идеи, от дела, ради которых сам написал заявление в партию?

Прекрасно понимаю, какую реакцию могут вызвать мои слова: так, еще один твердокаменный марксист выискался. Неужто сам без греха, рыцарь без страха и упрека? Нет, обычный человек. Но мне кажется, что сегодня я должен хоть немного возвыситься над самим собой. Мы же не в союз потребителей и не в спортивный клуб добровольно объединяемся — в партию. Значит, должно быть и духовное, сознательное начало в таком объединении. В чем-то даже самоограничение. Считаешь иначе — не принуждаем, поступи к неформалам, вовсе никуда не поступай; живи так, как считаешь нужным. Только в коммунистической партии тебе делать нечего.

Но не хочу сказать, что только жесткость поможет коммунистам вернуть авторитет. В последнее время наблюдаю с тревогой за тем, как партия сначала заводит себя в трудные положения, а потом с немалыми тяготами и потерями из них выбирается. Недостает нам здравомыслия и реалистического взгляда на вещи. Иногда благие цели провозглашаются, рубежи намечаются только потому, что их достижение принесло бы солидный политический капитал. Не буду по сему поводу тревожить Никиту Сергеевича Хрущева, обещавшего нынешнему поколению рай на земле. Сошлюсь на другого коммуниста, директора нашего завода С. Лопатина. Горазд был на обещания! Многие пришли на завод, поверив ему, рассчитывая на получение квартир. А директор, слова не сдержав, с предприятия ушел. Оказывается, его посулы ни на чем не основывались. Просто надеялся человек, что под новый завод удастся пробить новое жилье, знал, чем можно приманить хабаровчанина: в городе каждый десятый в очереди на квартиру. А вышло, что добавил людям только новых разочарований.

Я иногда думаю: лучше бы уж без этих бесконечно откладываемых целей и несбывшихся наметок! Мне всего двадцать восемь, а я уж наслушался: «партия велела», «партия призвала», «партия гарантировала»... Еще не преодолели мы тяжеловесной безликости этих привычных формулировок! А ведь общее дело сдвигается, только когда я сам, частичка и основа партии, призову свою совесть и разум к творческой работе, честной и ладной жизни, «личным клеймом» гарантирую свое неравнодушное участие в перестройке.

Откуда, как мне кажется, идет эта негодная «всеобщность»? Рождена она не только всякого рода бюрократией и официальщиной. В свое время Владимир Ильич Ленин настоятельно рекомендовал «орабочить» партийные комитеты вплоть до Центрального. Как я понимаю, Ленин беспокоился, чтобы не размывались главные ценности и главные интересы движения, на знаменах которого значится: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Сегодня наша партия отстаивает интересы всего народа, стала, как теперь принято говорить, главной консолидирующей силой. Роль эта назначена ей историей, логикой развития современности. Но вот над чем я задумываюсь: «А не стала ли компартия подзабывать, чьи интересы призвана отстаивать согласно родовой, классовой принадлежности?» То арендаторы станут ее первейшей заботой, то кооператоры... А рабочий тем временем все реже и реже сам, по своей охоте, по зову сердца, подает заявление на прием в ряды КПСС. И задача «орабочить» компартию, вернуть ей пролетарский дух сегодня, по-моему, не менее актуальна, чем в ленинские годы.

И в то же время понимаю, что найду среди читателей оппонентов подобной точке зрения. Я и сам не желаю возвращаться к сугубым классовым рамкам. Однако трудно представить, как в одной партии могут числиться и сотрудничать люди с противоположными жизненными и политическими воззрениями. Можно ли быть коммунистом и одновременно выступать за частную собственность, если в самом слове «коммунист» звучит призыв к общественному?

Так, может, нечего и мудрить? Разбежаться «по интересам» в разные клубы, разойтись по разным политическим углам? Уверен: сегодня нам, самым разным коммунистам, разбегаться никак нельзя!

Слушаешь иных сторонников немедленного размежевания (в партии, в стране) — и диву даешься: все платформы и манифесты, все непримиримая борьба с противниками, все политика... Где же про кусок хлеба, про спокойную жизнь, чтоб не бояться воров и грабителей, про гражданский мир, к которому подвигает элементарное благоразумие?

Все, кто разделяет такие взгляды, как мне *кажется*, должны сегодня объединяться, несмотря на различия, протянуть руку партии в ее многотрудной борьбе за перестройку, за консолидацию сил. Вывести партию из кризиса — значит вывести из кризиса страну, я тут различия не делаю.

Нередки разговоры: да, раньше у коммунистов был общий идеал — победа мирового коммунизма, казалось, еще немного, и это время придет, а теперь? «Зеленые» объединены идеей охраны природы, члены общества «Память» — национальной идеей, а что может объединить рядовых коммунистов, нет, мол, такой идеи для всех 19 миллионов членов КПСС.

Убежден, есть! Идея, объединяющая всех нас — от рядового коммуниста до Генерального секретаря,— это идея **социальной справедливости**, которая при движении вперед способна воплотиться и в формулу социализма, и — коммунизма.

Ради осуществления этой идеи — социальной справедливости — я и подал в трудном, кризисном для партии 1989 году заявление с просьбой принять меня в ряды КПСС.

В НАЯКЕ, БЛИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Несколько женщин бережно сводили с зеленого кудрявого пригорка старую, высокую, стройную женщину в кремовом плаще, оказывая ей подчеркнутые знаки внимания. Они подвели ее к одноэтажному, современной постройки дому, отворили двери, вся компания вошла в комнату. Я застала сцену прощания.

— Вера Константиновна,— говорила, прижимая руки к груди, пожилая интеллигентная дама неуловимо нашего, советского облика.— Как я рада была повидаться... Я и с Нащокиными в Москве общаюсь, помните, Нащокин, друг Пушкина, и с Мещерскими...

— Как же,— отвечала, снимая плащ, старая женщина,— как же, счастливого пути, привет Москве!

Вскоре все гости разошлись, знаками давая понять, чтобы я не очень засиживалась. Старая дама, усаженная в кресло, повернулась к нам. Глаза у нее были серые, веселые. Овал лица смутно напоминал знакомые фотографии, особенно прямой, твердый подбородок. Меня представили.

— Вы прямо из Москвы? Раздевайтесь, садитесь!

...Мне давно хотелось познакомиться с дочерью Великого Князя Константина Константиновича Романова Верой Константиновной. Я слышала о ней много рассказов, так же как и о других Романовых. Но кто возьмется нас знакомить, и согласится ли она на разговор? В старой русской колонии было мнение, что вообще-то Вера Константиновна из непримиримых и с представительницей советской прессы вряд ли станет говорить.

А у меня был к ней давний, можно сказать, детский интерес: К. Р., ее отец, Великий Князь. Да и к тому же троюродная сестра императора, чудом уцелевшая (трое ее братьев были убиты в Алапаевске), разве это само по себе не интересно? Казалось, столько эпох миновало, все в далеком прошлом, а сестра жива, бодра (по рассказам), очень энергична, несмотря на свои восемьдесят три года. Но главное, ее отец, К. Р.— популярный поэт начала XX века. Романсы на его слова любила петь моя бабушка и потихоньку рассказывала об их авторе, высоком, статном красавце, самом красивом, по ее словам, из всей царской семьи. Особенно бабушка любила: «Растворил я окно, стало сердцу невмочь...» И еще: «Вчера мы ландышей нарвали, их много на поле цвело...».

Она сидит в кресле в сером двубортном добротном костюме, в кремовой шелковой кофточке с открытым воротом, черные туфли на небольшом, спокойном каблуке. Представивший меня Николай Трубецкой переглядывается со своей женой Онико Чавчавадзе. Огромные зеленые глаза Онико, глядевшие до этого внутрь себя (Онико ждет ребенка), с детским любопытством смотрят на Веру Константиновну. Онико парижанка, и многое в Америке ей внове, многих людей она не знает. Мы все еще стоим, осматриваемся. На лице у Коли Трубецкого торжественное выражение. Такая встреча — это важно, это нужно для обеих сторон.

* * *

Николай Трубецкой и его жена — поросль старой русской эмиграции, терпеливо пытающаяся наладить культурные и деловые контакты с нашей страной. Тридцатилетние, как сказали бы наши отечественные любители делить людей на поколения. Сегодня утром Трубецкие — Чавчавадзе встретили пригородный поезд, на котором я приехала из Нью-Йорка, и повезли меня в Наяк, небольшой город, где со времен второй мировой войны обосновалось много русских семей. Мы поспели на конец утренней службы в храме Покрова Пресвятой Богородицы. Храм небольшой, уютный, украшенный цветами: идет первая пасхальная неделя. При храме два низких строения — церковная воскресная школа. После службы завтрак в доме матушки, вдовы священника храма и его основателя Серафима Слободского. Раскрашенные яйца, куличи, ветчина, сыр, кофе в бумажных стаканчиках — уступка Америке, да и народу собралось много. В стороне тихо играют нарядные дети. Разговаривают по-русски очень чисто, иногда переходят на английский.

А у взрослых за столом свой разговор. О судьбах России, о перестройке. Разговор возбужденный, нервный. Прежде всего им, собравшимся здесь, совсем не все равно, что происходит на Родине, и это при том, что большинство родилось уже не в России. Меня засыпают вопросами обо всем сразу и со всех сторон. Цифры, факты, очень высокая степень осведомленности, взволнованные голоса. Много вопросов о религии. Хорошо, что начали открываться новые церкви, но почему Библии продают, а не раздают бесплатно, ведь они присланы в подарок из-за границы к 1000-летию Крещения Руси? Что я могу ответить на этот вопрос? Я не знаю, я пытаюсь лишь объяснить, что уже сам факт свободной продажи Библий — шаг революционный сам по себе. Но никто за этим столом, за исключением Николая Трубецкого, в Советском Союзе не бывал, мало кто понимает и принимает мои аргументы. Не понимает их и Олег Михайлович Родзянко, внук председателя Государственной думы, могучий, кряжистый человек с длинной черной бородой и черными глазами.

— Вы читали «Крушение империи» моего деда? — удивляется Родзянко.— А у вас есть? Нет? Будет.

— Мы из России в 1935 году уехали,— говорит мне через стол жена Родзянко Татьяна,— я была ребенком.

— Как? — изумляюсь я.— Каким образом?

— Очень просто, можно было уехать за золото. В нашей большой семье Лопухиных — Майндорфов моя тетя к тому времени уже отсидела на Соловках и была выпущена с поражением в правах. В Москве было жить нельзя, и мы все жили в Калинине.

— Почему не Тверь, почему до сих пор Калинин? — раздается всеобщий ропот.— Жданов же переименовали...

— У нас была одна бабушка в Эстонии и другая в Париже. Они объединились и за 1600 золотых рублей нас выкупили.

— Торговали людьми! — говорит кто-то резко.— Разве вам это не известно?

А мне и вправду неизвестно, но не уверена, поверили ли мне.

— Моя тетя, баронесса Майндорф, хлопотала через Екатерину Павловну Пешкову, все время ездила в Москву. Золота было мало, а нас много, десять человек. И наступила минута, когда Екатерина Павловна сказала: «Быстро подписывайте бумаги, сейчас вам и за эти деньги дадут разрешение». Так мы и уехали.

И снова разговор о России, о том, что происходит в республиках, почему русский народ обвиняют нынче во всех смертных грехах.

— Все только и мечтают, чтобы Россия распалась и все от нее отошли,— говорит Олег Родзянко.— Никто не хочет сильной, могучей страны, потому что это конкуренция.

И еще один голос человека, с которым я не знакома:

— Если бы не революция, Россия лет через двадцать вышла бы на первое место в мире. Первое место... Кому это было нужно? Никому!

— Здешним это тоже не нужно! — добавляет кто-то.— Чтобы Россия окрепла? Зачем? Читайте американские газеты.

И еще один голос:

— Мы здесь живем по тридцать лет, но мы не американцы, мы — русские.

В своем углу расшумелись дети:

— Видите, у вас стали мало рожать, поэтому мы восполняем. В Наяке в каждой семье не меньше трех-четырех детей. Поглядите, у молодежи тоже много детей!

...Я сидела, слушала, и мне становилось не по себе. Сколько страсти было в этих людях, большинство семей которых жестоко пострадало во время революции! Есть ли у них желание примирения, стремление помочь? Не знаю. Кое с чем в их разговорах я не могла согласиться, но начало, безусловно, положено: есть огромная потребность в диалоге, к встречам с людьми из нашей страны, огромная тяга к новой информации. И есть большое незнание и потому нередко искаженное понимание того, что у нас происходит. Ревнивое непонимание, непонимание людей, которым все небезразлично. Мы пили кофе, заходили новые люди, знакомились. Разговор зашел о том, как могла так замечательно сохранить русская эмиграция свои традиции. Церкви, перестроенные из гаражей, из частных квартир (как старые часовни в Сан-Франциско), храмы, созданные своими руками, как создал и украсил храм Покрова Пресвятой Богородицы в Наяке покойный отец Серафим Слободской, воскресные школы, я там бывала, дети учат русский язык, в том числе и по советскому школьному букварю, религиозные праздники, которые отмечаются очень торжественно, русские имена, стремление заключать браки между русскими же... А ведь прошло больше семидесяти лет, продолжение традиций — дело совсем непростое, тем более в Америке...

Мы сидели и вместе подытоживали, каковы же причины. Первой почти все назвали родителей. Упорное воспитание в традициях русской культуры. Очень важны были в свое время русские гимназии и кадетские корпуса, где обучение шло на русском языке и преподавали блестящие русские учителя, часто бывшие профессора. Важную роль играла и играет церковь, объединяющая людей. И еще благотворительные общества, которые помогают попавшим в несчастье. Работы в таких обществах много, тем более что деньги собирать трудно, очень богатых людей среди старой русской эмиграции почти нет. «Комфортабл», как говорят американцы, то есть хорошо обеспечены сейчас, в третьем-четвертом поколении многие, почти все, потому что почти все получили хорошее образование и довольно быстро становятся на ноги.

Так мы сидели и разговаривали, пока Коля Трубецкой не напомнил мне, что пора ехать на ферму, к Вере Константиновне Романовой. Меня дружно напутствовали, уверяя, что все будет хорошо, что в пасхальные дни можно ходить друг к другу в гости без всякого приглашения.

* * *

— Разделись? — быстро и живо спрашивает Вера Константиновна.— Усаживайтесь поудобнее. Вы реку Рузу знаете? — Пока я медлю с ответом, она продолжает.— Руза — это мои любимые воспоминания, я там выросла, у нас там было имение. Красивая река, правда? Она и сейчас красивая? А ухабы на дорогах там еще есть? Больше всего в детстве любила ухабы. А знаете, чем отличается село от деревни?

Мы не знаем.

— Село всегда с церковью, а деревня нет,— оживленно объясняет Вера Константиновна.

— Вера Константиновна, а как ваша семья уехала из России?

— Как удалось? — снова быстро, бодро подхватывает она вопрос.— Сейчас все расскажу. Моя мать была дружна с королевой шведской. И она нас выписала, мы сели на предпоследний пароход, который шел из Питера в Стокгольм. Пока мы были на пристани, нас осматривали. Мы были с сундучками, помню, даже очки в металлической раме просмотрели, не золото ли.

В разговор вступает Коля Трубецкой. Высокий, худой, с бледным лицом и желтоватыми глазами, сейчас Коля выглядит очень представительно, в синем блейзере и серых брюках, он то сидит на краешке стула, то встает. Коля волнуется: как пройдет встреча. Ведь одну из главных задач своей жизни Коля видит в том, чтобы помогать налаживанию контактов. И сейчас Трубецкой задает вопрос Вере Константиновне, явно помогая мне:

— А вы к тому времени знали, что происходит с царской семьей?

— Кто знал, кто не знал,— дипломатически избегая говорить на «кровавые», как она потом обмолвится, темы.— Я малая была, что я понимала? С детства больше всего люблю море и ходить под парусом, а тут шли на настоящем корабле, мне все было интересно. Жили мы в Швеции, потом в Бельгии, потом переехали к маминому брату в Германию, к герцогу Ольденбургскому. Вот посмотрите гравюру его замка, я вам лупу дам. Потом мама умерла от рака. В общем, так я и прожила в Германии до 1951 года. Потом приехала в Америку.

— А как вы пережили войну? — спрашиваю я.

— Работала, как же еще, как все. Переводчицей стала для ОСТов. Почти сразу появились русские, угнанные в Германию уже в 1941 году. Назывались — рабочие с Востока. Значок — белый с голубым, не слышали? Написано ОСТ.

— Об этом писал наш замечательный писатель Виталий Семин,— говорю я.— Он мальчиком был угнан в Германию.

— И это опубликовано? Никогда не слышала. Я бы почитала. Я же все это сама наблюдала. У меня были очень хорошие отношения с русскими, помогала, чем могла, вообще подкармливала. Однажды собрала на Пасху русских женщин, прочитала Евангелие и сказала, что надо помнить, что все мы русские и надо вести себя достойно. Среди них были верующие, все время пели пасхальный канон.

— Знали?

— Прекрасно знали, я сама удивлялась. После этого одна советская женщина встретила меня и сказала: «Благодарю вас за хорошее обращение». Слава богу, говорю, свои люди...

— А они знали, что вы Романова?

— А как же? Конечно! Война, тут надо друг другу помогать... Гестапо не нравились мои связи с русскими. Я еще ребенка крестила, у русской одной угнанной родился, захотела она его крестить. А у меня как раз священник русский гостил. Крестили мы его в серебряной купели. Какие судьбы, подумайте, да? Угнали девочку в Германию, родила, а крестная мать — Романова... Гестапо быстренько меня из переводчиц уволило.

После войны я работала в английском Красном Кресте, тоже переводчицей. В госпиталях, в сумасшедшем доме... После войны оказалось много безумных людей. Особенно больных детей, психически больных. И помню такую больную Марусю, абсолютно безумна, и на тумбочке у нее большой портрет Сталина... Русских детей я каждый день навещала.

— А что с этими людьми потом стало?

— Этого совсем не знаю. Не знаю. Темна вода во облацех... Кстати, интересная подробность об англичанах. Приходит в конце войны английская армия: хотят занять дом, где я живу. Узнают, что я Романова. «Внучка королевы Виктории? Дом не занимать». Приходит флот. «Внучка королевы Виктории? Дом не занимать». Появляются английские летчики: «Внучка королевы Виктории? Ну и наплевать на нее». И заняли дом. Понимаете, авиация начиналась только в 1914 году, никаких традиций. В 1951-м англичане мне говорят: советская граница близко, с вашей фамилией вам лучше уехать подальше. И я прикатила в Нью-Йорк, тут мой племянник был, который сейчас Председатель Толстовского фонда.

— Багратион?

— Он. Называется он у меня — любимый племяша. Отец его убит в 1914 году, а его мать, сестра моя Татьяна, на шестнадцать лет старше меня, она потом монашкой сделалась. На Илионе двадцать лет была игуменьей. Сначала я работала в Толстовском фонде, потом ушла в «Общество помощи русским детям за рубежом». Проработала там семнадцать лет, один месяц и три дня. Оно, кажется, с 1927 года существует.

...Я уже много слышала об этом благотворительном обществе, основательницей и постоянным председателем которого была правнучка декабриста Ивана Пущина. Общество небольшое, и средств у него не так много, основные деньги собирают в Америке.

— Детский бал «Петрушка», я вам рассказывал,— напоминает мне Николай Трубецкой.

Бал «Петрушка» считается самым веселым балом в Нью-Йорке. Русские устроители с помощью дорогих входных билетов собирают довольно крупные суммы. Придумывается веселая программа, танцы. Последние годы один из основных организаторов бала — Михаил Хлебников, внук первой председательницы общества Пущиной. Семейные традиции продолжаются. Общество рассылает деньги нуждающимся русским детям по всему миру. В нем-то и проработала машинисткой, и секретарем большой кусок жизни Вера Константиновна.

— Вы за жалованье работали?

— А как же? Как все, как положено. Это вначале мы жили на драгоценности моей матери, а потом, очень скоро, как все...

— Вообще представления о богатстве дома Романовых сильно преувеличены,— разъясняет мне Коля Трубецкой.— Все их богатство было в основном в земле, не правда ли, Вера Константиновна? — Она молча слушает: зачем ей вмешиваться, если существовала она, как говорится, на зарплату? — И все Романовы живут сейчас вполне скромно. Вера Константиновна продолжает молчать: да, вмешиваться незачем, пусть свидетельствуют другие. Она продолжает свое:

— Я любила работу в Детском Обществе. У меня романовская память, все помню, все фамилии по всему свету. Так что я работала, как полагается.

И тут, наконец, я задаю вопрос об ее отце, поэте.

— Вот его портрет,— показывает она на стену.

Действительно, в комнате висит большой поясной портрет очень красивого человека.

— Умер в 1915 году от грудной жабы. Он политикой не интересовался, но всегда говорил, что революция 1905 года — это только репетиция. А вы песню «Умер бедняга в больнице военной» слышали? Это он написал. Стала народной песней. Отец был президентом Академии наук и Главный инспектор военно-учебных заведений. Их было тридцать с чем-то корпусов. Вот он их и объезжал. Вам об отце интересно? Так вот. Знаете, почему он сочинил эти стихи: «Умер бедняга в больнице военной»? В его время хоронили плохо, вот он и написал.

— Мне больше всего нравится «Растворил я окно»,— признаюсь я.

— А поют?

— Поют, по радио...

— Слава богу, не чужие! Нет, я больше всего люблю: «Вчера мы ландышей нарвали, их много на поле цвело, лучи заката догорали, и было так тепло, тепло...» А это поют?

— Редко.

— Жалко. Это он в Павловске написал, там была такая поляна, полна ландышей, а в углу куст белой сирени. Я хорошо помню Павловск. Павловск — это такая красота! Я Россию помню по запахам. В Павловске всегда пахло черным хлебом, а в Стрельне — кислой капустой.

— Вера Константиновна, а что вы помните о царской семье? — Это снова спрашивает Николай Трубецкой.

— Я ж малая была. Помню, государь у нас чай пил, помню, однажды приехал в Павловск, взял меня на руки, подбрасывал. Царевича помню, он был на полтора года старше меня...

— Ваша жизнь прошла в трудах?

— Да что вы! — Вера Константиновна улыбнулась.— Какие труды! До войны только и знала, по Германии разъезжала, очень много родственников. Другие больше меня в жизни поработали. А потом, переводчица, какая это работа? Для меня? Я языки с детства знала, мне было легко. И в Обществе работала с удовольствием. Теперь вот много читаю.

— А о Советском Союзе?

— Очень много.

— А что?

— Все, что попадает в руки, то и читаю. Вот Солженицына читала мало, у него трудный слог. Шесть раз перечитала одну фразу и бросила. Я Распутина очень люблю. Хорошо пишет. Его много читаю. Солженицына никогда не встречала. А с Ростроповичем недавно познакомилась.

— Вера Константиновна, а как вы относитесь к переменам в нашей стране?

— Слава богу, одно могу сказать. Вот только что будет — неизвестно. Лишь бы не было кровопролития. Это было бы ужасно! Но Россия всегда сама себя спасала, помните Тютчева? Столько мук позади! Как вы думаете, что будет? — Я молчу, я не знаю, что будет, я только надеюсь.— А я верю, что Россия себя спасет! — говорит Вера Константиновна.— Очень все сложно, очень трудно, но все равно спасет, такая наша история... Вы собрались уходить? — спрашивает она меня.

Я оглядываюсь. Трубецкой, оказывается, давно встал и с нетерпением на меня поглядывает: значит, пора везти меня дальше, по жестко составленному графику.

— Приветы от меня Питеру передавайте. Ну, до свидания, до свидания!

...Мы попрощались и пошли к машине. Смеркалось. Я совсем забыла, что нас ждали в гости на обед в Наяке, городе, где по-прежнему живет так много русских людей.

Галина БАШКИРОВА

Нью-Йорк — Москва

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГАЙДАР

Это Гайдар-то, томики сочинений которого регулярно выходят в свет то в одном, то в другом издательстве, неизвестный?..

Да, тот самый — знаменитый детский писатель. Своего рода открытием его стала книга «Лесные братья» (издательство «Правда», 1987 г.), куда вошли революционные приключенческие повести, большая часть которых не печаталась с двадцатых годов. И мне как составителю, автору вступительной статьи и комментария пришлось провести непростую исследовательскую работу, в результате чего вскрылись неизвестные до того факты творческой биографии писателя. Например, обнажилась более жесткая политическая позиция литератора — в сравнении с той, какой она стала в тридцатые годы. Скажем, ведущим для Гайдара жанром тех лет наряду с повестями был фельетон — жанр поистине боевой, острый и даже, я бы сказал, рискованный. За фельетоны Гайдара вызывали в суд, но он не бросил писать их. В 1925—1927 годах, когда Гайдар был корреспондентом уральских газет, им создано 108 фельетонов, десятка три очерков, рассказов, повестей.

Много, очень много написал Гайдар. И даже в наши дни нелегко было собрать ранние гайдаровские повести. По разным причинам. Например, первый номер сборника «На суше и на море» за 1927 год, где была напечатана «Тайна горы», крепко осел в спецхране библиотек. И все из-за упоминания о Троцком в предисловии. А повесть о боевиках времен первой русской революции — «Лесные братья», давшая название всей книге,— вообще нигде, кроме газеты «Уральский рабочий», не публиковалась.

Но и этим литературное наследие раннего Гайдара не исчерпано. Вот, например, рассказ из пермской окружной (ныне областной) газеты «Звезда», не вошедший ни в четырехтомное собрание сочинений, ни в другие массовые издания его произведений.

Рассказ этот посвящен революционным событиям, переданным в довольно вольной интерпретации,— тогда еще не было сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» и революция не была так оказёнена, как это случилось позднее. Из-за этого, наверное, рассказ не печатался более полувека, а перерабатывать его в духе тридцатых годов писатель не хотел. Гайдар, в свое время исключенный из партии, остерегался репрессий. Он замкнулся в детской теме, точнее — в теме «детской филантропии» (тимуровщины), и, возможно, смотрел на этот небольшой рассказ как на фрагмент другого, будущего произведения.

Рассказ «Денщик генерала Дергач-Оглоперова» был опубликован 7 ноября 1926 года, то есть в очередную годовщину революции. Такова была атмосфера политической жизни двадцатых годов, когда в «красные» дни газеты могли позволить себе печатать не только длинные славословия партии и ее революционной борьбе, но и вольные рассказы, подобные гайдаровскому,— с явно сатирическим взглядом на исторические события.

Александр НИКИТИН, кандидат философских наук

ДЕНЩИК ГЕНЕРАЛА ДЕРГАЧ-ОГЛОПЕРОВА

— Да не забудь, сукин сын, сказать повару, чтобы гренки были с хрустом и прованского масла не жалел!

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— А ежели ты, подлец, все в холодном виде принесешь, то я тебя этими самыми судками опять по морде.

— Слушаюсь, ваше...

— Стой, стой, болван, я еще не кончил. А ежели я замечу, что сладкое пальцами истыкано, то знаешь я что с тобой сделаю?

Генерал вздохнул сокрушенно и, как бы раздумывая, добавил:

— Я и сам еще не знаю, что я с тобой тогда сделаю. Ступай. Да ежели тебя не будет через 20 минут, то...

Генерал был холост. Денщик Бабулин носил ему обед из офицерского собрания. И так носил три года, изо дня в день, и не было у денщика Бабулина никаких достопримечательных случаев за всю жизнь. И разговор с генералом все один и тот же.

И однажды, где-то далеко, объявилась вдруг революция... Революция пришла в Кошкоперск по телеграфному проводу, и потому особенного значения сначала ей не придали. В офицерском собрании было совещание командиров, после которого роты караульного батальона были выстроены и им объявили, что его императорское величество государь император Николай Александрович, утомившийся от управления страной, передал царствование брату своему его императорскому высочеству Михаилу Александровичу... Вот и вся революция.

Потом прокричали «ура» и все было честь честью. Но тут генерал шепнул что-то штабс-капитану Немановичу, и штабс-капитан сказал в виде пояснения коротко:

— Если же найдутся сволочи, которые в связи с этим начнут сеять смуту и заниматься политическими делами, то того взгреют по чем попало, не говоря уже о том, что всякий разинувший рот для рассуждения будет мною собственноручно бит по морде без всякого сожаления.

Однако, вопреки намерениям штабс-капитана, последнее сообщение не только не внесло какую-либо ясность, а даже наоборот, посеяло недоумение в толще молча расходящихся колонн.

Какие такие политические дела и почему смута? И по поводу чего могут быть рассуждения? Ну, переменился царь, вроде как бы заменили новым прежнего ротного али батальонного. Насчет чего же тут может быть смута?

Солдаты начали перешептываться и делиться догадками.

А через несколько дней денщик Бабулин, возвращаясь с судками, встретился со своим земляком пожарным Цурковым, который и объявил ему, что по всей России вроде как бы пожар начался в революционном, конечно, смысле и что по всем концам солдаты во многих местах бьют офицеров, а не наоборот.

Однако, когда Бабулин вернулся домой с простывшим обедом, он был бит генералом, из чего заключил, что в Кошкоперске до сих пор бьют еще наоборот.

Но пошли вскоре странные, быстро тающие дни. Вместе со снегом таяла дисциплина, таял караульный батальон.

А вскоре не стали говорить «ваше благородие», «ваше превосходительство», а просто: господин капитан, господин поручик.

И на глазах у Бабулина началось что-то такое, чего он раньше и представить не мог. Например, собирались солдаты кучками, а офицеры мимо проходят, и солдатам хоть бы что; ни один папиросы не бросит, а не то, чтобы там во фронт. Но в таких случаях Бабулин, торопясь, бежал прочь, ибо он не верил, что это так и надо, ибо он думал, что как после пятого года, так и теперь за это самое через месяц-два будут ссылать в Сибирь и прочие подобные места.

И каждый день по-прежнему он бегал за обедами и был бит генералом по-прежнему и неоднократно.

— Ты что, холуй, пресмыкаешься?— спросил его как-то Чекулдашкин, рядовой из второй роты.— Где твой красный бант и почему у тебя рожа в синяках, подлая твоя душа?!

Но Бабулин виновато замигал узенькими щелочками глаз, закачал головой и так же, как всегда, в страхе торопливо убежал прочь.

Но однажды, возвращаясь по обыкновению из столовой, встретился он с оравой солдат, а у солдат красные флаги в руках, и песни солдаты распевали про свободу и про все такое прочее. Остановился Бабулин и подумал: «Господи, да что ж это такое!»

Подскочил к нему тогда Чекулдашкин-рядовой из второй роты и кричит:

— Брось, дурак, свои судки с обедом и иди с нами... Постой, мы тебя в президиум выберем.

И не успел Бабулин опомниться, как затолкали его на ящики в президиум, а на ящиках стоял черный человек в штатском и говорил о том, что довольно войны, что надо солдат по домам, что долой погоны с офицеров и что скоро в России будет власть одних солдат, рабочих с крестьянами и без всякого участия всяческих паразитов. И точно пелена начала падать с глаз Бабулина; забыл он и про обед, и про судки, крепко сжатые в руке, и про генерала забыл.

«Бог ты мой! — подумал он, окидывая лаву красных знамен.— Да что же это такое, неужели же взаправду?»

И когда кончился митинг, выбрался он и пошел вместе с Чекулдашкиным по направлению к генеральскому дому.

— Погоди,— предложил ему тот,— давай сядем сюда на камень и сожрем по эдакому случаю генеральский обед.

И сели они на камень — и сожрали по эдакому случаю генеральский обед, а также распили бутылку красного вина. И весело им после этого стало. Но потом, когда надо было идти дальше, смутился немного денщик Бабулин и говорит:

— А что мне скажет теперь генерал?

— Ничего не скажет. Мы вот что сделаем...

И, наклонившись, набрал рядовой Чекулдашкин полные пригоршни конского навоза, взвалил полные судки и закрыл крышкой:

— На, неси теперь...

Засмеялся тихонько узкоглазый Бабулин, взял судки и потащил. И генерал, открывши крышку, с криком ярости и отчаяния бросился с кулаками на денщика, но не ударил ни разу, не дотронулся даже пальцем, а так и остался с поднятыми руками, потому что прямо на него смотрели и смеялись узенькие глаза, рябоватое лицо, уголки поросших рыжей щетиною губ. И смеялись хорошим веселым смехом, но было в этом смехе что-то такое, от чего дрогнул вдруг и молча опустил руки генерал Дергач-Оглоперов.

1926 г.

Владимир ВЕРНАДСКИЙ

ЭТИ ГОЛОСА НЕ БЫЛИ УСЛЫШАНЫ

Публикуемая нами статья Владимира Ивановича Вернадского «Украинский вопрос и русское общество» ранее еще нигде не печаталась. Рукописного ее оригинала, к сожалению, не сохранилось. Машинописный экземпляр статьи (3-й или 4-й) с небольшой авторской правкой хранится в личном фонде ученого в Архиве АН СССР (ф. 518, оп. 1, д. 220Б, лл.1—11). Статья автором не датирована. Однако, судя по тексту, время ее завершения относится скорее всего ко второй половине — концу 1915 года.

Сейчас пока можно только гадать, в какое издание (или издания) и какого типа (журнал, газета, сборник...) были посланы Вернадским первые экземпляры статьи (и были ли посланы вообще) и почему она в свое время не была опубликована. Возможно, это когда-нибудь удастся выяснить на документальной основе.

Совершенно очевидно, однако, что в богатейшем публицистическом наследии Вернадского — наследии, современному читателю, увы, практически почти неизвестном и недоступном,— статья «Украинский вопрос и русское общество» занимает важное место.

Обращение ученого к заявленной в заголовке статьи теме было обусловлено рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств. Что касается объективных — они ясны из содержания статьи. Относительно же обстоятельств субъективных сам Владимир Иванович спустя около трех лет после окончания статьи, в 1918 году (находясь в Киеве в период организации Украинской Академии наук, первым президентом которой он стал), сказал предельно лаконично и точно, характеризуя себя как «русского по культуре и по всему укладу своей жизни — правда, русского, вся жизнь которого непрерывно была связана и с Украиной, и с украинским освободительным движением».

Чем можно объяснить столь непривычное для нас гармоническое сочетание в одном человеке двух национальных начал? Ответ и прост, и одновременно очень сложен. В. И. Вернадский занимает свое, одному ему принадлежащее место в ряду великих отечественных мыслителей конца XIX — первой половины XX века (таких, как Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, П. А. Флоренский), для которых в принципе не существовало проблемы так называемого приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. В то время как категории «государство», «класс», «партия» были альфой и омегой практического выживания административно-командной системы, эти люди жили и творили в атмосфере только общечеловеческих ценностей. Иных они не знали и знать не могли. Личность, семья, нация — вот что было для них единственной, по преимуществу, реальностью.

Сегодня, в пору обострения в нашей стране межнациональных отношений, мы учимся у этих мыслителей терпимости, умению понять иную культуру, уважению ко всем народам и их неотъемлемым правам. Все это нашло отражение в предлагаемой читателям статье В.И. Вернадского.

Украинский вопрос есть вопрос старый,— он ровесник появления украинского этнографического элемента в составе Московского государства. В разное время вопрос этот принимал разные формы.

Сущность украинского вопроса заключается в том, что украинская (малорусская) народность выработалась в определенно очерченную этнографическую индивидуальность с национальным сознанием, благодаря которому старания близких и дальних родичей обратить ее в простой этнографический материал для усиления господствующей народности оставались и остаются безуспешными.

Национальное самосознание украинцев развилось на почве этнографических отличий, особенностей психики, культурных тяготений и наслоений, связывавших Украину с Западной Европой, и исторически сложившегося уклада народной жизни, проникнутой духом демократизма.

Когда польско-украинская борьба закончилась добровольным присоединением Украинского государства к Московскому Царству, на основах договора 1654 года[1], одновременно начался долгий, до сих пор не закончившийся, период трений между украинским населением и русскою властью, обусловленных централистическими стремлениями последней.

В XVII и XVIII веках русско-украинские отношения сводились к постепенному поглощению и перевариванию Россией Украины как инородного политического тела, причем попутно ликвидировались основы местной культурной жизни (школа, свобода книгопечатания) и подвергались преследованию даже этнографические отличия. Последовательное развитие новых начал управления к концу XVIII века успело мало-помалу сгладить следы административной автономии на Украине, а сопутствовавшее новому укладу жизни разложение социальных отношений ослабило оппозицию украинцев великорусскому централизму. Как и в период польского владычества, высшие слои украинского общества в значительной части шли навстречу объединительным тенденциям правительства, а народные массы, по мере распространения на Украине новой социально-экономической структуры, обращались в живой инвентарь государственного хозяйства, теряя значение активной силы в национально-культурной жизни края.

Процесс разложения политического единства Украины проходил не без протестов со стороны сознательных элементов украинского населения и не без чрезвычайных мер со стороны государства, ускорявших водворение нового строя на развалинах старого. Были вспышки местных бунтов, попытки первых гетманов спасти политическую самостоятельность края при помощи иных держав, были открытые военные восстания, подавление которых вело за собою жестокие репрессии со стороны центрального правительства. Вместе с тем последнее применяло разнообразные способы уничтожения военной силы Украины, вплоть до специальных карательных экспедиций (разрушение Сечи[1]) и выселения.

По мере ослабления национальной жизни Украины протест против русского централизма принимал иные формы, но не прекращался до конца XVIII века. Одна за другою в Петербурге появлялись депутации, ходатайствовавшие о сохранении и восстановлении народных прав. Созыв Екатериною II депутатов для обсуждения вопросов государственного характера[2] вызвал на Украине целое движение протестов против обезличения украинского народа и лишения его политических прав. Наиболее пылкие украинские политики даже и в этот период считали себя вправе высказывать свои жалобы на действия русского правительства иностранным государям. В литературных произведениях этого времени не умолкает скорбь об утраченных правах и национальных вольностях.

В XIX веке Украина, как политический организм с самостоятельною внутреннею жизнью, перестала существовать, будучи окончательно, по выражению Петра Великого, «прибрана к рукам» Россией. Все следы автономного строя исчезли, все особенности местного уклада, соответствовавшие народному характеру и составлявшие лучшее приобретение национальной культуры,— как организация народного просвещения, своеобразный строй церковно-религиозной жизни,— уступили свое место общерусскому порядку, державшемуся на трех китах: централизме, абсолютизме, бюрократизме. Борьба за политические интересы старой Украины закончилась за отсутствием объекта этой борьбы.

Но национальная жизнь на Украине не исчезла; она в это время начала возрождаться в новых формах, соответственно новым условиям. Благодаря обращению украинских писателей к живой народной речи получила значительное развитие обновленная литература, близкая к широким массам украинского населения и послужившая могучим фактором национального украинского движения.

Совпавшее с этим периодом возрождение западнославянских народностей дало новую почву и широкое научное и культурное обоснование украинскому национальному движению, как одному из составных элементов стремления человечества приобщить народные массы к достижениям культуры и утвердить торжество демократических идей.

Первые идеологи этой стадии украинского движения исходили из идеи равноправия украинской народности с другими славянскими народами и ставили своим идеалом восстановление национально-политической самостоятельности Украины в составе России, на началах федеративного устройства и широкого демократического строя в местном управлении. В дальнейшем развитии движения украинское общество отстаивало, главным образом, свои права на свободное культивирование народного языка в сфере школы и литературы, относя национально-политическую автономию края к постулатам более отдаленной очереди.

Возрождение украинского движения в новых формах вызвало на первых же порах суровые репрессии правительства и положило начало новому периоду борьбы официальной России с украинской народностью — на этот раз уже, главным образом, с национально-культурной стороной ее жизни, как с реальным обоснованием национального самосознания украинской интеллигенции. В официальной терминологии украинское движение этого периода получило название «украинского сепаратизма».

Меры правительства против украинского движения, не считая личного преследования украинских деятелей, выразились в исключительном цензурном режиме, ограничивавшем употребление украинского языка в печати самыми узкими рамками,— в стеснении украинской драматургии и сцены, в гонении на украинский язык в школе, в общем враждебном отношении ко всякому оказательству[1] украинского национального самосознания или даже стихийного влечения к национальному украинскому элементу.

В частных проявлениях борьбы с «украинским сепаратизмом» администрация, особенно местная, доходила до преследования самых невинных и естественных проявлений национальной украинской стихии, как пение народных песен, выступления кобзарей и т.п.

В какой мере в этих случаях правительственная политика не считалась с интересами просвещения и культуры, видно из того, что с наибольшим ожесточением украинская национальная идея преследовалась в церковно-религиозной и школьной литературе. Именно там, где украинская интеллигенция видела лучшее орудие просвещения и наиболее прямой путь к моральному и культурному подъему народных масс, правительство видело лишь угрозу единству русского народа и прочности государства.

Период интенсивной борьбы с украинским движением продолжался, с некоторыми колебаниями и перерывами, более 50 лет, с 1847 по 1905 год. Наиболее острые моменты: 1847 (Кирилло-Мефодиевское братство)[2], 1863 (запрещение религиозной литературы <на украинском языке>), 1876 (запрещение <на украинском языке> всех видов литературы, кроме беллетристики), 1881

[1] Имеются в виду мартовские статьи 1654 года, юридически оформившие автономное положение Украины в составе Российского государства после ее воссоединения с Россией на основе решений Московского земского собора 1 октября 1653 года и Переяславской рады 8 января 1654 года.

[1] Запорожская Сечь была разрушена русскими войсками в апреле 1709 года, а в мае того же года Петр I издал указ о ее ликвидации. Новая Сечь, возникшая в 1734 году в районе бывшей Запорожской Сечи, была уничтожена в 1775 году.

[2] В 1767 году Екатерина II создала Комиссию, целью которой была разработка общероссийского правового Уложения. Под предлогом войны с Турцией работа Комиссии вскоре была прекращена.

[1] Здесь, очевидно, в смысле «проявления», «обнаружения».

[2] Кирилло-Мефодиевское общество возникло в конце 1845 — начале 1846 годов в Киеве и ставило своей целью национальное и социальное освобождение Украины. В Общество входило несколько десятков человек (в их числе Н. И. Костомаров, Н. И. Гулак, Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш и др.). В марте 1847 года члены Общества были арестованы и приговорены к различным мерам наказания.

(подтверждение этого режима). Мотивировалась эта борьба утверждениями об этнографическом, культурном и языковом единстве отдельных ветвей русского народа, о равномерном участии этих ветвей в создании русского литературного языка, общегосударственная роль которого исключает-де необходимость в параллельном развитии иных языков и литератур русского корня; рядом с этим указывалась государственная опасность украинского «политического сепаратизма» и преобладания в украинском движении антигосударственных социальных тенденций; наконец, высказывались подозрения и обвинения в инородном или иноземном происхождении украинского движения, внушаемого и поддерживаемого исконными врагами России, каковы поляки, немцы и т.п.

Правительственная политика этого периода стремилась к определенной цели — достичь полного слияния украинцев с господствующей народностью и уничтожить вредное для последней сознание своей национальной особенности в украинском населении. В своем существе эта политика великорусского национального централизма была, таким образом, не менее сепаратистской, нежели подозреваемое в сепаратизме украинское движение; только официальный сепаратизм был великорусский и клонился к претворению огромного, многоязычного и многокультурного государства в нивелированную по великорусскому образцу страну, великой России — в Великороссию.

Освободительное движение в короткий промежуток 1905—1907 годов дало украинцам свободу от специальной цензуры, прессу, расширение рамок литературной работы, попытки организованной общественной деятельности в сфере народного просвещения. Правящие круги в поворотный момент русской истории (конец 1904 и начало 1905) пошли навстречу и украинской народности в ее наиболее настоятельных нуждах, результатом чего явилось возбуждение вопроса о снятии с украинской письменности цензурных ограничений и разрешение издать украинский перевод Четвероевангелия. Украинское национальное самосознание проявило себя в этот период национальным представительством в Первой и Второй государственных Думах, от которого исходили веские и обоснованные заявления о жгучих нуждах своего разрешения нуждах украинского населения в области народной школы, о национализации среднего и высшего образования, а также местных правительственных и церковных установлений, наконец, о реформах местного управления, экономических и социальных отношений. Эти голоса, однако, уже не были услышаны и вместе с кризисом народного представительства умолкли. Наступил новый период гонений на украинское движение.

Период этот совпал с усилением националистических течений в русском обществе, на которые оперся в своей внутренней политике Столыпин. Борьба со стремлениями инородцев к национальному самоопределению сделалась одним из лозунгов столыпинского управления,— и в число этих инородцев правительством определенно и сознательно включаются украинцы. Сенатский указ о закрытии польской Oswiata[1], как организации, содействующей культурному обособлению поляков от России, служит исходной точкой для действий администрации по отношению к украинским «Просвитам» и другим общественным организациям. В ряде циркуляров по ведомству м<инистерства> в<нутренних> д<ел> Столыпин объявляет борьбу с украинством государственной задачей, лежащей на России с XVII ст<олетия>. Наконец, в качестве кодекса официальных воззрений на украинское движение появляется исследование Щеголева[2].

Осложняющим моментом в украинском вопросе являлось развитие украинского движения за пределами России — в Галиции[3]. Там движение началось в середине XIX века и носило, как и в России, исключительно культурно-национальный характер, с тенденцией к усовершенствованию форм внутреннего управления своей страны. Более широкие рамки политической жизни способствовали успехам украинской культуры в Галиции. Литературные и общественные силы российской Украины в периоды усиленных репрессий отливали в Галицию и также участвовали в местной культурной работе. В итоге украинцы усвоили взгляд на Галицию как на Пьемонт[4] украинского национального возрождения, тогда как русские официальные сферы привыкли смотреть на нее как на очаг украинского сепаратизма, поддерживаемый чужеродными влияниями. Реакционные москвофильские течения Галиции служили опорой такому взгляду.

Отношение широких кругов русского общества к украинскому движению прошло значительную эволюцию. Спокойно-равнодушное вначале, с некоторым интересом к нарождающейся литературе и с идейным сочувствием к национальному возрождению украинцев со стороны отдельных представителей славянофильской мысли, в дальнейшем оно дифференцировалось. Националистические течения относились к украинству подозрительно-враждебно, примыкая к официальной политике. Культурное значение движения пренебрегалось, социальная сторона вызывала опасения, национальная — отвергалась. Прогрессивные круги отвлеченно сочувствовали, но практически держались пассивно, не вникая в положительные стороны движения и не останавливаясь на принципиальной недопустимости стеснений в области культуры. Широкое развитие украинской изящной литературы, успехи украинской науки в Галиции, культурный и экономический подъем украинского населения в этом крае, как наглядное доказательство плодотворности национального начала в народном просвещении,— все это прошло мимо внимания русских общественных кругов. На этом фоне общественного равнодушия лишь временами выделялись единичные случаи глубокого понимания вопроса и активно сочувственного отношения, мотивируемого широко толкуемыми интересами национального единства и целости России. Выражением такого положительного отношения к украинскому вопросу явилась записка Академии наук 1905 года об отмене стеснений малорусского печатного слова, которая имела огромное значение как противовес успевшему образоваться отчуждению между украинской интеллигенцией и русским обществом.

В последнее десятилетие, с усилением в обществе националистических настроений, выяснилось отрицательное отношение к украинскому движению даже в известной части прогрессивных элементов общества, в глазах которых главная опасность движения заключается именно в его культурной роли, угрожающей России национальным и культурным расколом. Эти элементы сознательно поддерживают противоукраинскую политику правительства, их не шокируют административные способы оценки и разрешения вопросов педагогики, филологии, культуры. Из этой среды появляются затем провозвестники русского империализма, признающие право творить культуру только за большими нациями и на этом основании обрекающие культуру 30-миллионного украинского народа на растворение в великорусском море.

Вражда официальной и националистической России к украинскому движению вызвала к себе интерес и внимание в идеологах и руководителях воинствующего германизма, для которого оно представлялось благоприятным фактором в случае возможной борьбы против России.

Это внимание германских политиков к украинскому вопросу не только не побудило русское правительство и общество изменить свое к нему отношение и разрешить его согласно принципам общечеловеческой справедливости, настоятельным нуждам украинской народности и пользам государства, но окончательно ожесточило враждебные украинству элементы, объединив их в ненависти к новому «мазепинству».

Война 1914 года в известной мере явилась результатом этого рода настроений, ибо отношения между Россией и Австрией определялись по преимуществу славянофильско-националистической идеологией, в которой одно из главных мест занимало враждебное отношение к росту украинской культуры в Галиции и стремление к «воссоединению подъяремной

[1] Oswiata (*польск.*) — просвещение; имеется в виду запрещенное царизмом в послереволюционный период польское просветительское общество.

[2] Скорее всего речь идет о книге С. Н. Щеголева «Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи» (Киев, 1914). Как отмечалось в предисловии, книга была составлена автором по более обширному труду под заглавием «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма».

[3] Галиция (Галичина) — территория западноукраинских земель (современные Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области УССР), после воссоединения Украины с Россией оставшаяся в составе Речи Посполитой, а затем, после первого раздела Польши, оказавшаяся под властью Австрии и потом Австро-Венгрии. Воссоединение Галиции с Украиной произошло в 1939 году.

[4] Пьемонт — область на северо-западе Италии, играла ведущую роль в итальянском национально освободительном движении XIX века.

Руси» с Россией на началах этнографического единства.

Успехи России на австрийском фронте в первые месяцы войны дали возможность правительству при содействии националистов предпринять уничтожение ненавистного «очага мазепинства». Осуществлялся этот план с чисто германской последовательностью и жестокостью — путем полного разрушения украинской общественности и культуры в Галиции и насильственного изгнания из нее местных интеллигентных сил.

Период неудач, повлекший за собой отступление из Львова, отрезвил увлекшихся националистов и побудил правительство смягчить свою нетерпимость к украинской национальности в оккупированных частях Галиции. Но общее отношение к украинскому движению не изменилось, о чем свидетельствует тяжелое положение высланных галичан и продолжающиеся цензурные притеснения украинской прессы и литературы в России, которые в последнее время, по-видимому, имеют тенденцию восстановить для украинского слова действие доконституционного режима [1].

Вместе с тем силою вещей «освобождение подъяремной Руси» принимает дальнейшие своеобразные формы. В договорах союзных держав с Румынией видное место занимает передача ей Буковины, а в переговорах с поляками относительно государственного устройства будущей Польши упоминается предстоящая уже теперь замена русского управления польским в «завоеванных частях польской территории»; предположение это, очевидно, касается оккупируемой русскими войсками части Восточной Галиции,— как известно, составляющей не польскую, а исконно украинскую территорию. «Освобождение» свелось, таким образом, сперва к разрушению украинской культуры во имя русского единства, а затем — к отдаче украинского населения Буковины и Галиции на жертву румынизации и полонизации.

Нового в этом для украинской народности, впрочем, мало. И в прошлом ее интересы жертвовались государством в пользу более сильных или более нужных в данный момент соседей — чаще всего в пользу поляков, несмотря на извечную русско-польскую вражду. В XVII веке Андрусовский договор разделил украинскую территорию между Россией и Польшей. В XVIII веке Екатерина <II> помогала полякам подавить восстание украинского крестьянства против польской власти в то самое время, как восставшие считали, что они действуют в интересах России. В XIX веке правительство становится на сторону польских аграриев против украинского демократизма, а слепая борьба с унией [2] содействует полонизации населения Холмщины [1]. В XX веке произведенное русскими руками обескровление Восточной Галиции восстановило в ней прежнее влияние польской культуры, подорванное было развитием культуры украинской. В подобных случаях интересы русского дела, русской идеи, русского единства руководителями русской политики в расчет не принимаются.

По мнению украинского общества, русские прогрессисты пассивным отношением к украинскому вопросу совершают огромную историческую и политическую ошибку. Они усиливают этим позицию правительства и националистов, вместо того, чтобы своею критикой, построенной на тех же исходных точках, какими пользуется официальная теория, разоблачить ее вред и опасность. Голос украинской интеллигенции, при укоренившихся предубеждениях против украинского движения, не может быть убедителен для правительства и широких, мало знакомых с сущностью вопроса, общественных кругов. Тогда как авторитеты русской науки и признанные представители русской общественности своим влиянием могли бы если не окончательно разрешить украинский вопрос, то все же сдвинуть его с мертвой точки и приблизить разрешение этого векового, тяжелого государственного недоразумения.

Опасность для России не в украинском движении как таковом, а в предвзятой трактовке его в качестве вредного и притом наносного явления в государственном и национальном организме. При таком взгляде движение, по существу естественное, органическое и имеющее равное право на существование со всеми аналогичными движениями, отодвигается в ряды бесправных, а потому враждебных данному государственному укладу явлений, легко воспринимающих оттенки чуждых влияний и тяготений. При отказе от традиционной политики самое широкое развитие украинской культуры вполне совместимо с государственным единством России даже при соответствующих стремлениям украинцев реформах внутреннего строя. Продолжение же противоукраинской политики сохраняет в государственном организме язву бесправия и произвола, парализующего **всякий** успех прогрессивных начал не в меньшей мере, чем сохранение пресловутой черты оседлости.

Страх перед племенным и культурным «расколом» ради отвлеченной и проблематической опасности укореняет опасность реальную — примирение с насилием и произволом. Украинцы в этом раздвоении культуры видят, наоборот, расцвет заложенных в русское племя данных и больше боятся нынешнего фактического раскола в русском обществе, обусловливаемого диаметральной противоположностью точек зрения сторонников и противников украинской идеи. Антагонисты украинства не желают допустить свободы украинского движения из страха политического и культурного ущерба для России,— украинцы видят ущерб именно в отсутствии этой свободы и в возможности сомнений и колебаний по такому ясному и простому вопросу. Лучшие из сомневающихся не уверены, что следует допустить украинское движение, украинцы же считают преступлением против общечеловеческого права противодействие просветительной и культурной работе в каких бы то ни было живых национальных формах. Отсюда растущая пропасть взаимного недоверия, переходящего во вражду.

Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинской народностью прав на национально-культурное самоопределение, т. е. прав на свободную национальную работу в сфере школы, науки, литературы, общественной жизни; украинцы полагают, что в интересах не только местной украинской, но и общерусской культуры не ставить препятствий их стремлениям к украинской местной общественной и церковно-религиозной жизни, а также местного самоуправления. В общем, украинцы считают, что свобода украинской культуры требуется именно интересами русского дела и что сохранить украинцев, как русских, Россия может, лишь приняв их со всем национально-культурным обликом, как украинцев.

Так как украинское движение органично и питается корнями народной жизни, то оно никогда не угаснет, а, следовательно, положительное разрешение украинского вопроса для государства, не отказывающегося от основных начал правового строя, неизбежно, и всякие отсрочки и проволочки в этом разрешении только углубляют внутренний разлад в государстве, обществе и народе.

Вопрос идет об охране интересов самой подлинной культуры, притом способной проникнуть в народные массы гораздо глубже и шире, чем та общерусская культура, именем которой оперируют враги украинского движения.

Вопрос идет об отказе от тех самых приемов государственного насилия в национальных отношениях, которые теперь так часто ставятся в упрек германизму.

Вопрос идет о сохранении за Россией культурного и политического воздействия на украинское движение, ибо при нынешней политике всегда будут поддерживаться условия, способствующие тяготению к внешним центрам, как у поляков было — к Кракову, у литовцев — к Кенигсбергу, у украинцев — ко Львову и Черновцам.

Вопрос идет, наконец, о сохранении и развитии русского племени из его исконных корней, об усилении его сопротивляемости чуждым влияниям, об устранении условий, ослабляющих и разлагающих украинскую народность и искусственно отклоняющих ее интересы в сторону не русских тяготений.

Представители сочувственно относящихся к украинскому движению кругов русского общества должны взять этот вопрос в свои руки. Необходимо признать, что ни преследования со стороны правительства, ни отсутствие общественной поддержки не приостановят работы, которую несет на себе, в интересах своего народа, украинская интеллигенция. Но общественное равнодушие пред фактом национального бесправия может поселить в украинцах убеждение в полной безнадежности нормального, эволюционного пути для достижения условий, благоприятствующих их национальной работе. А отсюда, как естественное последствие, могут развиваться, с одной стороны, пораженческие настроения, а с другой — тенденции к уклонению от общегосударственной работы и к сосредоточению всех сил на интересах своей народности, которое во всяком случае обещает больше практических успехов. Убедительным примером в этом смысле являются поляки и их тактика полного безразличия к вопросам текущей русской государственной и общественной жизни, поскольку они не связаны с чисто польскими интересами.

Одним из средств, с помощью которых можно было бы видоизменить в благоприятном смысле отношение русского общества к украинскому вопросу, могут быть публицистические выступления наподобие предпринятого группою ученых издания брошюр по чехословацкому и южнославянскому национальным вопросам. Возможны и иные формы воздействия на малоосведомленные или предубежденные против украинского движения круги общества и влиятельные сферы.

В области публицистики программа практических начинаний на первое время могла бы быть следующая:

а) Установление правильного взгляда на украинское движение в специальных изданиях от имени группы русских ученых и общественных деятелей.

б) В частности, содействие скорейшему разрешению школьного вопроса путем освещения роли родного языка в народной школе и мер к освобождению украинского языка от лежащих на нем в этом отношении ограничений.

в) Содействие введению специальных дисциплин по украиноведению в высшей школе и соответствующих предметов в средней.

г) Содействие отмене всяких ограничений в области культуры, прессы и культурной работы, установленных для украинцев.

д) Быть может, было бы также не неуместно возвысить голос, в общерусских и украинских интересах, против предположенной отдачи украинского населения Буковины и Галиции под власть Румынии и Польши.

Этот вопрос примыкает к более общему вопросу — о судьбе украинской культуры в Галиции и Буковине, полное разрешение которого теперь, конечно, преждевременно, но принципиальное освещение желательно, а некоторые практические шаги, как, напр<имер>, реабилитация эвакуированных из Галиции украинцев,— и безусловно необходимы.

Публикация,
предисловие
и примечания
доктора философских наук
Инара МОЧАЛОВА

---

[1] То есть режима, действовавшего на территории Российской империи, Украины в том числе, до царского Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка».

[2] Объединение Австрии и Венгрии по соглашению между ними 8 февраля 1867 года; распалось в конце 1918 года. На территории бывшей Австро-Венгрии создались Австрия, Венгрия, Чехословакия; часть территории вошла в состав Югославии, Румынии, Польши.

[1] Холмщина (Забужье) — историческая область на реке Буге (ныне в составе ПНР). Название получила от города Холма (ныне Хелм), который основал в XIII веке князь Даниил Галицкий. Холмщина входила в состав Галицко-Волынского княжества, затем находилась под властью Литвы, Венгрии, Польши, Австрии, Варшавского герцогства, в 1815—1914 годах — России, в 1914—1918 годах — австро-германских оккупантов, с 1919 года — в составе Польши. По соглашению между правительством УССР и Польским комитетом национального освобождения, подписанному 9 сентября 1944 года в Люблине, большинство украинцев, живших на Холмщине, переселились на территорию УССР.

НАРОДНЫЕ МУДРЕЦЫ

Иван Селиванов. Знаменитый художник из Кузбасса, о котором его педагог из Заочного народного Университета искусств Юрий Григорьевич Аксенов обмолвился так: «Единственное, от чего уберегла его жизнь, это от лагеря. Все остальное было». Под «остальным» подразумевались холод, голод, нищета, одиночество, скитания без работы, несправедливые обвинения, преследования. Но, может, благодаря этой судьбе скитальца самодеятельный художник, впервые взявший кисть в 40 лет, и смог остаться «янтарно чистым» до последнего вздоха, несмотря на то, что жизнь брала круто с самого детства.

О Селиванове много писалось, имя его вошло во «Всемирную энциклопедию «наивного» искусства», изданную в Югославии, работы участвовали во многих отечественных и зарубежных выставках. И только у себя на Родине до последнего времени он был почти неизвестен... Так что Селиванова-художника Россия теперь знает. Ждет признания другая, не менее важная сторона его человеческого таланта — Мудрость. Он действительно был мудрецом, знал жизнь, имел обо всем глубокое, оригинальное суждение. После себя Селиванов оставил письма и дневники. В издательстве «Молодая гвардия» готовится к печати книга, посвященная творческому пути и жизни Ивана Егоровича Селиванова. Давайте прикоснемся хотя бы к небольшой части этого удивительного наследства...

Иван СЕЛИВАНОВ:

«КАКАЯ ТЫ ХОРОШАЯ, РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ...»

Из писем и записных книжек

Тебе дадены такие права — смотри на синие небеса и в пасмурную, дождливую погоду, и в ясный день — на солнце. Никто тебе не мешает смотреть на земные просторы, которые нас окружают. Это твое неотъемлемое счастье, это любовь твоя, наслаждение твое, это жизнь твоя.

Родина, тобою величаюсь... Люблю тебя, русская земля, после тьмы ночной, когда восходит солнце. Все дышит, все смеется, в глаза тебе заглядывает. Радуется твое сердце, пляшет душа. Какая ты хорошая, российская земля, Родина моя!

Ты, крестьянский сын, как можешь не любить крестьянскую работу. Смотри, перед нами поля, луга, а дальше бор сосновый. Стоит он, красавец — бор, перед нами. В этом всём — наша жизнь крестьянская, и суждено нам по природе наш труд крестьянский любить. Работай, давай, с напряженностью-отдачей всех сил хотя бы простую крестьянскую работу, и ты — первый человек! Работать надо красиво и прекрасно. Плотник, ткачиха, любой рабочий, если работают красиво,— это то же самое искусство!

Мы должны понимать друг друга. Если художник не интересуется людьми, он не настоящий художник. В душу человека не влезешь, за день, за час он меняется не раз. Каждый человек особен своей красотой, настроением, окраской лица. Но больше всего привлекают глаза. Смотри в них — и поймешь самое главное.

Часы тикают с незапамятных пор человечества. Секунды часов превращаются в величайшие века. Время катится! Солнце вертится! Не замечают глаза и умы человечества, как время катится издавно-давно. Время не форма предмета и вещи, время не растенье-явленье в природе. Оно не видимо никогда-никем. Так от вращения солнца, от теплоты его происходит изменение во всем живом, что видит человек в той природе, в которой вы живете. Так человечество меняется ежедневно. Один человек меняет другого. Конечно, в большинстве случаев человек мало это замечает, но все же имеются изредка такие люди, которые за изменением природы и самого человека в общей сложности следят, т.е. изучают все находящееся в окружении себя и других ему подобных людей.

Жизнь плохая, когда люди не имеют постоянства и жизнь стоит на обманстве. Без абсолютной правды никакое общество не проживет. Всякий человек говорит: моя дорога есть дорога правды. Только не у всех правда — истинная...

Настоящая правда есть в народе у всех тех, кто связан с общественно полезным трудом. У других — только правда, но не истина. А надо, чтобы правда была истиной.

Наши прадеды правду искали и правду они не нашли! Мы продолжатели ихни и так же не можем правды найти с глубокой думой-размышленьем. Смотрю на мир — как развиваются людские поколенья, как преобразуется народ! В секрете правда прячется, где тайник с правдой лежит?..

Искали люди правду долгое время у царей и их приспешников. Те категорически сказали: ищите правду в небесах и у своих богов. Богов много у народа, какому богу кланяться?

Любой, хотя какой ни есть человек, если оторвется от общества людей, обязательно пропадет. Потому что все в обществе взаимно работают друг для друга. Шахтер, металлург, врач, пищевик приготавливают свою продукцию для других людей. Все мы, люди, работаем на каждого человека и каждый работает на всех людей.

Если человек живет для себя, только для личной жизни, такого человека можно отнести к козявкам, независимо от образования его и должности.

При моем детстве лес истребляли без удержу. Лес — красавец, истребленный людьми, как жаль мне тех прекрасных видов, что помню еще шестьдесят пять лет назад. Грусть чувствую лесную в душе своей. Теперь и зверю там жить негде. Подумаю — душа тоскует...

Кто землю, природу родную не любит, того можно поставить в ряд с калеками и межеумками. Такой человек подобен дикому зверю. Природа дарит нам настоящее ощущение красоты. Без этого никакого художника быть не может. Многие тысячи людей тянутся к этому для испытания своего таланта. И кому дается познание природы, тот открывает ее тем, кто не видит и не понимает.

Предлагали, предлагали мне, чтобы я в зарубежный музей работы продал, когда выставка за рубежом была. Только я не отдал работу, а по совести — так сперва колебнулся. Потом долго думал: как это я лик свой запятнал — даже мысль такую в душу пустил? Это же как бы я мысленно Отечество хотел предать. Моя работа — для моей Родины.

Люди меня знают поверхностно, в узком смысле слова по литературе, газетам, журналам, но никто из читающих не знает мою автобиографию. И мою фигуру. Особенно в нашей области. Некоторые знают, но немногие. Мне кажется, достаточно и этого.

Не обманешь, не похвалишь — плохую вещь не продашь за хорошую на базаре. Такая формула существует издавна в народе. Можно сказать, с развития мозговой системы человека за истину-правду человек человека угнетает и прищемляет везде и всюду. А если нужно, то расходует. Две силы, борющиеся на поле боя. Одна всегда побеждает, значит, силы равными быть не могут, ни физически, ни умственно-технически...

Ходил по воле в зимнее благоприятное время. Странное в голову влезло, стал на снегу палочкой набрасывать образ Карла Маркса. Ко мне подошла какая-то девчонка-подросток, осмотрела меня с ног до головы: «У тебя хорошо вышло. Жаль, что на снегу — это же замечательный твой труд да еще образ мирового старика Карла Маркса!»

Всю жизнь брожу и всю жизнь черчу я этой палочкой. Как попало, где придется, все, что вижу, то черчу, по воле мысли неразумной. Я часто на снегу черчу, хотя выходит некрасиво, но благодаря труду руки моей душа моя порой смеется. Мгновенно труд мой пропал. Над тобою, надо мною порошит снежок. Пусть поднимется буран, но след труда руки моей не исчезнет без следа.

Нельзя познать ничего на свете, если не видел своими глазами сценок жизни людей. Не каждый одаренный человек может получать познания без учебного заведения — школы. Познания можно получить при упорном труде за многие годы своей жизни, читая книги, которые влекут так же сильно, как завлекательная девочка тянет к себе парня. Без любви человека к природе никто не может овладеть никакими познаниями. Природа есть как превысшая школа.

Нужно создать такие условия труда для народа, чтобы не было различия в жизни простых людей и «господ». В этом и скрыт корень строительства дороги к лучшей жизни. Если соединить сознание простых людей и интеллигенции, можно создать все необходимое для жизни, сделать всех имущими и счастливыми. Но для этого нужны действительно образованные, преданные делу люди.

Честному и благородному рабочему человеку не пристало переносить всякие прискорбия и обиды от начальника-кикиморы. Лучше уж умереть, чем быть в подчинении у начальника-сволочи.

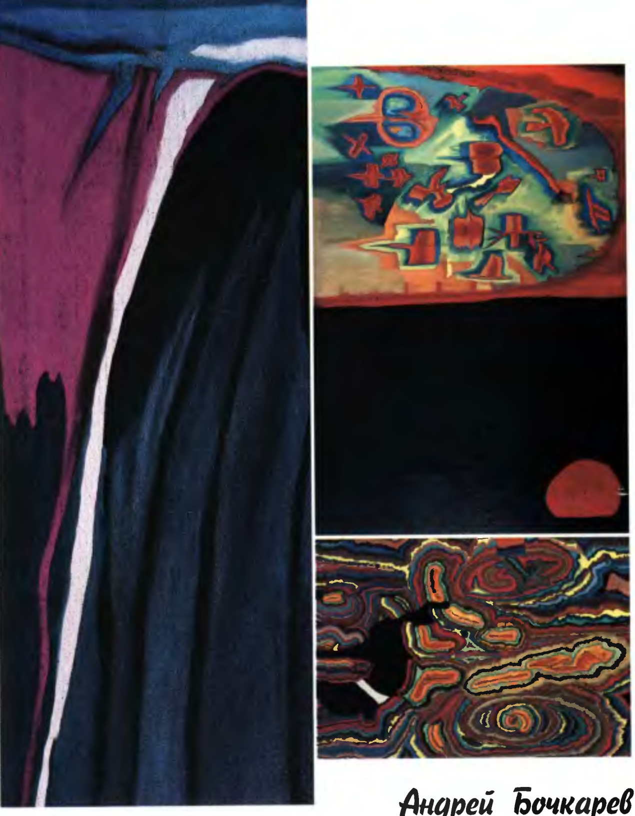
Где бы мы с тобой ни жили, в большом городе или захолустном месте, на самой окраине земли, везде мы видим голубые небеса и просторы земли... Это сущно наше житейское, всех людей широкой земли. Все мы боремся за свободу слова, как за свободу труда своего. Все мы, люди, связаны законами, как грешники цепями железными.

Кто не испытал душевной тяжести в своей юности, тот не понимает, что такое Родина и сама человеческая жизнь...

Что ты ходишь, что ты бродишь, что ты ищешь, мой дружок? Мир велик, разнообразен, всяк по-своему живет: кто танцует, кто играет, а кто заунывну песенку поет. Кто плачет горькими слезами и им притока не найдет. Таких немало в мире нашем, как приблудные живут. Мир большой, разнообразный, всяк по-своему живет: кто торгует, кто смеется, барыши в карман кладет. Порою сердце у меня сжимается. На мир я пошлый смотреть не могу. Искал я правды в широком мире, правды нигде найти не могу. Она где-то стоит под укрытием, в расщелине, и смотрит на мир. Решает важнейшие вопросы: хочет ликвидировать всю нищету.

Публикация Нины КАТАЕВОЙ

Сдано в набор 24.11.89. Подписано к печати 19.12.89. А 00430. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 450 000 экз. Заказ № 1587. Цена 70 коп.
Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Андрей Бочкарев

Самобытный художник из Челябинска — создает картины в стиле интерьерной живописи. Они необычны, колоритны, будят воображение. Творческая судьба художника во многом будет зависеть от того, найдет ли он хорошего спонсора, желательно из англоязычной страны.

Адрес Андрея Бочкарева: 454092, г. Челябинск, абонементный ящик № 17030. Тел. 34-14-15.